

Н. В. Чикина

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАРЕЛИИ

на финском, карельском
и вепсском языках

Н. В. Чикина

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАРЕЛИИ

на финском, карельском
и вепсском языках

Карельский научный центр
Российской академии наук

Н. В. Чикина

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАРЕЛИИ
на финском, карельском и вепсском языках

Петрозаводск
2012

УДК 821.511.1-93(470.22)
ББК 83.3(2Рос=Карел)
Ч-60

Рецензенты:
Ю. И. Дюжев, Р. П. Коломайнен

Ч-60 **Чикина Н. В.** Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках. Петрозаводск, 2012. 150 с.

ISBN 978-5-9274-0545-9

Данная монография посвящена исследованию детской литературы, развивающейся в Республике Карелия на финском, карельском и вепсском языках. Каждая глава начинается общими разделами историко-литературного характера с последующим анализом соответствующей литературы с 1920 по 2011 год. Книга предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, а также всех, интересующихся данной тематикой.

УДК 821.511.1-93(470.22)
ББК 83.3(2Рос=Карел)

ISBN 978-5-9274-0545-9

© Чикина Н. В., 2012
© Карельский научный центр РАН, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Процесс обновления, происходящий в обществе начиная с 1990-х годов, непосредственно связан с изменением нашего взгляда на историю и теорию национальных, в том числе финно-угорских литератур России. К одной из важнейших тенденций, которая требует нового осмысления, относится изучение национальных истоков литературного творчества и закономерностей его становления.

Данная работа представляет собой первое монографическое исследование по детской национальной литературе Карелии, создаваемой на финском, карельском и вепсском языках. В ней рассматриваются вопросы зарождения, становления и развития этих литератур.

Необходимость научной разработки и теоретического обобщения данной проблемы вызвана тем, что на рубеже XXI века особенно остро встали вопросы сохранения языков и культуры коренных народов Карелии: карелов, финнов и вепсов.

Национальный состав республики на протяжении XX века постоянно менялся. Этому способствовали разные причины. На момент создания Карельской Трудовой Коммуны (1920) в ней проживало 55,7 % русских, 42,7 % карелов, 0,5 % финнов. В 1924 году, в связи с территориальным расширением границ, в состав населения влилось 8,6 тысячи вепсов¹. Последняя перепись, проводимая в СССР в 1989 году, показала, что на территории Карелии проживало 78 928 карелов, 18 420 финнов и 5 954 вепсов.

В 1990-е годы произошли существенные изменения в обществе, которые вызвали активную миграцию населения. Большое количество ингерманландских финнов выехало на постоянное место жительства в Финляндию. Нельзя забывать и о естественной убыли населения среди всех коренных народов Карелии.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года в республике проживало 65 651 карелов, 14 156 финнов и 4 870 вепсов². Статистика подтвердила, что количество коренных народов Карелии продолжает сокращаться.

¹ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 67.

² Национальный состав населения Республики Карелия по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Петрозаводск, 2005. С. 4.

В конце XX – начале XXI века шла активная дискуссия по вопросу, какой язык в Карелии должен быть вторым государственным: финский или карельский? Приводились разные аргументы³, в том числе и те, что поднимались в 1920-е годы, когда создавалась республика. Карельский язык – язык титульной нации. Именно карелы дали название республике со дня ее формирования. С другой стороны, финский язык южными карелами всегда воспринимался как чужой, однако для северных – привычен и приемлем. Все усилия по созданию единого карельского языка пока тщетны. Наречия карельского языка за 20 лет так и не объединились, хотя их различия не являются принципиальной проблемой. Финский же язык выступает хранителем традиций «Калевалы» и именно благодаря ему была создана финноязычная литература Карелии.

Многолетняя практика советской национальной политики привела к тому, что «без серьезной государственной поддержки и внимания карельская культура быстро утрачивала свою важнейшую функцию – поддержание культурно-языкового единства и межпоколенной преемственности»⁴. Вместе с вепсами и финнами, карелы оказались в критическом этнокультурном, этноязыковом, а также этнопсихологическом положении⁵.

Этот растянувшийся на десятилетия процесс утраты народами и этническими группами национальной индивидуальности вызвал снижение интереса к прибалтийско-финским народам республики (карелам, вепсам, финнам) в 1980–1990-е годы, когда основной

³ Khairov S. Which Official Language – Karelian or Finnish? Debates on the Draft of the Language Law in the Republic of Karelia // *Boundaries of Earth and Consciousness: Ingrian Finns, Karelians, Estonians, and St. Petersburg's Germans in an Age of Social Transformation*. Helsinki, 2002. P. 238–256.

⁴ Клементьев Е. И. Республика Карелия: Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 56.

⁵ См.: Клементьев Е. И. Карелы: Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991; Клементьев Е. И. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // *Финноугроведение*. 1994. № 1. С. 41–60; Клеорова Т. С. Законопроект как способ решения языкового вопроса в Республике Карелия (реальная практика и перспективы развития) // *Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации*. Петрозаводск, 2002. С. 168–175; Керт Г. М. Очерки по карельскому языку: Исследования и размышления. Петрозаводск, 2002; Бубриховские чтения: проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002.

тенденцией социально-этнических перемен стал выход на широкую сцену общественно-политической и культурной жизни ценностей национальной идентичности. Один за другим возникли общественные организации: «Ингерманландский союз финнов Карелии», «Союз карельского народа», «Общество вепсской культуры»⁶. В Республике Карелия были предприняты шаги по законодательной защите культурно-языковых интересов карелов, вепсов, финнов; разработана специальная Программа по созданию реальных условий для удовлетворения этнокультурных потребностей этих народов и Концепция развития финно-угорской школы, которая рассматривалась как основное звено в возрождении и развитии национальных языков и культуры. За короткий срок была воссоздана карельская (на ливвиковском и собственно карельском наречиях) и вепсская письменности, изданы учебники по вепсскому и карельскому языкам с 1 по 9 классы. Подготовка преподавателей родных языков стала вестись в двух республиканских вузах, ряде средних специальных учебных заведений республики.

С февраля 1998 года действует литературное объединение карелоязычных авторов „Karjalaine Sana“ («Карельское Слово»), поставившее своей целью развитие и совершенствование литературы на наречиях карельского языка и объединение усилий для создания в будущем единого литературного языка.

Большую роль в развитии литературы на национальных языках играет и созданное в 1991 году издательство «Периодика». На его базе выходят книги, газеты и журналы на финском, карельском и вепсском языках. За 10 лет издательством было выпущено 169 книг, из них на карельском языке – 58, на вепсском – 24, на финском – 19⁷.

Поскольку монографическое исследование детской национальной литературы Карелии выполняется впервые, то анализ произведений в нем неизбежно сопровождается историческим описанием становления самих литератур в республике. Хронологические рамки работы охватывают период XX (с момента образования Карельской Трудовой Коммуны) по первое десятилетие XXI века (включительно).

На развитие литературы Карелии всегда оказывали влияние крупные исторические события, так как ее территория является

⁶ См.: Строгальщикова З. И. Роль общественных организаций в формировании современной этнонациональной политики в Республике Карелия // Карелия на этнокультурной и политической карте России. Петрозаводск, 2010. С. 173–188.

⁷ Antropova N. Moskovah meigäläzien lugiettavua // Oma Mua. 2009. 25. kevätk.

пограничной. В начале XX века в состав Российского государства входило Великое княжество Финляндское (ныне Финляндия). Жители западных уездов, пограничных с Финляндским княжеством, имели тесные экономические связи и испытывали заметное влияние финской культуры. В данной работе финская литература, которая была создана для детей до 1920 года, не изучалась.

В ходе исследования автор столкнулась с проблемой поиска книг. В разные годы комплектование библиотечных фондов было неравномерным, к тому же мешали и другие причины. Например, книги репрессированных писателей были изъяты из библиотек и уничтожены еще в конце 1930-х годов. Во время Великой Отечественной войны часть фонда Публичной (ныне Национальной) библиотеки была вывезена в Финляндию, часть находится в библиотеках Санкт-Петербурга, часть просто пришла в негодность и была списана. Поэтому не удалось в полном объеме проанализировать произведения 1920–1930-х годов. Финноязычная детская литература в библиотеках республики представлена скупо. Можно предположить, что частично, а может быть, большая ее часть, уже безвозвратно утеряна или находится в личных библиотеках.

Исследование ограничивается анализом литературы в рамках территории Республики Карелия, т. е. детская литература на вепском языке в Вологодской и Ленинградской областях, творчество авторов, пишущих на карельском языке в Тверской области и Финляндии, не изучалось.

К 1917 году в Карелии не было ни национального литературного языка, ни профессиональной литературы⁸. В глазах российской интеллигенции она представлялась, прежде всего, краем, где возникли эпико-героические песни с Вяйнямейненем и Илмариненом, отличавшиеся богатым мифологическим содержанием. «В „Калевале“ нашли так или иначе отражение практически все эпические сюжеты карело-финского фольклора, — отмечал Э. Г. Карху. — Книжную форму и статус целостного национального эпоса „Калевала“ обрела весьма поздно — и вместе с тем она подлинно народна; по своим мифологическим историям она архаична — но она современна по выраженным в ней мыслям и чувствам»⁹.

⁸ Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920–1980. Петрозаводск, 1989. С. 3.

⁹ Карху Э. Г. Элиас Леннрот: Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. С. 194.

Последовательный ход развития литературной жизни Карелии с 1917 по 2001 год отражен в «Летописи литературной жизни Карелии». В разные годы в ее составлении принимали участие М. Ф. Пахомова, Е. И. Такала, Н. С. Полищук, Х. П. Кабанова, Н. А. Прушинская, Э. П. Кемпинен и другие, в том числе автор настоящей работы.

В «Летописи» раздел «Детская литература» впервые появился в 1927 году. С этого периода можно проследить всю историю развития литературы на национальных языках, большую роль в становлении которой сыграли первые газеты и журналы, издаваемые на финском языке: „*Neuvostonainen*“ («Советская женщина»), „*Neuvosto-Karjala*“ («Советская Карелия»), „*Kipinä*“ («Искорка»). В них наряду с общественно-политическими материалами печатались стихи, рассказы, переводы детской литературы. В первые годы количество и качество их было различным, но в период зарождения писательской традиции каждое произведение считается ценным.

Большое внимание изучению истории финской литературы уделял Э. Г. Карху, ученый с мировым именем. Он был автором «Очерков финской литературы начала XX века» (1972), «Истории литературы Финляндии XX века» (1990). Э. Г. Карху написал первый том «Истории литературы Карелии», посвященный карельскому и ингерманландскому фольклору, а также заключение к коллективному труду, в котором особо отметил желание ряда авторов, этнических карелов, родом из южной и средней Карелии, писать на родном ливвиковском наречии.

Исследователь обнаружил в их стихах «черты, свойственные именно раннему периоду литературного развития и пробуждения этнического самосознания. В послевоенные десятилетия это наблюдалось у севернокарельских писателей, теперь – у ливвиков и вепсов. Главное – это любовь к родной земле, к родному языку и фольклору, к культурному наследию предков... С этих ценностей начинается человек. Тем более без них нелегко существование народа»¹⁰.

Термин «детская литература» имеет обтекаемое значение. В данном исследовании мы придерживаемся классической точки зрения, согласно которой к ней относятся тексты, написанные специально для детей, часть произведений литературы для взрослых, а также

¹⁰ Карху Э. Г. Послесловие к «Истории литературы Карелии» в 3-х томах // История литературы Карелии в 3-х т. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 444.

фольклор – сказки, легенды и рассказы – подпадающие под понятие «детская литература». Собственно детской литературой принято именовать то, что специально написано для детей, а кругом детского чтения – всю литературу, читаемую детьми¹¹.

Иногда бывает трудно отнести то или иное произведение для детского чтения, так как первоначально оно было адресовано взрослым читателям. Однако если все-таки оно оказалось доступно пониманию ребенка, то надолго переходит в круг детского чтения. М. Рыбникова писала: «„Капитанская дочка“, „Дубровский“ А. С. Пушкина, „Вечера на хуторе близ Диканьки“ Н. В. Гоголя, басни Крылова, „Муму“ Тургенева, „Хаджи Мурат“ Толстого, „Каштанка“ и „Ванька“ А. П. Чехова и десятки других книг – все это писалось не для детей, но все это стало „собственностью“ хрестоматий и сборников, издаваемых для ребят»¹².

Новая точка зрения на терминологию сводится к тому, чтобы отказаться от деления на «детскую литературу» и «литературу для детского чтения», и понимать под ней всю совокупность литературы, потребляемой детьми¹³.

Следует учитывать и тот факт, что в трудах литературоведов советского времени М. Ф. Пахомовой, Э. Л. Алто, Э. Г. Карху под «национальной» литературой Карелии подразумевались произведения, написанные на финском языке. В начале XXI века этот термин расширился и под ним следует понимать литературу, написанную на финском, карельском и вепском языках.

На протяжении всего XX века карельскими учеными предпринимались попытки анализа произведений детской литературы¹⁴. Однако при всех несомненных достижениях филологической науки Карелии до сих пор не создано обобщающих трудов и основательных исследований проблем развития литературы для детей.

Изучение произведений младописьменных литератур началось только в конце XX – начале XXI века. Частично, вопросы, касающиеся развития литературы для детей на карельском языке, освещались

¹¹ Детская литература / Под ред. А. В. Терновского. М., 1977. С. 4–5.

¹² Рыбникова М. А. Избранные труды. М., 1958. С. 530.

¹³ Ewers H.-H. Literatur für Kinder und Jugendliche: Eine Einführung. München, 2000. S. 22.

¹⁴ См.: Детская литература Карелии // Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 343–346; статьи Ю. Дюжева и Э. Алто в журнале «Детская литература» (№ 8, 1985).

в диссертации, а позднее, монографии Н. В. Чижиной «Современное состояние литературы на карельском языке» (Петрозаводск, 2011).

Между тем, по свидетельству Е. И. Клементьева, «противники карельского языка требуют, чтобы карельский язык сначала вырос до уровня литературного, вот тогда, мол, и можно вести речь о его готовности выполнять самые широкие функции. Но возникает встречный вопрос, как же развивать карельский язык, если нет необходимых условий, а использование языка крайне ограничено. Все ныне существующие литературные языки «выросли» из диалектов. Наличие диалектов в карельском языке не является препятствием на пути становления карельской литературной традиции»¹⁵.

Бесспорное влияние на возникновение и становление детских национальных литератур Карелии оказало общее развитие советской детской литературы, так как именно она задавала тематические рамки, которым должны были следовать писатели. В связи с этим, можно обнаружить много параллелей как относительно истории развития, так и проблематики.

Настоящая работа не претендует на обобщение всех закономерностей историко-литературного процесса. Главная задача автора – проследить историю развития литератур, определить периодизацию, выявить художественную специфику и ее национальное своеобразие.

Каждая из последующих глав посвящена становлению, развитию и современной ситуации детской литературы на конкретном языке. Монография состоит из введения, трех глав и заключения.

¹⁵ Клементьев Е. И. Республика Карелия: Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 64.

Г Л А В А 1

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Становление финноязычной литературы 1920–1940 годов

С момента образования Карельской Трудовой Коммуны вторым литературным языком, наряду с русским, считался финский язык. В Карелию приезжают финские эмигранты (Финляндия, США, Канада) и финны-ингерманландцы Ленинградской области. Они начинают активную деятельность по созданию детской литературы, которая формируется общими усилиями одновременно в Карелии и Ингерманландии. Как писал Э. Г. Карху, «основы письменной литературы на финском языке закладывались в 1920–1930-е гг. одновременно и сообща для обоих регионов»¹⁶.

4 июня 1923 года в Ленинграде основано издательство художественной литературы на финском языке „Kirja“ («Книга»). Позднее появилось его Петрозаводское отделение. Работа издательства имела большое значение для развития литературы Карелии, так же как и резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года, в которой подчеркивалась необходимость «обратить усиленное внимание на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях нашего Союза»¹⁷.

8 июля 1926 года начала свою работу Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), положившая начало широкому развитию литературного движения в республике. Первоначально в ассоциацию входило 14 человек. Среди них Ялмари Виртанен, Ристо Богданов, Леа Хело, Хильда Тихля, Федор Ивачев и другие. С этого же года появляется раздел литературной критики в «Летописи

¹⁶ Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1994. С. 4.

¹⁷ Правда. 1925. 1 июля.

литературной жизни Карелии». В ноябре 1927 года при КАПСе было создано две секции – русская и финская.

В отличие от карелов и вепсов, чье наследие было представлено только устным народным творчеством, к 1920 году у финнов были финский литературный язык, сформировавшийся еще в XIX веке, и произведения классиков Финляндии. Прибывшие в Карелию эмигранты привезли с собой знания о литературе своей страны, которая являлась частью европейской литературы.

Книги для детей стали выходить в сериях „Kipinän kirjasto“ («Библиотека „Искорки“») и „Koululaisten kirjasto“ («Библиотека школьника»)¹⁸. Параллельно шло создание учебной и переводной литературы¹⁹. Однако, анализируя первые произведения молодых авторов, критики отмечали неправильное словоупотребление, многочисленные грамматические и орфографические ошибки. Это свидетельствовало о том, как писал В. Сало, что «владение литературным финским языком было у них недостаточно»²⁰. Особый разговор шел о языке детской литературы, которая не только несла определенную воспитательную и нравственную идею, но и являлась учебником правильного литературного языка²¹.

Одной из книг, вышедших в 1920-е годы, был сборник рассказов и стихов, посвященный 10-летию юбилею Октябрьской революции в России, „Miten meillä sotaa käytiin“ («Как мы вели войну») под редакцией Ю. Саволайнена. Он состоял из оригинальных и переводных произведений, адресованных детям и взрослым. Все произведения в этой книге направлены на то, чтобы объяснить населению смысл новых преобразований в стране. Борьба большевиков с царизмом представлена в виде войны, которая закончилась победой первых. Среди авторов книги С. Мякеля, Л. Летонмяки, Ю. Саволайнен и другие.

¹⁸ Библиографию произведений детской литературы см.: Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова и Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963; Bibliografia 1918–1944 // Kruhse P., Uitto A. *Suomea rajan takana 1918–1944: suomenkielisen neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia*. Jyväskylä, 2008. S. 135–314.

¹⁹ См.: Чикина Н. Детская национальная литература Карелии: история и современность. Hamburg, 2012. С. 71–89.

²⁰ См.: Salo V. Hyvä kirja pilattu huonolla käännöksellä // Rintama. 1934. N:o 18; Salo V. Huonoa käännös- ja toimitustyötä // Rintama. 1936. N:o 1. С. 67.

²¹ Юфа О. Л. Дискуссия о языке в финноязычной литературной критике Карелии 1920–1930-х годов // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск, 1991. С. 10.

Открывал сборник рассказ „Kymmenen vuotta“ («Десять лет») Ю. Саволайнена. Основой его сюжета было повествование о том, как случилась революция. Об участии детей в революционных событиях шла речь в рассказе „Pieni sankari“ («Маленький герой»). Автор произведения подписался Дм-ский. Тринадцатилетний мальчик по прозвищу Арбуз сначала не понимает смысла происходящих событий, однако потом оказывается в их гуще.

После Октябрьской революции 1917 года власть перешла к большевикам и в стране начались изменения. Появляется целый ряд организаций, понятий, слов, незнакомых и непонятных людям. О таких нововведениях повествует А. Неверов в рассказах „Kommuuna“ («Коммуна») и „Mari-bolsheviikki“ («Мария-большевичка»).

Мальчик Пекка много раз слышал о коммуне, но не знал, что это такое. Однажды с отцом он идет туда. Далее автор рассказывает детям и взрослым о жизни и обычаях в коммуне. Главный вывод, что все делается совместно: работа, еда, отдых.

Другое нововведение – это выборы, в которых могут участвовать как мужчины, так и женщины. Марию Гришанину из рассказа «Мария-большевичка» выбрали делегатом. Реакцию Марии на это решение населения автор описывает так: «Глаза Марии увеличились, щеки покраснелись»²². Возмущению мужчин нет предела – власть в руках женщины! Этого не может быть! Далее подчеркивается мысль, что в Советской стране у всех равные права. Спустя какое-то время жители деревни убеждаются в том, что Мария справляется с работой. То, что Мария теперь большевичка, подчеркивается атрибутикой. У нее есть буденовка со звездой.

Короткие рассказы из сборника «Как мы вели войну» давали краткое представление детям и взрослым о событиях в стране. Они служили частично и учебным пособием, так как знакомили с новыми социальными преобразованиями, атрибутикой, терминологией.

Такой выбор тематики являлся обоснованным. Местное население было слабо знакомо с современной литературой, зато уважительно относилось к фольклору. Э. Г. Карху писал: «этнические карелы и финны были всецело крестьянским народом со своей аг-

²² Miten meillä sotaa käytiin: Kertomuksia ja runoja / Toim. Y. Savolainen. L., 1927. S. 37.

рарной этнокультурой, для которой сами понятия „класс“ и „пролетариат“ оставались еще неизвестными»²³.

Между тем среди финноязычных литераторов Карелии и Ленинграда развернулась дискуссия об использовании фольклорных форм в литературе. Петрозаводские критики предлагали развивать карельскую литературу на основе народных традиций, калевальского языка и метрики. Как писала Э. Л. Алто: «Финноязычные авторы Карелии черпали свое вдохновение в бессмертных рунах „Калевалы“, в близкой им по языку литературе Финляндии»²⁴. Ленинградские авторы же считали, что «пролетарская литература не может создаваться на языке „классово несознательных“ крестьян»²⁵. Согласие по этому вопросу так и не было найдено.

Для детей писали авторы, которые позднее будут репрессированы, а спустя годы, реабилитированы. В их произведениях, посвященных революции, отражена политическая тема. Это было совершенно новое для детской литературы явление: политика, пропаганда. Однако соблюдался принцип народности. Произведения были о детях народа, о детях трудящихся.

В 1920-е годы большое значение имел классовый признак. Учитывалось «социальное происхождение ребенка», «пионер» он или нет. Пионеры считались «политически организованными» и поэтому отличались от других детей²⁶.

В 1930 году журнал „Puna-Kantele“ («Красное кантеле») выступил с призывом к литераторам Карелии о создании на финском языке книг для детей, организации секции детской литературы при КАППе. В статье отмечалось, что кроме букварей и книг для чтения у детей нет литературы. Издательство „Kirja“ выпустило ряд книг („Metsästäjä Eemeli“, „Apuripoika Koljka“, „Tarina Varpu Hottisesta“, „Maitotyttö Dasha“, „Veturi ET 5324“, „Miten kalastuskommuuni syntyi Sukkakosken retkillä“), но в основном это были переводные издания. «Нельзя серьезно говорить о воспитании подрастающего поколе-

²³ Карху Э. Г. Общение культур и народов: исследования и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX–XX веков. Петрозаводск, 2003. С. 71.

²⁴ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб., 1997. С. 8.

²⁵ Юфа О. Л. Дискуссия о языке в финноязычной литературной критике Карелии 1920–1930-х годов // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск, 1991. С. 8.

²⁶ Как изучать читательские интересы детей: метод. письмо. М., 1930. С. 7.

ния, пока для детей и юношества у нас нет литературы, изображающей жизнь, природу и общество в их различных явлениях», – писал журнал²⁷.

Таким образом, призыв журнала о развитии как оригинальной, так и переводной литературы для детей на финском языке подчеркивал важность развития этой области художественного слова. В январе 1932 года Петрозаводское отделение издательства „Kirja“ объявило конкурс на лучшее художественное произведение для детей²⁸. Все это послужило дополнительным импульсом для творческих исканий начинающих писателей в освоении жанров детской литературы, поиске новых тем и жизненных коллизий.

Среди откликнувшихся на призыв писать для детей следует назвать Леа Хело и Оскара Иогансона. Создавая литературные произведения для взрослых, они не забывали и о детях, хотя собственно детского писателя в Карелии на протяжении всего XX века так и не появится.

Тобиас Гуттари (1907–1953) родился в семье ингерманландских финнов России. Получив педагогическое образование, он приехал на работу в Карелию в 1924 году. Начал писать статьи, очерки о сельской жизни под псевдонимом Леа Хело. Литературовед Э. Алто считала его наиболее талантливым среди ингерманландских писателей своего времени.

«По сравнению с финскими эмигрантами, способствовавшим литературному развитию в предвоенные десятилетия, Хело вырос в совершенно иной, чем они, социальной среде. Финские эмигранты, как правило, имели опыт революционной борьбы... Они были воспитаны в основном в условиях городской цивилизации и фабрично-заводской жизни»²⁹, – писала Э. Алто.

В 1930-е годы издаются несколько его книг для детей: „Karjalan metsissä kasvaa paperia“ («В карельских лесах растет бумага», 1932), „Miten kirja syntyi“ («Как родилась книга»³⁰, 1933), „Punainen Armeija – vartija valpas“ («Красная Армия – бдительный страж», 1933), „Jokea voittamassa“ («Побеждая реку»³¹, 1933). Через эти про-

²⁷ Huomio lasten kirjallisuuteen // Puna-Kantele. 1930. N 6. S. 1.

²⁸ Rintama. 1932. N:o 1. S. 3.

²⁹ Алто Э. Ингерманландские писатели в СССР // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск, 1991. С. 20.

³⁰ Перевод на титуле книги «Как рождается книга».

³¹ Перевод на титуле книги «На побеждение реки».

изведения Л. Хело знакомил юных читателей с местными условиями жизни и труда. Полученные знания обогащали мир ребенка на доступных пониманию примерах.

Из названия книги «В карельских лесах растет бумага» читателю становится понятно, что действия разворачиваются в Карелии. Стихотворение знакомит с процессом изготовления бумаги. В Советском Союзе ее не хватает, и все, каждый на своем рабочем месте, помогают решать эту проблему. Вальщик рубит лес, сплавщик сплавляет его по реке, на заводе древесину перерабатывают и варят бумагу. Завершается стихотворение гимном Кондопоге, где работает бумагоделательный комбинат:

Veturi huokaa: Kontupohjasta!
Vaunut vastaavat: paperirullia!
Kontupohjasta, paperirullia,
Tarpeiksi Neuvostomaan!³²

Паровоз ревет: из Кондопоги!
Вагоны отвечают: бумажные рулоны!
Из Кондопоги, бумажные рулоны,
Необходимые Советской стране!³³

Произведения со схожими сюжетами появятся и в русской детской литературе Карелии в 1950-е годы. В частности, Юлия Николова интересно и доходчиво рассказывала маленьким читателям о тяжелом труде лесорубов и бумажников в стихах «Как в лесу бумага выросла» (1953), «Поселок в лесу» (1953).

Сюжет рассказа Л. Хело «Как родилась книга» автобиографичен. Авторы «Очерка истории советской литературы Карелии» писали: «Это повествование о процессах, связанных с книгопроизводством, начиная с изготовления бумаги и кончая писательской работой и типографским делом».³⁴

Однажды к писателю Л. Хело обращаются дети Элви и Вейко с просьбой рассказать о создании книги. Действие начинается в Петрозаводске. Показан труд писателя: пока петрозаводчане в выходные купаются в Онего, загорают на пляже, Хело печатает на машинке рукопись будущей книги. Затем он отправляет ее по почте в г. Ленинград, где находится издательство „Kirja“.

Глава «Социалистическое соревнование» начинается с описания работников типографии: «В типографии работают как мужчины,

³² Helo L. Karjalan metsissä kasvaa paperia: Runoja. L., 1932. S. 14.

³³ Здесь и далее без дополнительного указания подстрочный перевод с финского Н. В. Чикиной.

³⁴ Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 346.

так и женщины. По национальности одни были финны, другие – русские. Большинство русских было родом из Ленинграда, но были и из средней России. Среди финнов были финляндские финны, а также родом из Ингерманландии и Америки»³⁵. Последнее предложение подтверждает миграцию финнов в начале XX века. Фотографии типографии тех лет, иллюстрирующие книгу, добавляют ей документальности.

Описывается посещение школьниками редакции журнала „*Kirinä*“³⁶, где они узнают о нехватке бумаги в стране и о Кондопожском бумагоделательном комбинате. Заканчивается повествование предложением «Это был рассказ о том, как ЭТА КНИГА РОДИЛАСЬ» (С. 36). В занимательной форме детям был представлен сложный производственный процесс.

Обе книги Л. Хело – одна в жанре поэзии («В карельских лесах растет бумага»), другая в прозе («Как родилась книга»), познакомили юных читателей с проблемами страны, нелегким трудом взрослых. Учили их совместной работе, где роль каждого участника трудового процесса важна и, в конце концов, вознаграждается итоговым результатом.

Яркая, цветная книга «Красная Армия – бдительный страж» в стихотворной форме рассказывала о роли Красной Армии в жизни страны. Сюжет охватывает революционные события, гражданскую войну и охрану границы в мирное время. Завершается книга иллюстрацией парада на Красной площади в Москве. Здесь можно сказать, что художник Э. Салми опередил время. Иллюстрация очень напоминает военный парад 1945 года. В этой книге Л. Хело осветил тему патриотизма, любви к Красной Армии.

Действие повести «Побеждая реку» разворачивается на строительстве гидроэлектростанции на р. Свирь, куда приезжает семья Михеевых. Им посчастливилось увидеть своими глазами пробуждение новой жизни в лесной глуши, где до этого главным хозяином оставался медведь. Главы о детях чередуются с очерками о строительстве Свирьстроя, изображается масштабность стройки, ее хозяйственная необходимость.

³⁵ Helo L. *Miten kirjja syntyi*. L., 1933. S. 22. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

³⁶ О роли журнала «*Kirinä*» в становлении детской национальной литературы см.: Чикина Н. Детская национальная литература Карелии: история и современность. Hamburg, 2012. С. 217–230.

Писатель описывает тяжелые бытовые условия строителей, но показывает их как временные. Мальчики – Коля, Ваня, Саша – задумываются о том, куда они поедут дальше. Ведь стране нужны рабочие, бригадиры, техники и другие. Проводится мысль об участии пионеров в социалистическом строительстве, они должны оказывать посильную помощь государству.

Автор не боится написать о труде осужденных. Подчеркивается, что они также участвуют в соцсоревновании, получают зарплату, только живут в отдельных бараках. Л. Хело пишет о том, что среди осужденных были разные люди. Были те, кто осознал свои поступки, но были и те, кто остался классовым врагом. Преступления совершались и на стройке.

Описание школьной жизни ограничивается трудом учащихся. Выход детской газеты «Юные ленинцы» стал настоящим праздником на Свирьстрое. По стране шло пионерское движение, и настало время и Коле стать пионером. В своем заявлении он пишет, что хочет принимать участие в строительстве социализма.

Хело заканчивает повесть следующим предложением: «Перед ней стоял будущий строитель электростанции, юный ленинец, пионер Коля Михеев»³⁷. Этими строками писатель подчеркивает главную цель, которой должны были следовать дети эпохи социалистического строительства.

В целом все представленные выше произведения Л. Хело носили познавательный характер. В них содержится много документальных фактов.

В отличие от Леа Хело, Оскар Иогансон (1892–1938) родился в Финляндии. Был участником финляндской революции 1918 года. В Карелии работал учителем с 1925 года. Член Союза писателей с 1934 года. О. Иогансон принимал активное участие в литературной жизни Карелии. В 1930-е годы написал ряд книг для детей: „Miten kalastuskommuuni syntyi Sukkakosken retkellä“ («Как во время похода на Суккакоски родилась рыболовная коммуна», 1930), „Mäntsälän pikkupunikit“ («Маленькие красногвардейцы Мянтсяля», 1931), „Kalamiehet“ («Рыбаки», 1933).

В своей первой книге «Как во время похода на Суккакоски родилась рыболовная коммуна» О. Иогансон в прозе отразил организацию рыболовных артелей в Карелии. Повествование начинается с

³⁷ Helo L. Jokea voittomassa. L., 1933. S. 82.

того, что пионеры отправляются с пионервожатым Юрье в поход в местечко Суккаоски, где живет дед Микки, из года в год занимающийся ловлей и солением рыбы. У каждого из ребят в походе есть свое занятие: один кипятит чай, другой – жарит рыбу, третий – собирает хворост. Параллельно они начинают осваивать рыболовное дело, а по вечерам Микки рассказывает им сказки.

Пионеры горят желанием помочь своему колхозу решают организовать рыболовную коммуну. Юрье говорит: «Сейчас пришло новое время, и у нового времени новые требования»³⁸. Ребята понимают, что без помощи взрослых им не обойтись. Дед готов поделиться опытом, но не все ему ясно. Тогда отец Юрье составляет коммунарам план рыбной ловли, и весной коммуна во главе с Юрье отправляется рыбачить на Воттозеро. Там они не только ловят рыбу, но и борются с браконьерством. Здесь О. Иогансон описывает активное, коллективное вмешательство детворы в дела деревни.

Одна из черт повествования – лиричность. Описания природы и образный язык, используемый О. Иогансоном, отличает его от других авторов. По дороге на Воттозеро пионеры встречают пару лебедей. Девочки предлагают назвать это место Проливом лебедей, а Юрье предлагает назвать мыс Девичьим. Красота природы восхищает: «И те березы на том мысу, как девушки, такие белые и красивые» – говорит Микко (С. 22). Лирическое в повести сочетается с гражданским. Образы мысов Девичьего и Костра переплетены в повествовании с образами рабочего и крестьянина, которые подают друг другу руки.

Не обходится Иогансон и без включения фольклора в повесть. Лису называет Kettu Repolainen. Пословица „joka kesällä onkii, sen suolia talvella nälkä tonkii“ («кто летом удит, у того зимой голод в кишках копается») подчеркивает народную мудрость о том, как трудно бывает пережить зиму.

Неосторожное обращение пионеров с костром приводит к пожару в лесу. Они решают написать плакат: «Из одного дерева получают миллион спичек, но одна спичка может сжечь миллион деревьев» (С. 27).

Рассказ о создании рыболовной коммуны получил поэтическое продолжение. В 1933 году Иогансон написал стихотворение «Рыбаки».

³⁸ Johansson O. Miten kalastuskommuuni syntyi Sukkakosken retkellä. L.; Petroskoi, 1930. S. 14. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

Главным героем произведения является мальчик Харло. Стихотворение начинается с известия о том, что в деревне появляется коллективное рыболовное хозяйство. Всю зиму два деда: Микки и Онни вяжут сети. Это обычное занятие для мужчин. К тому же они еще и рассказывают сказки, поэтому Харло интересно рядом с ними. С приходом весны все отправляются рыбачить. Улов получился хороший, и бригада рыбаков показывает пример другим. Главный вывод стихотворения – надо работать в коллективе.

Произведения О. Иогансона «Как во время похода на Суккакоски родилась рыболовная коммуна» и «Рыбаки» отвечали веяниям времени. Тема коллективизации рыбной отрасли отражалась и в произведениях русской советской литературы. В частности, Я. Виртанен перевел на финский язык повесть В. М. Гамалея «Рыбаки»³⁹. Главная тематика всех произведений данного периода – это художественное осмысление социальных изменений.

Выбивается из этого ряда книга О. Иогансона «Маленькие красногвардейцы Мянсяля», посвященная пионерам и октябрятам Финляндии. Повесть описывает трагические события в период революции 1918 года. Главным героем является бездомный сирота Олли Канерва. В один из дней его забирают в полицейский участок, где выясняется, что он сын политзаключенного: отец Олли умер в тюремном лагере Таммисаари, упоминания о котором есть и у других «красных» финнов. В частности, Рагнар Руско написал очерк о жизни в нем политических заключенных⁴⁰.

Ненависть полицейских к Олли вызывает взаимную враждебность. Жизнь мальчика резко меняется, когда его находит объединение, заботящееся о детях политзаключенных. Олли едет в пионерский лагерь Мянсяля, организованный красногвардейцами. О. Иогансон проводит мысль о том, что дети хотят быть большевиками и сражаться за советскую Финляндию. Символом свободы для участников лагеря является красный флаг, который каждое утро поднимают на построении и опускают вечером.

Однажды покой детей нарушают люди в военной форме, которые арестовывают руководителя лагеря. Детей поручают другому персоналу – лоттам⁴¹. Лотты говорят: «Мы все финны, благородный народ, у которого большое прошлое, и еще большее будущее. У этого народа

³⁹ Lähemäk. J. Kirja karjalaisesta kalastaja-kollektiivitaloudesta // Rintama. 1935. N:o 2. S. 76.

⁴⁰ Rusko R. Kasinon luu. L., 1926. 17 s.

⁴¹ Лотты – женщины, состоящие в добровольных военных организациях Финляндии.

есть свой флаг. Не красный, а с синим крестом...»⁴². В данном отрывке чувствуется гордость Иогансона за финский народ и его стяг, однако далее он называет это знамя вражеским.

Утром детям предлагают поднять флаг Финляндии. Олли говорит: «Наш флаг красный» (С. 29). К досаде остальных, стяг все-таки поднимает пятилетний мальчик. Меняется ситуация в стране, и сиротский дом становится пустым. «Опекун» детей – рабочий класс – был повержен. Всех ждало неизвестное будущее. Если у взрослых был выбор и десятки красногвардейцев тайно уехали в СССР, то у детей Мянсяля было неизвестное будущее. Сирот привезли на вокзал и развезли кого куда. Заканчивает повествование О. Иогансон следующим: «И поезд вез их кого куда, в неизвестное будущее» (С. 33).

Документальность рассказа подтверждает фотография на обложке книги, где организаторы сиротского дома в Мянсяля поднимают флаг.

Повестью «Маленькие красногвардейцы Мянсяля» О. Иогансон хотел показать всю трагедию «красных» финнов и их детей. Идея «светлого будущего», к которому они так стремились, потерпела крах. После поражения революции в Финляндии, несмотря на любовь к родине, «красные» финны были вынуждены покинуть ее. Являясь непосредственными участниками и свидетелями событий 1918 года, они смогли правдиво описать их. О. Иогансон продолжает традиции советской детской литературы 1920-х годов, одной из тем которой была судьба юношества, потерявшего во время гражданской войны родину.

А. Хурмеваара отмечала, что писатели, особенно участники революций в России и Финляндии, отводили центральное место в своих произведениях теме революции и классовой борьбы. Рассказы Р. Руско „*Mitä tiedän Matti Mittakaavasta*“ («Что я знаю о Матти Миттакаава», 1932) и Петри Похьянпало „*Pikku-Paukku*“ («Маленький Паукку», 1931) сначала были опубликованы на страницах детского журнала „*Kirinä*“. Если герой Р. Руско знакомил детей с событиями современной международной жизни в Англии, Финляндии, Китае, то П. Похьянпало представил реального персонажа, участвовавшего в революции и борьбе против интервентов в Карелии в 1918–1920 годах.

⁴² Johansson O. Mäntsälän pikkupunkit. L.; Petroskoi, 1931. S. 28. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

О жизни юноши, прибывшего в СССР после поражения революции в Финляндии, П. Похьянпало написал в книге „Murrosajan lapset“ («Дети переломного времени», 1933). Борьбе с белофиннами посвящена книга К. Кивеля „Nuori sissi“ («Молодой партизан», 1934).

Эмиль Раутиайнен в книге „Antin ja Petrin matka salolle“ («Поход в лес Антти и Петри», 1933) рассказал о том, как крепнет дружба детей, проявляется сила воли, рождается чувство товарищества при выполнении сложной задачи – доставки денег из райцентра в лесопункт.

К сожалению, в СССР судьбы самих писателей-эмигрантов тоже сложились по-разному, и у большинства из них трагически⁴³. В частности, О. Иогансон был арестован по ложному обвинению в национализме и расстрелян. Р. Руско (наст. фамилия Нюстрем) умер в лагере. Оба были посмертно реабилитированы в 1956 году.

Финский исследователь М. Юликангас писал: «Они еще не осознали, кто они в этой стране: то ли ожидающие возвращения на родину беженцы, которые должны продолжить развивать традиции рабочей литературы Финляндии за границей, то ли Советский Союз – их родной дом, и им нужно раствориться в большой советской литературе»⁴⁴.

Основной тематикой произведений Л. Хело и О. Иогансона, писавших в 1930-е годы для детей, стали социальные изменения в стране, индустриализация республики и коллективизация в деревне. Критики писали: «Годы запахли по другому – цементом, известью, железом, горизонты зазубрились силуэтами строительных вышек»⁴⁵.

Л. Хело и О. Иогансон стали активно писать для детей тогда, когда литература Карелии еще только начинала свое становление. Работая педагогами, они как никто понимали необходимость создания детской литературы и откликнулись на требования времени. Из

⁴³ См.: Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов: биобибл. указ. Петрозаводск, 2005. 124 с.; Книга памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР. Т. 1 / Сост. Л. А. Гильди, М. М. Браудзе. СПб., 2010. 652 с.

⁴⁴ Юликангас М. Финское литературное движение в Карелии 1920–1930-х годов // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века: Гуманитар. исследов. Вып. 3. Петрозаводск, 2009. С. 203.

⁴⁵ Ершов Л. Ф., Никулина Е. А., Филиппов Г. В. Русская советская литература 30-х годов. М., 1978. С. 6.

повествовательных жанров преобладали рассказы, а из поэтических – стихотворения.

Особого внимания заслуживают произведения для детей, созданные Л. Хело в 1930-х годах, так как в дальнейшем он больше не писал их, а лишь ограничился составлением книг для чтения. Поскольку Л. Хело был участником Великой Отечественной войны, данная тематика тоже нашла отражение в его творчестве. В частности, он перевел на финский язык роман А. Фадеева «Молодая гвардия», который прочно вошел в круг юношеского чтения.

В 1930-е годы начала развиваться детская драматургия. В этот период она представлена бытовыми пьесами и пьесами-сказками И. Шульца „Parempi myöhään kuin ei milloinkaan“ («Лучше поздно, чем никогда», 1927), О. Иогансона „Mainio viitonen“ («Великолепная пятерка», 1931), В. Викстрема „Kipinästä tuli syttyy“ («Из искры возгорится пламя», 1931), Л. Гренлунд „Karaga“ («Карага», 1931) и Т. Тяккя „Sadonvartijat“ («Охранники», 1934).

«Успешное строительство социализма в СССР и первые успехи китайской революции оказали существенное влияние на развитие национально-освободительной борьбы во всем мире, особенно в Индии, Индонезии, Марокко, Египте»⁴⁶. Пьеса Лююли Гренлунд «Карага» описывает события национально-освободительного движения в Индии в 1920-е годы. Карага – это имя мальчика, который вместе с другими ребятами работает на заводе. Растет недовольство трудящихся и их детей, которые вынуждены с малых лет работать, не доедать, в то время как дети богатых англичан капризны и ни в чем не нуждаются. Главной мыслью пьесы является идея освободительной борьбы.

Карага рассказывает матери о чудесной стране, где мальчикам и девочкам не надо работать по 12 часов, они все ходят в школу, там нет богатых и бедных, у всех есть работа и хлеб. Поскольку им туда никогда не попасть, надо сделать из Индии такую же прекрасную страну. Дети уже не хотят быть рабами, они становятся борцами за будущее своей страны. Заканчивается произведение трагической гибелью Караги и призывом к свержению власти.

Как и Р. Руско, Л. Гренлунд своей пьесой знакомила юных читателей с международной жизнью и классовой борьбой, происходящей в других странах. Независимость Индия получит лишь после окончания Второй мировой войны.

⁴⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1977. С. 354.

Финский национальный колорит в пьесе подчеркивается лишь использованием Гренлунд традиционных ласковых обращений к ребенку в семье: *pikku lintuseni* (маленькая птичка), *kultaseni* (золотая), *pikku raukkani* (маленькая бедняжка).

Гренлунд дает рекомендации режиссеру-постановщику о том, какие костюмы должны быть у актеров, играющих индийцев. Обращает внимание на цвет их кожи, волос, что лица должны быть узкими и с прямым носом, выражения – усталыми.

По мнению А. Хурмеваара, почти все пьесы того периода прямолинейны и наивны. Она выделяла лишь произведение Т. Тяхкя, так как в нем была сделана попытка «очертить отдельные характеры», «диалог пьесы живой, реплики школьников написаны с юмором»⁴⁷.

Одним из важнейших источников, способствующих зарождению детской финноязычной литературы, был национально-творческий подъем. По мнению Э. Алто, «одной из важных для ингерманландцев причин, побудивших участвовать в литературном движении, стал приезд в Петроград финских революционных эмигрантов»⁴⁸. Скромные успехи, достигнутые в 1920–1930-е годы в детской литературе на финском языке, наметили пути дальнейшего развития, однако период благополучия был прерван изменившейся политической ситуацией в конце 1930-х годов. Нарастало напряжение между Финляндией и СССР, которое вылилось в советско-финляндскую войну 1939–1940 годов. В связи с этим роль финского языка в республике была снижена, и в 1937 году приоритет получает карельский язык⁴⁹.

В письме Карельского обкома партии секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину о необходимости исключения финского языка из государственных языков Карельской АССР Н. Иванов сообщал: «Прекращено издание литературы на финском языке. Разработан и утвержден план издания в 1938 году литературы и учебников на карельском языке и обеспечивается его выполнение в установленные сроки»⁵⁰.

⁴⁷ Детская литература Карелии // Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 346.

⁴⁸ Алто Э. Ингерманландские писатели в СССР // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск, 1991. С. 17.

⁴⁹ Подробнее об этом написано в Главе 2 данного издания.

⁵⁰ Карельский государственный архив новейшей истории (далее КГАНИ). Ф. 3. Оп. 5. Д. 86. Л. 10. Отпуск.

С 1940 года статус финского языка был вновь восстановлен в связи с образованием Карело-Финской ССР. Вскоре началась Великая Отечественная война, и о детской литературе пришлось забыть. Однако с 1941 по 1944 годы территория Карелии была оккупирована финскими войсками, и обучение в школах велось на финском языке. После окончания войны в 1945 году все силы были направлены на восстановление разрушенного народного хозяйства.

Развитие литературы в 1950–1980 годах

Среди молодых писателей 1950-х годов У. Викстрем выделял Салли Лунд и Пекку Пертту⁵¹. Начинающие тогда авторы (Т. Сумманен, С. Лунд, П. Пертту), позднее станут известными в Карелии и за рубежом писателями, а пока, именно с их произведений начинается детская финноязычная литература этого периода⁵².

С 25 марта по 2 апреля 1952 года по всему Советскому Союзу проходила «Неделя детской книги». В городах и селах Карело-Финской ССР были организованы выставки, состоялись литературные вечера, коллективные чтения и обсуждения лучших произведений детской литературы.

В ведлозерской детской библиотеке читатели обсуждали книгу Л. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре». В дни каникул там проводились громкие читки для детей 1–4 классов по сборникам народов СССР, а для 5–7 классов по книге Э. Эристина «Марыкчанские ребята»⁵³.

⁵¹ Vikström U. Nuorista runoilijoistamme: (Muutamia arvostelevia ajatuksia) // Punalippu. 1949. N:o 9. S. 132.

⁵² Библиографию произведений детской литературы см.: Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова и Н. С. Полишук. Петрозаводск, 1963; Летопись литературной жизни Карелии (1962–1966) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1968; Летопись литературной жизни Карелии (1967–1971) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1974; Летопись литературной жизни Карелии (1972–1976) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1978; Летопись литературной жизни Карелии (1977–1981) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1984; Летопись литературной жизни Карелии (1982–1986) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова, Н. А. Прушинская. Петрозаводск, 1989; Летопись литературной жизни Карелии (1987–1991) / Сост. Н. А. Прушинская, О. П. Кошкина, Э. П. Кемпинен. Петрозаводск, 1994.

⁵³ Рочева Н. Неделя детской книги // Сталинец. 1952. 20 марта.

Такое внимание к детской литературе станет ежегодным. В последнюю неделю марта – время весенних каникул у школьников – традиционно по всему Советскому Союзу проводилась «Неделя детской книги». В частности, 24 марта 1963 года в Петрозаводске в Доме профсоюзов состоялось ее торжественное открытие. Во многих городских и районных библиотеках, клубах, Домах культуры республики прошел праздник детской книги. Пионеры встретились с писателями Карелии и Ленинграда⁵⁴.

По мнению А. Морозовой, в 1950-е годы детей особо интересовали произведения, в которых «отражается твердость характера и целеустремленность советских людей, непоколебимая принципиальность и отвага, безграничная любовь и вера в Социалистическую Родину и Коммунистическую Партию»⁵⁵.

Среди книг, выпущенных в этот период, удалось обнаружить только одну. «Песенник для школьников» („Lauluja koululaisille“, 1955) представлял собой сборник переводов песен советских и зарубежных авторов, а также включал песни на стихи карельских поэтов Я. Ругоева, Л. Хело, В. Эрвасти и других. Составитель сборника К. Раутио не обошел вниманием русские и финские народные песни.

В период с 1960 по 1980-е годы был выпущен целый ряд поэтических книг, адресованных дошкольникам и младшим школьникам. Сюжет стихотворения Пентти Росси „Pikku metsästäjä“ («Маленький охотник», 1966) прост: отец уходит на охоту, мальчик остается один дома. Ему скучно, и он начинает играть в охотника. Сделав себе лук и стрелы из можжевельника, которые заменят ему ружье, мастерит мишень-лису. Завершается произведение выводом о том, что в следующий раз мальчик подстрелит настоящую лисицу.

Перекликается с книгой П. Росси стихотворение Иосифа Хмяляйнена „Tuomo rakentaa“ («Туомо строит», 1968), главным героем которого является мальчик Туомо, строящий весной на ручейке «электростанцию». Ему помогают в этом сестры – натягивают на ивовые веточки нитки. В стихотворении представлена детская сюжетно-ролевая игра. Она понятна и близка детям. Итогом игры является то, что везде «проведено» электричество, даже в будку к собаке. И. Хмяляйнен в занимательной форме посредством

⁵⁴ Koski M. Lasten kirjastossa // Punalippu. 1963. N:o 3. S. 120–121.

⁵⁵ Morozova A. Kirjallisuuden lukemisesta perhepiirissä // Punalippu. 1956. N:o 1. S. 121.

комментария к конкретной игре мальчика рассказывает о том, как проводят электричество.

Книги П. Росси и И. Хямäläйнена ярко иллюстрированы, сюжеты, их содержание легко и доступно детям. Даже композиционно эти произведения построены одинаково.

В жанре лирического и пейзажного стихотворений написано произведение С. Лунд „Kevätvihreä tie“ («Весна-красна», 1970). Герой путешествует по улицам, набережной, лесу, радуясь оживающей природе и ее красоте. «В лирике С. Лунд эмоциональное отношение человека к природе Карелии представлено во всем его богатстве»,⁵⁶ – писала Э. Алто.

Вейкко Федорович Пяллинен (1921–2001) более известен в музыкальной жизни республики, и в частности, Калевалы. Мать Вейкко Насто происходила из знаменитого рунопевческого рода Киелевйненнов. Она была дочерью Васселея, который в 1833 году спел известному собирателю фольклора Э. Лённроту песню о чудесной мельнице Сампо. Позднее эта руна вошла в эпос «Калевала». Именно такое богатое наследие подтолкнуло В. Пяллинена к творчеству, как музыкальному, так и поэтическому. Ему принадлежит авторство ряда песен на стихи поэтов Я. Ругоева, Т. Сумманена, Л. Хело, В. Эрвасти.

В. Пяллинен очень любил детей и писал для них стихи. Дошкольникам была адресована его книга „Pikku runoja pallerisille“ («Стишата малышам», 1981). Короткие емкие произведения подчинены различной тематике, доступной малышам. Времена года, детские занятия (катание на лыжах зимой, плетение венков летом и т. п.), мир природы отражены в его поэзии. Например, радость ребенка от приобретения котенка передана строками стихотворения „Mirri“ («Мирри»)⁵⁷:

Meidän mummo, Pekka hoi,
Kissanpennun kotiin toi.
Miriksi sen, harmaan,
Mummo ristii varmaan.

Наша бабушка, Пекка,
Принесла домой котенка.
Назвала его, серого,
Бабушка Мирри.

⁵⁶ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб., 1997. С. 165.

⁵⁷ Pällinen V. Pikku runoja pallerisille. Petroskoi, 1981. S. 15.

Героями первой книги Тайсто Сумманена (1931–1988) „Oliko norsuja“ («Это были слоны?», 1982) стали дети. Хейкки из стихотворения „Miten Heikki parantui“ («Как Хейкки исправился») никогда сам не одевался, ему помогали бабушка, мама, сестра Нина, дедушка и папа. Но однажды наступил момент, что все оказались заняты, и мальчик справляется сам. Мораль стихотворения такова – излишняя опека взрослых часто вредит детям.

Произведение „Pikku Pekka piirustaa“ («Маленький Пекка рисует»), так же как и предыдущее, впервые было опубликовано на страницах журнала „Punalippu“. Мальчик рисует четыре картины: на одной изображен дед – смелый красный комиссар, на второй – отец, дошедший с боями до Берлина, на третьей – брат, который служит в армии, а на последней сам Пекка – будущий летчик. Ребенку нужно сделать выбор – лучший рисунок отнести в детский сад.

Veli on sotilas... Vaari soti
Isä myös soti. Jätänkö kotiin
Oman kuvani?⁵⁸

Брат – солдат... Дед воевал
Отец тоже воевал. Оставляю
дома свой портрет?

Наконец, выбор сделан – все рисунки Пекка отнесет в детский сад. На этом примере Т. Сумманен показывает военное прошлое одной семьи. Все мужчины – дед, отец, брат – находились на военной службе, поэтому мальчик тоже уже определился. Через стихотворение осуществляется патриотическое воспитание личности.

О том, как много надо знать и уметь, чтобы построить дом, Т. Сумманен рассказывает в стихотворении „Miten Paula rakensi talon naulasta“ («Как Паула построила дом из гвоздя»). Для этого нужно:

Tiiliä ja rautaa,
Lasia ja lautta
Maalia ja puuta
Sekä hieman muuta... (С. 19)

Кирпичи и железо,
Стекло и доски
Краска и дерево
И немного всего...

В конце концов, Паула прибавляет гвоздь, чтобы папе было куда повесить куртку и шапку. В. Блинков писал: «Юмор у этой книжки

⁵⁸ Summanen T. Oliko norsuja. Petroskoi, 1982. S. 11. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

теплый, гайдаровский»⁵⁹. Т. Сумманен сначала хотел назвать книгу именно так «Как построить дом из гвоздика», но все же передумал.

В стихотворении „Terve tuloa, Uusi vuosi!“ («Здравствуй, Новый год!») поэт объясняет детям, что праздник встречи Нового года – это не только подарки, но и веселые путешествия, песни, друзья и много всего хорошего. С каждым годом растет и ребенок, только для него это происходит незаметно:

Kasvavat tytöt
Kasvavat pojat
Kasvavat talot
Ja kaupungit kasvaa... (С. 21)

Растут девочки,
Растут мальчики,
Растут дома,
И города растут...

С такими же мотивами мы встречаемся в прозе Т. Викстрем. Поэзия 1950–1980-х годов насыщена радостным, бодрым настроением, оптимистическим отношением к жизни и труду.

Для детей пишут не только писатели Карелии, но и Финляндии. Примером такого содружества является сборник стихов поэтов Карелии и Финляндии „Runolipas“ («Шкатулка стихов», 1986). Во вступительной статье составитель М.-Л. Раунио, обращаясь к детям, писала: «Учись слушать красоту слова, его звучание – и из тебя вырастет поэт или музыкант»⁶⁰, призывая тем самым их к творчеству. Когда ребенок видит иллюстрированную книгу или слушает рассказываемую ему сказку, в нем просыпается интерес к происходящим событиям, так как там много интересных, незнакомых для них вещей.

Среди авторов из Карелии В. Эрвасти, Л. Гренлунд, Л. Хело и другие. Книга состоит из двух циклов, в каждом из которых представлено творчество обеих стран. В цикле „Ympäri vuoden“ («Круглый год») собраны стихотворения по временам года, но это не только описания состояний природы, но и игры, занятия детей.

В стихотворении Т. Сумманена „Syksyllä“ («Осенью») «мы найдем красоту осени, когда природа меняет цвета, и птицы спешат на юг»⁶¹. В произведениях П. Пелля, Т. Флинка, Я. Ругоева, опубликованных в

⁵⁹ Блинков В. Чистые родники детства // Комсомолец. 1983. 15 янв.

⁶⁰ Runolipas. Petroskoi, 1986. S. 4. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

⁶¹ Kiuru V. Avatkaamme runolipas // Neuvosto-Karjala. 1987. 11. maalisk.

цикле „Satua ja totta“ («Сказка и быль»), прослеживается связь с фольклором.

Юные читатели уже могли познакомиться со сказками и рассказами в книге Пекка Пелля „Satuja noutamaan“ («За сказкой», 1980). По мнению С. Пакканена, эти произведения «заставляют маленького читателя затаить дыхание и возвращают взрослых в то время, в котором остались драконы, тролли, Красные Шапочки и говорящие лягушки»⁶². В сборнике «Шкатулка стихов» П. Пелля представил колыбельную.

Литературная колыбельная отличается от фольклорной целями и задачами. Литературную колыбельную можно озвучить в любое время независимо от ситуации. Перед исполнителем не стоит задача усыпить слушателя. Создавая колыбельную, автор не думает, что ее будут использовать только по назначению. Вследствие этого, она не имеет прагматических функций, а, следовательно, и ритуально-магического значения⁶³.

Рассмотрение черт национальной специфики говорит о тесной связи устного народного творчества с жизнью и бытом самого народа. В колыбельной П. Пелля сохранен ритм качания колыбели:

Tulla-lulla-lulla-laa,
Nukkuu metsä, nukkuu maa... (С. 37)

Тулла-лулла-лулла-лаа,
Спит лес, спит земля...

В. Головин, анализируя мотивы колыбельных, пишет: «Одним из наиболее популярных мотивов литературной колыбельной следует признать мотив „все спят и ты спи“, как раз не столь распространенный в фольклорной колыбельной»⁶⁴. С этим мотивом мы сталкиваемся и в приведенном выше отрывке.

Следует заметить, что литературные версии колыбельных песен встречались и у других финноязычных писателей Карелии. Они существенно обогатили репертуар колыбельных песен.

В 1934 году Я. Виртанен написал „Tsheljuskinilais-äidin kehtolaulu“ («Колыбельную челюскинки»⁶⁵). Исполнительница поет ее девочке Розе и через песню сообщает о местонахождении отца:

⁶² Pakkanen S. Aikoina muinaisina ja tänäänkin // Punalippu. 1981. N:o 9. S. 112.

⁶³ Головин В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Åbo, 2000. С. 281.

⁶⁴ Там же. С. 295.

⁶⁵ Ялмари Виртанен: избр. стихи / Пер. с фин.; сост. Т. К. Сумманен. Петрозаводск, 1973. С. 113.

Merta käy taattosi tie
Voronin keskellä jään
Rohkeita kauaksi vie...
Voittaa myrskyinen sää
Taatollas voimia lie.
Merta käy taattosi tie⁶⁶

С думою: «Только вперед!» –
В море ушел твой отец.
Смелый Воронин ведет
Много отважных сердец.
В море отец твой идет
С думою: «Только вперед!»...

(Перевод А. Титов)

Такой мотив характерен для народной поэзии. Виртанен пишет колыбельную на современный сюжет – поход челюскинцев, однако сохраняет несколько трансформированный мотив охраны, защиты.

В 1950-е годы Н. Лайне написал колыбельную „Kehtolaulu“ в народном стиле. Поэт включил в нее эпитеты (*sydänkäpyseni, toivontähti*), ласковые обращения (*pikkarainen, pienoinen*), параллелизм. Карел Лайне с детства впитал народную поэзию и воплотил ее в колыбельной на финском языке.

Так же как и у Виртанена, мать в колыбельной Лайне сообщает ребенку об отсутствии отца. Усыпляя малыша, она говорит о предстоящем возвращении кормильца с подарком:

Uni sua tuudittaa
Suljettuaan kaikki ukset.
Kohta taattos palajaa,
Sulle lahjaksi tuo sukset...⁶⁷

Сон тебя убаюкивает,
Закрыв все дороги.
Скоро вернется твой отец,
Тебе он подарит лыжи...⁶⁸

В литературной колыбельной Н. Лайне, так же как и в карело-финском фольклоре, в качестве успокоителя выступает сон. С таким же явлением мы сталкиваемся и у С. Лунд. В ее „*Karjalaisäidin kehtolaulu*“ («Колыбельная»⁶⁹) есть такие герои как сон (успокоитель), отец (защита):

⁶⁶ Virtanen J. Valittuja runoja. Petroskoi, 1956. S. 275. Евсеев В. Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. С. 58.

⁶⁷ Laine N. Lieksan lauluja: Runoja. Petroskoi, 1958. S. 108.

⁶⁸ Евсеев В. Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. С. 58.

⁶⁹ Лунд С. Цветок вереска: Стихи / Пер. с фин. Петрозаводск, 1974. С. 46.

Uinu humussa hongiston
Lienny lipleessä haaviston.
Ilta aaltoja uuvuttaa
Uni ulkona uurastaa...⁷⁰

Засыпай под шепот сосен
и услышишь сквозь дремоту,
как у окон колобродит
сон, усталости не зная...

(Перевод М. Тарасов)

Колыбельные песни не являются излюбленным жанром финноязычной литературы, а лишь время от времени появляются в творчестве того или иного писателя. Так, в конце XX века ряд авторов вновь обратятся к нему. В 1996 году В. Пяллина составил сборник песен под названием „Kalevalan kehto“ («Колыбель Калевалы»), который содержал 30 песен на финском и карельском языках. Есть там и колыбельная Ани Койвумяки „Kalevalan lapsen kehtolaulu“ («Колыбельная ребенку Калевалы»), в которой чувствуется сильное фольклорное начало:

Laulan pikkulapselleni,
Sovittelen sorsalleni.
Laulan lammen lainehista,
Tuudin tuomen kukkasista...⁷¹

Пою своему малышу,
Укачиваю мою уточку.
Пою о волнениях ламбушки,
Баю о цветочках черемухи...

О тесной связи автора с фольклорными традициями говорит и колыбельная Сени Колпаковой:

Nuku kallis helmyeni
Äidin liinahapsi,
Nuku kauan, leiki kauan
Kauan ole lapsi...⁷²

Спи моя дорогая жемчужинка
Мамина льняная ниточка,
Спи долго, играй долго
Долго оставайся ребенком...

Можно согласиться с В. Я. Евсеевым, что «в разных исторических условиях колыбельные характеризуются определенным идейно-эстетическим содержанием, выраженным в соответствующей художественной форме»⁷³. Во всех песнях, перечисленных выше, одинакова материнская любовь и нежность.

⁷⁰ Lund S. Pihkan tuoksua: Runoja. Petroskoi, 1966. S. 65.

⁷¹ Pällinen V. Kalevalan kehto: Laulukokoelma. Petroskoi, 1996. S. 16.

⁷² Kolpakova S. Kehtolaulu // Carelia. 1997. N:o 10. S. 83.

⁷³ Евсеев В. Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. С. 61.

Сборник стихов Сайми Конкка „Päivä paistaa“ («Солнце светит», 1987) состоит из трех разделов. В первый раздел „Päivää paistaa“ («Солнце светит») включены стихи о животных и растениях. Второй раздел „Hupaisa piirustustuokio“ («Веселый урок рисования») содержит загадки. Третий раздел „Sekamelska“ («Кавардак») – о детях и их делах.

Произведения С. Конкка легки и доступны детям. Они хорошо рифмованы, коротки, веселы. Нельзя не согласиться с Е. Паншиной, которая писала: «Необходимо избегать трудных слов в детских стихах, потому что словарный запас детей очень мал. Дети любят стихи, которые они понимают»⁷⁴.

Открывает книгу стихотворение-загадка „Päivää paistaa...“ («Солнце светит...»). Автор перечисляет признаки одного из времен года и предлагает детям его узнать. В стихотворении „Isä on kyntäjä...“ («Папа – пахарь...») поэт пытается запутать детей и вновь заканчивает свое произведение вопросом. Эти стихи очень занимательны и познавательны.

Поэт использует особенности финского языка для игры со словом. В четверостишии „Kana ja hana“ («Курица и кран») использован элемент скороговорки:

Meillä oli kana,
Kanan vieressä hana,
Kana avasi hanan,
Vesi kasteli kanan⁷⁵.

У нас была курица,
Рядом с курицей кран,
Курица открыла кран,
Вода намочила курицу.

Стихотворение „Tuuli ja tuli“ («Ветер и огонь») знакомит детей с такой важной особенностью финского языка, как короткие и длинные гласные:

Tuuli puhaltaa,
Tuli syttyy,
Tuuli laantuu,
Tuli sammuu. (С. 30)

Ветер дует,
Огонь загорается,
Ветер утихает,
Огонь гаснет.

Стихотворения содержат элементы обучения. Например, из них ребенок узнает, что при пожаре надо звонить «01», что тушат пожар

⁷⁴ Panšina H. Runokirjoja lapsille // Punalippu. 1988. N:o 2. S. 128.

⁷⁵ Konkka S. Päivä paistaa. Petroskoi, 1987. S. 5. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

пожарные и что причиной возгорания может быть такая маленькая вещь, как спичка. Эта ситуация описана в стихотворении „Tuli on irti“ («Пожар!»). С. Конкка учит и тому, что, позвонив в пожарную охрану, нужно правильно назвать адрес. В стихотворении „Etana Törö ja kovakuoriainen Hörö“ («Улитка Тёрё и жук Хёрё») описана ситуация, когда жук-сосед, увидев горящий дом улитки, вызывает пожарных:

Hörö kiersi: nolla yksi.
– Tulipalo! Tulipalo!
Tulessa on Törön talo.

...
Olkaa hyvä, tulkaa pian
Törönkuja kahdeksaan... (С. 8)

Хёрё набирает: ноль один.
– Пожар! Пожар!
В огне дом Тёрё.

...
Пожалуйста, приезжайте скорей
Аллея Тёрё восемь...

В стихотворении „Talvi tulee...“ («Зима идет...») содержится алгоритм одевания:

Takki päälle,
Lakki päähän,
Kintaat käteen,
Saappaat jalkaan! (С. 22)

Куртку надевай,
Шапку на голову,
Рукавицы на руки,
Сапоги на ноги!

Поэтические произведения П. Росси, И. Хямяляйнена, Т. Сумманена, С. Конкка и других, увидевшие свет в 1960–1980-е годы, отражали общую тенденцию «доброй» литературы. В поэзии этих лет много ярких красок, солнечного тепла и всеобъемлющей любви к детям. Каждая детская книга содержит информацию об окружающем мире. Сказки, рассказы, стихи открывают для детей волшебный мир птиц, домашних и диких животных, учат заботиться о них, беречь природу.

По мнению Э. Алто, «развитие в финноязычной прозе малых эпических форм (рассказ и короткая повесть) было непосредственно связано с вхождением в литературу нового писательского поколения»⁷⁶. Среди писателей нового поколения литературовед называла М. Мазаева, Т. Викстрем, П. Мутанена и П. Пелля.

⁷⁶ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб., 1997. С. 201.

С суровой северной природой знакомил детей Василий Мякеля в книге рассказов „Hirvensarvet“ («Лосиные рога»⁷⁷, 1970). Действия происходят в северной Карелии. Образный язык В. Мякеля описывает не только окружающую красоту, но и знакомит детей с лесными жителями. Из всех животных автор особо выделяет оленя, который не лает, но умеет охранять лучше чем собака. Повадки животных Севера писатель изображает через восприятие мальчика.

В своих рассказах В. Мякеля продолжает развивать тему «человек и природа». Он поднимает проблему становления личности, воспитания в ребенке бережного отношения к окружающей среде. Автор отмечает, что с ее загрязнением разрушаются нравственные барьеры в самих людях. Писатель видит человека частицей самой природы и указывает на то, что, уничтожая среду своего обитания, он губит и самого себя.

Интересно и занимательно рассказы рисуют эпизоды из жизни леса. В них содержится разнообразный познавательный материал. Писатель учит видеть красоту северной природы, воспитывать любовь к ней, изучать повадки зверей и птиц.

В развитии детской прозы работала писательская династия Викстремов: Ульяс Карлович (1910–1977) и Тертту Ульясовна (1932–1990).

У. К. Викстрем родился в Финляндии. После финляндской революции 1918 года его родители оказались в России. В 1933 году У. Викстрем окончил Ленинградский Коммунистический институт журналистики, а в 1935 году – Ленинградский Коммунистический университет национальных меньшинств Северо-Запада. Литературной деятельностью начал заниматься во время учебы в институте. Сотрудничал с газетами „Nuori Kaarti“ («Молодая гвардия»), „Vapaus“ («Свобода»), журналами „Soihtu“ («Факел»), „Rintama“ («Фронт»). Был принят в Союз писателей в 1950 году. С 1955 по 1971 год У. К. Викстрем – главный редактор журнала „Punalippu“, а с 1971 по 1975 год являлся председателем правления Союза писателей Карелии⁷⁸.

У. Викстрем известен своими романами для взрослых „Käy eespäin, väki voimakas!“ («Вперед, народ трудовой!», 1957), „Martva

⁷⁷ Перевод на титуле книги „Оленьи рога”.

⁷⁸ Подробнее об У. К. Викстреме см. Писатели Карелии: биобиблиографический словарь. Петрозаводск: Острова, 2006. С. 131–134.

ja hänen lapsensa“ («Мартва и ее дети», 1988), повестью „Suvelan Osku“ («Оску Сувела», 1961) и другими. М. Ф. Пахомова писала: «Мощь эмоциональной стихии революции 1918 года, <...> была той реальной почвой, которая питала творческое воображение писателя, оторванного от своей материнской родины, но оставшегося верным певцом ее трудового народа»⁷⁹.

Однако в его творчестве встречаются и произведения для детей. Очерк У. Викстрема „Pohjolan kesäyö“ («Летняя ночь на Севере») вошел в хрестоматию по литературе для школьников (1954), отрывки из повести „Toiska“ («Тойво Антикайнен») были опубликованы в книге для чтения „Kipinä“ («Искорка», 1969). Специально для детей была написана повесть „Eila“ («Эйла», 1980). По мнению А. Мишина, в этом произведении через историю семьи главной героини показаны события финляндской революции 1918 года⁸⁰.

Повествование начинается с трагического эпизода – уходит воевать отец Эйлы. Описание военной атрибутики позволяет сделать вывод, что действия разворачиваются в период революции и гражданской войны. Практически с первых страниц повести автор показывает социальное расслоение населения. Госпожа Рёнгвист кормит свою собаку мясом, а в семье Ялонен его нет и не из чего сварить суп для Лассе, который тяжело работает на судостроительном заводе.

Когда отец уходил, он был радостным, и Эйла не понимала, почему мать плачет. У. Викстрем уделяет большое внимание описанию чувств, как у взрослых, так и у детей. О том, что эмоциональное состояние матери быстро передается ребенку, подчеркивается следующим предложением: «в горле поднялся горький комок, и она почувствовала, что рот ее вздрагивает»⁸¹.

Эйла начинает беспокоиться о судьбе отца, когда узнает о смерти соседа дяди Онни. Из разговоров взрослых она слышит фразу «пал в бою». Эйла не понимает, что это значит и думает, что он еще встанет. Взрослый мир ей не доступен, так как она еще слишком мала. У. Викстрем включает в повесть обряд прощания с покойником.

⁷⁹ Пахомова М. Ф. С верой в грядущее: (к лит. портрету Ульяса Викстрема) // Север. 1978. № 12. С. 112.

⁸⁰ Мишин А. И. Ульяс Викстрем (1910–1977) // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1994. С. 39.

⁸¹ Vikström U. Eila: Kertomus. Petroskoi, 1980. S. 5. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

Только когда дядю Онни понесли на кладбище, Эйла поняла, что у маленького Илмари больше нет отца.

О том, что взрослый мир непонятен Эйле, свидетельствует и тот факт, что она все воспринимает буквально. Например, слыша разговоры отца о «белых», девочка делает вывод, что это плохие люди, и боится их. Однажды она встречает человека в белой одежде и пугается его. Мать объясняет ей, что цвет одежды здесь ни при чем. Речь идет о бело- и красногвардейцах. По одежде нельзя узнать, кто «белый», а кто «красный». Это можно понять лишь по разговорам, мыслям.

С еще большим волнением девочка ждет своего папу. И он приходит, но изменившийся. Теперь у него нет правой руки. Мать плачет, так как теперь отец не сможет работать, а Эйла рада его возвращению, ведь он не погиб как другие соседи. Эйла подолгу разговаривает с отцом. Из его рассказов девочке запомнилось слово «лагерь». Именно там отцу отрезали руку, так как он красногвардеец. Это был живой пример другим, решившимся на бунт.

Жизнь в семье Эйлы меняется. Мать теперь ходит на работу на завод, а отец занимается домашними делами: колет дрова, носит воду, качает младшего сына Армаса. Все это он делает с удовольствием, хотя раньше этим никогда не занимался. Это считалось женской работой.

Мальчики-Нийнинены всегда обзывали Эйлу дочкой красногвардейца, но для Эйлы это было чудесное слово, так как оно было связано с отцом. Но вскоре его арестовывают и сажают в лагерь на 5 лет. Там находятся и другие жители деревни. Узнав, что лагерь неподалеку, Эйла собирает провиант и идет навещать отца. У. Викстрем заканчивает повесть желанием девочки оттолкнуть охранника лагеря и освободить отца, Лассе и других заключенных. «И маленькие кулачки сжались» (С. 30) – пишет автор.

Концовка повести остается открытой. Юному читателю необходимо домыслить, а что же может произойти дальше? Ясен лишь призыв к борьбе, сопротивлению. Викстрем изобразил характер девочки: Эйла не просто маленькая девочка, а боец. Она вступает в борьбу «со злом, каким бы сильным оно не было, становясь носителем идеалов добра и справедливости»⁸².

⁸² Колесова Л. Н. Изображение девочки в советской детской прозе // Проблемы детской литературы: межвуз. сб. Петрозаводск, 1987. С. 98.

По мнению Э. Л. Алто, основной темой творчества У. Викстрема оставалась история финляндской революции⁸³. В повести «Эйла» У. Викстрем обращается и к проблеме взаимоотношений родителей и детей. Главными являются образы отца (и его роль в жизни дочери) и девочки.

Дочь писателя Викстрема – Тертту – продолжила путь отца. С 1957 года Т. Викстрем начала заниматься переводами произведений художественной прозы. Вскоре стали выходить и собственные произведения автора. В 1976 году вышел первый сборник рассказов Т. Викстрем „Ahin kosken tarina“ («Легенда Агинского порога»)⁸⁴. В Союз писателей она была принята в 1978 году. Особое место в ее творчестве занимает повесть для детей „Timppa, pikkumies“ («Тимппа – добрый человек», 1983).

Повествование начинается с портрета главного героя: «У Тимппы тонкие плечи, мягкие светлые волосы и ласковые голубые глаза»⁸⁵. С первых страниц автор дает понять, что обладатель такой внешности вряд ли может быть драчуном, хулиганом или просто отрицательным персонажем.

Т. Викстрем сразу же описывает среду, в которой живет мальчик. Это конкретный город – Петрозаводск. Автор указывает, что живет Тимппа в доме напротив Финского театра (ныне Национального театра Республики Карелия). Сразу же всплывает в памяти конкретный образ на проспекте К. Маркса. Юный читатель может сделать вывод, что герой произведения реальный персонаж, а не вымышленное лицо, мальчик, который живет рядом, в одном с ним городе. Как отмечал А. Машин, Т. Викстрем «принадлежит к числу тех карельских писателей, кто первыми начали осваивать новую „городскую“ тематику».⁸⁶

Повествование ведется от третьего лица, соседки по дому, взрослого человека. Одной из центральных нитей произведения являются взаимоотношения взрослого и ребенка: матери и сына, отца

⁸³ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. С. 207.

⁸⁴ Подробнее о Т. У. Викстрем см. Писатели Карелии: биобиблиографический словарь. Петрозаводск: Острова, 2006. С. 129–131.

⁸⁵ Vikström T. Timppa, pikkumies: Kertomuksia pienen pojan elämästä. Petroskoi: Karjala, 1983. S. 3. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

⁸⁶ Машин А. Тертту Викстрем и ее городские рассказы // Север. 2012. № 9/10. С. 55.

и сына, соседки и мальчика, бабушки и внука. Тимппу окружают заботливые люди, доброжелательная обстановка, внимание к нему. Т. Викстрем подчеркивает это традиционными ласковыми обращениями: *kulta, kultaseni* («дорогой, золотой»), *mummon käpyseni* («бабушкина шишечка»), *veliseni* («братец»).

Эта атмосфера доброты передается и самому мальчику, он начинает бережно относиться к животным, природе. От отца он узнает о жизни муравьев, их роли в жизни человека. Услышав о «зеленом патруле», мальчик решает сам принять в нем участие. Он охраняет газон в парке и объясняет девочкам и взрослому, что нельзя ходить по траве, для этого в парке есть дорожки. Здесь описан единственный конфликт повести. Дядя Коля на замечание, сделанное ребенком, не реагирует, а даже ругает мальчика. В центре внимания оказывается описание отношений старшего и младшего поколений, а также связанную с этим конфронтацию норм взрослых и детей. Автор пытается объяснить и тем, и другим, что старшие не всегда правы.

Знакомясь с окружающим миром, он пытается понять смысл некоторых понятий и явлений. Например, большой он или маленький? Он сталкивается с рядом запретов, потому что маленький. Ему нельзя переходить одному улицу, нельзя одному ходить в лес, нельзя смотреть кино для взрослых. Хотя, если взрослым требуется помощь, то здесь Тимппа большой: он может купить хлеб, вынести мусор. Поэтому Тимппа никак не может понять: большой он или маленький. Вопросы, которые автор поднимает в повести, знакомы всем детям.

Мама, папа и бабушка – это дружная семья Тимппы, у каждого из которых своя роль в его жизни. Отец работает в исследовательском институте. Он – ответственный человек и всегда держит свои обещания. Вместе с сыном они ходят в поход в лес, носят воду и дрова в баню. Мужское воспитание проявляется и в том, что Тимппа не должен плакать, так как мужчины не плачут, он не должен бояться, так как он смелый.

Производственная тематика нашла отражение в данной повести в главе „*Miten kirjoja tehdään*“ («Как книги делают»), где описан процесс их создания. Автор знакомит детей с нелегким трудом рабочих типографии имени П. Анохина, в которой работала наборщицей мама Тимппы. Там она очень уставала, и сын жалел ее. «В своих произведениях Викстрем изображала людей чувствительных ко всему, что

происходит вокруг них, сопереживающих чужому горю»⁸⁷, – писала М. Мухина.

Бабушка выступает носителем традиций. Она объясняет мальчику народные приметы. На его вопрос, откуда она все это знает, бабушка отвечает: «Это народная мудрость» (С. 15). Здесь автор дает представление мальчика о народе, так как Тимппа не раз слышал о нем. В его глазах «народ – большой, сильный и знает много всего... Сказки и поговорки, загадки и песни, и прогноз погоды...» (С. 15–16). Бабушка разрешает Тимппе бегать босиком под дождем, она понимает, как ему этого хочется, и пытается, чтобы у него остались красивые детские воспоминания.

Теперь мальчик знает, что такое ехать «зайцем», жить «как кошка с собакой». У бабушки была странная, по мнению Тимппы, болезнь – сахарный диабет. У нее ничего не болело, она гуляла, готовила, смеялась, только быстро уставала и часто хотела пить. Тимппу удивляло, что от сахара можно заболеть. Ведь он любил сладости!

Но у Тимппы была и вторая бабушка. С этого момента действия повести переносятся в деревню. Здесь автор впервые делает акцент на том, что все предыдущее повествование касалось семьи финнов, живущих в Карелии. Раньше на это указывали лишь финские имена героев и язык произведения.

Вторая бабушка Тимппы была карелка, жила в маленькой деревне Колатваара. С этого момента в диалогах появляется карельская речь. Это придает особый колорит произведению, если учесть, что автор не карелка. Здесь прослеживается писательская традиция У. Викстрема. В своем романе «Мартва и ее дети» он описывает традиции карельского народа, представляет читателям образ женщины-карелки, использует карельский фольклор.

Причиной такого использования карельского языка может быть то, что развитие и формирование личностей финнов-эмигрантов и финнов-ингерманландцев происходило на пограничье нескольких культур: финляндской, ингерманландской, карельской и русской.

В первую очередь, Т. Викстрем заботилась о передаче знаний: много нового и интересного для себя узнает Тимппа. Воду для чая бабушка брала из колодца, который назывался Радила. Автор знакомит детей с различными домашними животными. Тимппа обращает внимание, что его карельская бабушка называет вещи по-другому.

⁸⁷ Мухина М. Тропинка к счастью // Северн. курьер. 1998. 10 окт. С. 4.

Например, брюки она называет не housut, а štanat, а тетя-ингерманландка röksyt. Здесь Т. Викстрем подчеркивает, какими разными могут быть языки.

Совершенно неожиданно для себя Тимппа сочиняет стихотворение об этом. В поэтическом творчестве Т. Викстрем мы находим более полный вариант данного произведения под названием „Timpan runo“⁸⁸:

Tiedättekö, Timpalla
Mummoja on kaksi.
Toinen puhuu suomeksi
Ja toinen karjalaksi...

Знаете ли вы, у Тимппы
Две бабушки.
Одна говорит по-фински,
А другая по-карельски...

Мальчик, находясь в карельской языковой среде, начинает запоминать карельские слова. Время, проведенное в деревне, кажется Тимппе замечательным, но наступает пора возвращаться домой.

Заканчивается повесть главой, в которой автор подводит юного читателя к выводу, что ребенок растет каждый день, но происходит это незаметно для него самого. Зато это замечают взрослые: Тимппе стали малы рубашки и сандалии, у него выпал молочный зуб. «Я расту!» – вот главный итог, который придает уверенности ребенку в своих силах.

Т. Викстрем присуще острое восприятие детского мира. Ее герой хоть и живет в городе, но он тесно связан с природой. Автор вводит маленьких читателей в мир детских увлечений и забот. «В рассказах Т. Викстрем, вообще, избегает поучительных тонов, в ее книгах нет таких слов как обязанность, призвание, совесть и т. п. Но автор о них пишет», отмечала М. Хютти⁸⁹.

Произведения Ульяса и Тертту Викстремов, адресованные детям, внесли существенный вклад в развитие детской финноязычной литературы Карелии. В настоящее время в области критики и переводов детской литературы на финский язык работает Армас Владимирович Машин, сын Т. Викстрем, продолжая тем самым семейные традиции.

Сборник рассказов Матти Мазаева (наст. Матвей Владимирович) „Kirjokorsa“ («Корзинка полная чудес», 1986) знакомил де-

⁸⁸ Vikström T. Timpan runo // Kipinä. 2007. N:o 10. S. 5.

⁸⁹ Hytti M. Pikkumiehen puuhat // Punalippu. 1984. N:o 7. S. 122.

тей с природными явлениями. «Это рассказы о летних цветах, цветах, запахах и других чудесах природы», пишет М. Мазаев в продолжение названия. Автор учит не только любить природу, но и понимать ее. В предисловии к книге известный прозаик-каре́л Пекка Пертту написал: «В рассказах глубокие размышления на тему и вокруг явления, в которых говорится об особенных чувствах северного человека, так же как и о картинах природы»⁹⁰.

В произведениях Мазаева у цветов можно разглядеть лицо, глаза, щеки, лоб. Растения могут улыбаться и смеяться. Такое восприятие природы говорит о мифологических представлениях автора. Это является художественной особенностью творчества М. Мазаева. Е. Паншина писала: «Мазаев рассказывает о детских впечатлениях с точки зрения взрослого, и хотя читатель осознает это, это не мешает»⁹¹.

Сборник рассказов Пекки Мутанена „Kalle Karjalainen“ («Калле Карьялайнен», 1989) включал произведения разной тематики: о животных, природе, дружбе. Все они направлены на воспитание доброжелательного и бережного отношения к природе и человеку.

Главным героем рассказа „Kutsumaton vieras“ («Незванный гость») становится сокол, случайно залетевший в дом, где празднуют день рождения дедушки. Далее все действия гостей направлены на то, чтобы выгнать незваного гостя. Рассказ „Kalle Karjalainen“ («Калле Карьялайнен») построен на приключениях медвежонка, подаренного инспектором охраны деду Василию.

О дружбе девочки Ирмы с финскими школьниками написан рассказ „Kirje ystäville“ («Письмо друзьям»). Летом Ирма отдыхала у родственников в Финляндии. В августе у школьников начался учебный год, и Ирма идет учиться в финскую школу. Там она не только знакомится с учебным процессом Финляндии, но и находит друзей. По возвращении домой в СССР она переписывается с ними. Этот рассказ направлен на воспитание школьников в духе интернационализма. Главная идея произведения – дружба между детьми.

В основу сюжета приключенческого рассказа „Kaikuvaaran arvoitus“ («Загадка Кайкуваара»), действия которого разворачиваются в одном из заповедников Карелии, положены реальные события. Остросюжетное повествование включает в себя все особенно-

⁹⁰ Perttu P. Alkusanat // Masajev M. Kirjokopsa. Petroskoi, 1986. S. 3.

⁹¹ Panšina H. „Ääniä tulvillaan oleva hiljaisuus...“ // Punalippu. 1987. N:o 3. S. 137.

сти этого жанра. Итогом борьбы инспекторов охраны с браконьерами становится поимка последних. В этом рассказе П. Мутанен поднимает проблему охраны редких животных. Описывается жесточайший отлов бобров.

Рассказы П. Мутанена написаны простым, доступным языком. Они содержательны и информативны. В них просматривается проблема взаимоотношений человека и природы.

Арви Пертту является сыном известного прозаика-карела Пекки Пертту и фольклориста Унелмы Конкка. В его рассказах чувствуется влияние родителей, особенно отца, который принадлежал к плеяде писателей, выходцев из Северной Карелии и писавших на финском языке. П. Пертту вместе с В. Брендовым в 1970-е годы первыми предприняли попытки писать на карельском языке. Сборник рассказов П. Пертту „*Vesiperän rakinoita*“ («Лукавинки», 1980) содержал забавные и поучительные истории из жизни карельского народа, написанные на собственно карельском наречии.

Первая книга А. Пертту „*Nuotio Hirvenkivellä*“ («Костер у Лосиного камня», 1989) была предназначена для детей среднего школьного возраста. Она состояла из коротких рассказов. Автор учел, что в подростковом возрасте мотивация чтения изменяется. Подростки ищут такие рассказы и произведения, в которых можно найти ответы на их многочисленные вопросы.

Главный герой – мальчик Рейно – отправляется к бабушке в севернокарельскую деревню на летние каникулы, где он открывает для себя чудесный мир природы. Сразу же следует отметить, что рассказы не перегружены ее описаниями.

Дед Хуоти живет один в родной деревне и разговаривает с мальчиком по-карельски. В книге это отражено в диалогах, которые написаны на карельском языке. Использование такого приема придает повествованию красочность и достоверность. А. Пертту в этом случае продолжает традиции северных писателей-карелов, представителей финноязычной литературы, в произведениях которых диалоги шли по-карельски.

В своих рассказах автор поднимает проблему взаимоотношения взрослых и детей. Как часто взрослые не понимают детских переживаний, не обращают на них внимания. В рассказе „*Savihelmiä*“ («Глиняные бусы») встреча Рейно с Колей была настолько важна для первого, что при расставании Рейно плачет. Ведь Коля был пер-

вым товарищем по играм Рейно за все летние каникулы, проведенные у деда. Рейно даже старался говорить с Колей по-карельски.

Переживания мальчика по отношению к девочке переданы в рассказе „Tyttö maitolaiturilla“ («Девочка на молочной пристани»). Девочка, стоявшая на пристани, не обращает внимания на Рейно, и он думает, как привлечь его. Для этого надо совершить что-то смелое. Он мог бы ее спасти, если бы она тонула, но Рейно плохой пловец. Мальчику так и не удается ничего придумать. Но тут начинается дождь и Рейно радуется: «я могу предложить ей свою куртку, и она улыбнется мне в благодарность»⁹². Однако мальчику не удается этого сделать, так как приходит мать девочки и приносит ей плащ. Фантазии, рожденные образом девочки, передают эмоции, переживаемые ребенком в период становления чувств. А. Пертту единственный, кто написал о первых чувствах мальчика.

Завершается книга одноименным рассказом. Лето заканчивается, и Рейно пора возвращаться в город. Автор передает чувства мальчика при приближающемся расставании. Ему жалко уезжать от дедушки. Е. Паншина отмечала, что «сейчас, когда много говорят о родном крае, родных корнях, Арви Пертту возвращается в карельскую деревню. Сменяются поколения людей и меняются жизненные обычаи. В настоящее время для многих городских мальчиков деревенская жизнь чужда...»⁹³.

Упоминание топонимических названий свойственно практически любому художественному произведению. Это сразу же дает представление о месте действия. Иногда авторы включают предание или легенду о происхождении того или иного топонима. А. Пертту, упоминая название Хирвенкивикко, пишет о том, что дедушка Рейно слышал историю о названии этого места от своего отца, но забыл.

В создании портретов героев А. Пертту использует сравнения, которые близки и понятны детям. Описывая внешность мужчины, он пишет: «светлые усы торчали, как у кошки из мультфильма» (С. 4). В подробном портрете девочки автор сравнивает ее глаза с маленькими лесными озерами.

Подытоживая все рассказы, А. Пертту говорит словами героя Сантери: «Лес – карельское убежище. И ты настоящий карел, раз

⁹² Perttu A. Nuotio Hirvenkivellä: Kertomuksia. Petroskoi, 1989. S. 37. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

⁹³ Panšina H. Järven yllä lenteli tiiroja... // Punalippu. 1989. N 10. S. 132.

разговариваешь с дедом по-карельски» (С. 48). Здесь подчеркивается мысль о том, что не только лес важен для карела, но и язык.

Исследуя советскую детскую прозу, Л. Н. Колесова отмечала, что главным героем в нашей детской литературе является мальчик, «а девочке в большинстве случаев отводится второстепенная роль»⁹⁴. Этот вывод применим и к финноязычной детской литературе. Одним из исключений является повесть У. Викстрема «Эйла».

У советской детской литературы богатые традиции. Их основу заложили Л. Толстой, А. Чехов, позднее Б. Житков, Н. Носов и другие. Собственно детские книги на финском языке у нас в Карелии встречаются редко. Чаще всего в творчестве «взрослых» писателей появляются отдельные произведения или книга для детей.

«Финноязычная детская литература в нашей республике шагает еще в детской обуви, но надеемся на ее взросление», писала Т. Ваахтера⁹⁵. С этим высказыванием была не согласна Т. Викстрем. Она осмелилась утверждать, что зарождающаяся детская литература в Карелии существует, так как есть молодое поколение. Например, среди авторов газеты „Neuvosto-Karjala“ она выделяла Нину Ругоеву, Петри Вири, Вели Лахтила⁹⁶. К сожалению, писателями Карелии они так и не станут, а высказывание Т. Ваахтера подтвердится.

Несмотря на это, финноязычная детская литература для дошкольного и школьного возраста, хотя и медленно, но постепенно развивалась. В этот период определился костяк прозаиков и поэтов, пишущих для детей. В середине 1980-х гг. в центре внимания оказался ребенок с его чувствами и ощущениями, а также с его повседневными заботами и проблемами.

Главным в литературе являлось доброжелательное отношение к ребенку не только в семье, но и в окружающем мире. Финноязычные писатели создавали произведения для детей, оптимистические по своему настроению, поднимающие вопросы нравственного воспитания. Продолжалась разработка тем: природа и человек, взаимоотношения взрослого и ребенка. Была разработана система жанров, ведущее место в котором заняла повесть.

⁹⁴ Колесова Л. Н. Изображение девочки в советской детской прозе // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1987. С. 93.

⁹⁵ Vaahtera T. Mikä on APR? // Punalippu. 1984. N:o 6. S. 109.

⁹⁶ Vikström T. Lastenkirjallisuuden näkymiä // Neuvosto-Karjala. 1985. 27 marrask.

Расширяя проблематику своих произведений, писатели усиливают внимание к внутреннему миру детей (У. Викстрем, Т. Викстрем, А. Пертту), экологическому воспитанию (М. Мазаев, П. Мутанен). В детской литературе проявилась характерная черта всей финноязычной литературы Карелии данного периода – использование карельского языка в диалогической речи.

Особенности развития литературы в конце XX – начале XXI века

Изменения общественно-политической жизни, произошедшие в 1990-е годы, оказали существенное влияние на все сферы деятельности. Ухудшение жизни в России, гражданские войны, безработица привели к сильной миграции населения. «Открывшиеся» границы позволили многим гражданам бывшего СССР выехать за рубеж.

Следует учитывать тот факт, что литература на финском языке в Карелии на протяжении всего периода своего существования создавалась финнами-эмигрантами, финнами-ингерманландцами и карелами. Отъезд представителей этих народов в Финляндию, а также их естественный уход из жизни нанес серьезный удар по всему литературному процессу в целом. К концу XX века детская литература на финском языке имела все возможности для успешного развития: были созданы произведения поэзии, прозы и драматургии, выделились жанры, но изменившийся ход истории не позволил этому произойти.

Отсутствие авторов, дефицит финансирования, вызванные кризисом в стране, сказались на развитии детской литературы. Издатели все чаще обращаются к финскому фольклору. Финансирование ряда книг осуществляется за счет фондов Финляндии. В отличие от карелоязычной детской литературы, которая как раз в эти годы стала зарождаться, и у начинающих писателей наблюдался всплеск творческих сил, в детской литературе на финском языке наметился спад. По этой причине она представлена в 1990-е годы довольно-таки скудно⁹⁷.

По мнению Э. Алто, в эти годы в Карелии явно отстает детская финноязычная проза. Среди писателей она выделяла Т. Викстрем

⁹⁷ Летопись литературной жизни Карелии (1992–1996) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2010; Летопись литературной жизни Карелии (1997–2001) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2011.

и М. Мазаева⁹⁸. Однако, если учитывать количественный показатель, то за последнее десятилетие XX века вышло шесть книг, из которых пять прозаических и только одна (!) поэтическая. К тому же надо учитывать, что все они были написаны раньше, а две книги вышли уже после смерти их создателей.

На протяжении всего развития детской финноязычной прозы в ней освещались те же проблемы, что и в русской. Л. Н. Колесова выделяет в русской детской литературе три вечные проблемы: проблема юного героя, проблема взрослого героя, проблема взаимоотношений взрослого и детей⁹⁹. Конечно, говорить о глубоких размышлениях по данным проблемам в финноязычной литературе не приходится, но в какой-то степени все они нашли свое отражение в ней. Наиболее часто читатель встречается с проблемой взаимоотношений взрослого и детей. На страницах своих книг ее рассматривают как уже известные, так и впервые заявившие о себе авторы.

Первая книга Полины Куйкка „*Matin kesäloma*“ («Каникулы Матти», 1990) так и останется единственной книгой автора. Действие рассказа начинается с конфликта мальчика Матти с родителями. Отдохнув первую смену в пионерском лагере, он просит их оставить его там еще, но они отправляют сына к бабушке в деревню Пюхяниemi. Всю жизнь она проработала учителем в школе и поэтому заслужила уважение местных жителей. Бабушка умела говорить по-карельски и по-фински. П. Куйкка включает в рассказ диалоги на карельском языке. Причем, автор уточняет, что говорит бабушка по-ливвиковски.

Оказавшись в деревне, Матти быстро находит себе занятия: ходит в лес за грибами и ягодами, помогает бабушке на огороде, открывает для себя чудесный мир природы. Наблюдая за птицами, он приходит к выводу, что ласточка – самая красивая птица. Бабушка соглашается с внуком и добавляет: «когда ты оденешь белую рубашку и черные брюки, как дятел гладко причешешься, ты будешь как ласточка»¹⁰⁰. Такие сравнения П. Куйкка использует лишь единожды, но они очень украшают рассказ. Матти наблюдает за трудом

⁹⁸ Алто Э. Л. Финноязычная проза Карелии 1985–1990 гг. // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1994. С. 49.

⁹⁹ Колесова Л. Н. Нравственные искания в современной прозе для детей. Петрозаводск, 1987. С. 9.

¹⁰⁰ Kuikka P. *Matin kesäloma*. Petroskoi, 1990. S. 7. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

муравьев, воюет с воронами, которые воруют урожай. Бабушка объясняет ему, что ворон нельзя обижать, они – санитары леса.

Вечерами Матти с бабушкой долго говорят о том, что сделали и увидели за день, беседуют о просмотренных фильмах, читают книги. Все это способствует становлению тесных взаимоотношений между ними. Заканчивается рассказ желанием Матти пойти в кружок юных натуралистов, а потом учиться в университет. Подумав, он добавляет: «если из меня не получится натуралист, я пойду в лесники...» (С. 15). Тема природы продолжает рассматриваться и в книгах других авторов.

В 1991 году выходит сборник рассказов и сказок Матти Мазаева „Viherisilmä“ («Зеленоглазка»). Сам автор не считает себя профессиональным писателем, но отсутствие литературы для детей побудило его взяться за перо. Будущее национальных литератур виделось ему мрачным, особенно если будет отсутствовать финансирование, которое всегда является стимулирующим фактором¹⁰¹.

Рассказ „Ystävä, et ikävöidä saa“ («Друг, не скучай») знакомит юного читателя с воробьем Вису Варпулайненом и его родственниками. Вису дружит с одиноким вязом. Вяз одинок оттого, что каждый год его семена, подхватываемые ветром, улетают от него, а ему так бы хотелось стоять в окружении других молодых вязов. Вису придумывает способ, как помочь другу. Осенью он с другими воробьями сажает семена березы и клена, чтобы весной, когда вокруг вяза появятся саженцы, ему не было скучно. Завершается рассказ тем, что спустя годы вокруг вяза выросли деревья и кустарники. В их тени отдыхали взрослые, рядом играли дети.

Главными героями рассказа „Tuhat unnä tuhat“ («Тысяча плюс тысяча») являются Сойле и Эрки, которые отправляются в лес считать деревья. Число «тысяча» относится к так называемым устойчивым «эпическим числам», которым в фольклоре нередко приписывается магическое значение. Само по себе повествование напоминает быличку. Как только дети начали считать деревья, они услышали странные звуки, и перед ними появилось загадочное существо по имени Каннокас. Можно предположить, что это был дух пня. У него «пухлый живот, круглая голова, короткие и толстые ноги, а руки длинные и тонкие. Он кружится, скачет, кувыркается на пне и смеется. И совсем удивительно: У Каннокаса серо-зеленая шуба из

¹⁰¹ Leppämäki T. Tarinat kasvavat luonnossa // Karjalan Sanomat. 1994. 19. huhtik.

лишайника, а из нее падает, сыплется, летит деревянная щепка и опилки...»¹⁰², – пишет М. Мазаев.

Каннокас приглашает Эрки к совместной игре, и, когда тот подает ему руку, мифическое существо хватается мальчика, сажает его на плечи, и, прыгая с пня на пенёк, уносится в глубь леса. Как пишет Н. А. Криничная, «в быличках и бывальщинах похищенными <...> часто изображаются дети в возрасте от шести до девяти лет»¹⁰³. Действительно, герой рассказа первоклассник, т. е. мальчику 7–8 лет.

Само имя похитителя – Каннокас – происходит от финского kanto (пень). Как известно, в мифологических рассказах пенёк связан с иным, нижним миром. Девочка пытается догнать беглецов, но на ее пути появляются корни деревьев, пни, мшистые кочки, хворост, упавшие деревья. В мифологии это все представители другого, враждебного человеку мира.

Когда Соиле присела отдохнуть у сосны, перед ней появляется хозяйка леса Миеликки. М. Хаавио пишет, в Беломорской Карелии это имя девы лесов встречается чаще всего¹⁰⁴. Как и у Каннокаса, в образе Миеликки присутствуют древесные признаки. Одежда Миеликки выткана из чудесной ткани, в состав которой входят береста, осиновый лист, иголки ели, кора сосны, но выглядела она совсем как мама.

Узнав о беде девочки, хозяйка леса зовет на помощь деда Вихермёйнена. Наряду с древесными признаками – моховая шапка, куртка из лапника – у него присутствует и атрибут зеленого цвета в самом имени (от финского vihreä – зеленый). У Вихермёйнена – духа леса – из шапки и куртки сыпались и падали семена ели, сосны, березы, осины. Можно предположить, что семена символизируют «извечный круговорот, знаменующий постоянство возрождения жизни, невзирая на смерть»¹⁰⁵.

Лесной дух выпрыгнул из-под ели, как представитель нижнего мира. Однако в отличие от Каннокаса, он – добрый дух-помощник. Здесь можно провести аналогию с двумя лесными карельскими божествами Тапио и Хийси. Первоначально оба эти персонажа просто обозначали лес, но со временем образ Тапио оброс положительны-

¹⁰² Masajev M. Vihersilmä: Tatinoita ja satu vihreäsilmaisestä koivusta. Petroskoi: Karjala, 1991. S. 16–17. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

¹⁰³ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии: былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2011. С. 96.

¹⁰⁴ Haavio M. Suomalaisen mytologia. Helsinki; Porvoo, 1967. S. 62.

¹⁰⁵ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Изд. 2-е. СПб., 1995. С. 26.

ми чертами, а Хийси – отрицательными. Л. И. Иванова пишет: «Таинственное „лесное царство“ само по себе является „иным миром“ для человека, но его деление на две страны подчеркивает оппозицию „свой–чужой“, „близкий–далекий“, „верхний–нижний“, „добрый–злой“»¹⁰⁶.

Описание Вихермёйнена в рассказе Мазаева схоже с описанием Тапио: «шапка из хвои, борода из лишайников»¹⁰⁷. Между Вихермёйненом и Каннокасом начинается борьба за мальчика. Каннокас зовет на подмогу Келокаса (kelo с фин. сухостой) и Лахокаса (laho с фин. гнилое дерево), которые заваливают дорогу доброму лесному духу.

Преодолев первую преграду в виде сухостоя и бурелома, Вихермёйнен продолжает погоню. Его ждет встреча с другим помощником Каннокаса – болотным троллем Мяркяляйненом, – который преграждает путь топью. Появление в рассказе такого персонажа как тролль свидетельствует о влиянии западно-европейской мифологии на писателя, так как ни в русской, ни в карельской традиции его нет.

Каннокас в это время прыгает на склоне горы, где вырублен лес. На данном примере мы видим вертикальную модель мироздания, где болото располагается внизу, а гора – вверху. Как указывает Н. А. Криничная, «вершина горы – тот локус, где люди по достижении ими определенной вехи в жизненном цикле претерпевают „пороговое“ состояние, приравненное к пребыванию между мирами»¹⁰⁸. Именно здесь Эрkki удается освободиться от похитителя.

Указание на хозяев леса, болота, неожиданное их появление/исчезновение показывает круг мифологических представлений автора. На фольклорные истоки опирается и окончание рассказа. Фраза – „sen pitiäinen se“ – коротко и ясно сообщает слушателю об окончании действия в произведении.

В основе сюжета рассказа „Sörö Söröliini“ – приключения котенка. Главная мысль – привить детям и взрослым чувство ответственности за животный мир. Котенок меняет несколько хозяев, кличек и, в конце концов, попадает в руки к тем, кто его действительно любит. Повествование идет от имени котенка, показаны его размышления.

¹⁰⁶ Иванова Л. И. Тапиола и Хийтола: два лесных царства карельской мифологии // Рябининские чтения-2011: Материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Рус. Севера. Петрозаводск, 2011. С. 55.

¹⁰⁷ Suomen kansan vanhat runot. T. VII. Osa 5. 3301.

¹⁰⁸ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии: былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2011. С. 83.

„Satu vihreäsilmäisestä koivusta“ («Сказка о зеленоглазой березе») завершает книгу. Главными героями произведения являются жители леса: береза по имени Зеленоглазка, Муравей-коричневая спина, хозяйка леса Миеликки, Божья коровка-пальто в крапинку и другие. Все в природе взаимосвязано и об этом пытается написать М. Мазаев.

Для создания эффекта пребывания в лесу, автор включает в сказку «звуки леса»: шорох еловых ветвей (sss-ssshh-shoo), сморчок произносит huh-huh-huh. М. Мазаев использует различную лексику для обогащения словарного запаса детей. Например, когда лесные жители придумывают имя саженцу березы, писатель пишет: «Miettivät, tuumivat, aprikoivat» («Думали, размышляли, обдумывали») (С. 37–38).

Приближение холодного северного ветра вызывает страх у лесных жителей. Они объясняют Зеленоглазке, что это опасно, что есть еще бешеная метель, истребляющий град, иссушающая жара и много другого плохого. Однако она не боится. Как не пытались защитить Зеленоглазку от ветра лесные жители, он все равно ее повалил. Но береза осталась жива, так как ее корни в земле, и весной на стволе появляются три веточки.

Книга М. Мазаева «Зеленоглазка» поднимает этические проблемы взаимоотношения между представителями разных поколений, тему бережного отношения к природе, способствует экологическому воспитанию школьников. Мотив одиночества прослеживается во всех рассказах и сказках сборника. Природа выступает символом непрерывности жизни, посредником между прошлым и настоящим, настоящим и будущим.

Повесть „Taiteilija Romielsen ihmeelliset värit“ («Удивительные краски художника Ромизлса») была опубликована в одноименном сборнике рассказов и сказок в 1996 году. С первых же страниц повести М. Мазаев знакомит детей с жителями сказочного королевства: королем Кункку и его молодой женой Аглоной. Каждый день король ждал последних новостей из своего государства, и если они были хорошими, то расплачивался с их подателями сладостями: шоколадом, мороженым, лимонадом. Король жил по расписанию и очень любил пение птиц.

М. Мазаев использует игру слов, называя героев. Например, Родонодор, Одоммодо и другие. Птицу, которая красиво поет, зовут Манда Лиина. Это имя напоминает название музыкального инструмента мандолина (фин. mandoliini). Однажды королю сообщают,

что в его королевстве появился художник Ромиэлс Ратибулли: длинноволосый и бородатый, который ходит в серой мантии, подпоясанной тканевым ремнем. Выглядит он как необыкновенное существо. Его картины настолько красивы, что изображенное на них кажется живым.

Основной конфликт повести развивается вокруг противостояния доброты художника и жадности короля. Завершается книга тем, что художник и дети уходят искать сюжеты для картин в другой мир. М. Мазаев оставляет читателя с ожиданием новой встречи с Ромиэлсом.

Первой и единственной фантастической повестью на финском языке остается „Olivia ja Oliver“ («Оливия и Оливер», 1993) Т. Викстрем. Действия произведения начинаются в деревне, расположенной на берегу Звездного озера (Tähtijärvi), где живет главная героиня Оливия Лакар с родителями.

По преданию, когда-то давно в озеро с неба упала маленькая звездочка и утонула в нем. С тех пор, как говорила бабушка Оути-Марья, звезды смотрят в него как в зеркало, и ищут ее. Описание топонима Tähtijärvi занимает в повести немного места и кажется вставным эпизодом. Однако позднее Оливия узнает, что упавшая в их озеро звезда является дочкой Большого Маркаба Лавиорой.

Ночью девочку посещает звездный мальчик Оливер, который приглашает ее в путешествие и знакомит со своей страной. Поскольку встречу Оливера с Оливией предсказала волшебная птица Феникс, то отец звезд – Большой Маркаб из созвездия Пегаса – воспринимает девочку как принцессу.

Таинственное посещение Оливией Лунарии прерывается прилетом космического корабля с Земли. На ракете семь мальчиков: русский Юра, американец Джон, китаец Сун, француз Андре, англичанин Том, финн Армас и болгарин Дар. Семь – это счастливое число, и количество звезд в созвездии Большая Медведица тоже семь. Т. Викстрем подчеркивает дружбу между народами названием корабля – «Мир», а русский мальчик удивительно похож на первого космонавта Земли Юрия Гагарина.

Одной из функций сюжета является передача читателю научных знаний о современном состоянии астрономической науки. Повесть написана в традиционной научно-фантастической форме. Произведение включает в себя содержание, в центре которого межпланет-

ное путешествие и техника будущего. Однако Т. Викстрем отходит от некоторых традиций: при наличии космического полета она не рассматривает тему будущего. Писатель возвращает читателя постоянно в прошлое, к предшествующим событиям.

Оливия и Оливер смогут вернуться на Землю при условии, если Оливер станет простым мальчиком, а Оливия забудет обо всем, что произошло ночью. Утром девочка ничего не помнит. Мама объясняет, что это ей все приснилось, а полеты во сне – признак того, что она растет.

С началом учебного года в класс приходит новый ученик Оливер Свансон. Т. Викстрем подводит читателя к выводу, что это и есть мальчик со звезды. Оливия выполняет просьбу Маркаба: она идет на Звездное озеро и произносит заветные слова – „Tähtönen, tyttönen, nouse jo järven pohjasta! Isä ja äiti odottavat sinua!“¹⁰⁹ («Звездочка, девочка, поднимись со дна озера! Отец и мать ждут тебя!»).

«Оливия и Оливер» является первой попыткой создания фантастических произведений в финноязычной литературе. В повести сочетаются фольклорные мотивы с фантастическими основами жанра. Это единственное произведение такого направления в детской литературе на финском языке. Согласно определению Л. Ю. Брауде¹¹⁰, повесть Т. Викстрем можно отнести к жанру литературной сказки. «Оливия и Оливер» – это фантастическое произведение, рисующее чудесные приключения, в которых волшебство играет роль сюжетообразующего характера и помогает охарактеризовать персонажей.

Поэзия начала 1990-х годов представлена книгой Т. Сумманена „Ketä aurinko rakastaa“ («Кого солнышко любит», 1990). Все стихи Сумманена отмечены добрым отношением к детям. В одноименном стихотворении, давшем название книге, заключен вывод – солнышко любит всех:

Kaikille kultaansa lahjoittaa,
Toisille pisamat pirskauttaa,
Toisilla posket saa ruskottamaan
Eräät saa mustaksi kokonaan...¹¹¹

Солнце нам приносит в дар
то коричневый загар,
то веселые веснушки,
то румянец до ушей...¹¹²

¹⁰⁹ Vikström T. Olivia ja Oliver. Petroskoi, 1993. S. 31.

¹¹⁰ Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М., 1979. С. 6.

¹¹¹ Summanen T. Ketä aurinko rakastaa. Petroskoi, 1990. S. 5.

¹¹² Сумманен Т. Кого солнышко любит: Стихи / Пер. с фин. Е. Николаевой. Петрозаводск, 1990. С. 3.

Сюжет стихотворения „Kallen aapinen“ («Азбука Калле») прост и понятен детям. Мальчик Калле выучил пять букв, составляющих его имя, ходя с бабушкой по магазинам. Весенние игры детей с ручейками описаны в стихотворении „Uittajat“ («Сплавщики»). Это короткий рассказ о труде сплавщика. Сумманен знакомит детей с орудием сплавщика, терминологией, и все это в простой ненавязчивой форме.

Детские игры приводят к шуму, и о том, что шуметь плохо, рассказывается в стихотворении „Oliko norsuja“ («Это были слоны?»). Сосед подумал, что у Уллы были слоны, раз было так шумно. Взрослому понятно, что это шутка, однако девочка отвечает, что она играла с друзьями. Здесь мы встречаемся с подражанием Д. Хармсу. Стихотворение учит соизмерять свои поступки с интересами других людей.

Характерной чертой детской поэзии Т. Сумманена является использование финских имен, простых сюжетов из повседневной жизни дошкольника и младшего школьника. Юный читатель сразу видит в герое конкретных детей и знакомые ситуации, а также доброжелательное отношение к нему взрослых.

Поэзия Т. Сумманена разнообразна и многокрасочна. Она обогащена сюжетами и мотивами, живо и красочно рисует события и случаи из жизни детей. Стихи, полные юмора, веселого смеха, шутки, создавал для детей Т. Сумманен.

Сборник финских народных сказок „Avaimeton vakka“ («Волшебный короб», 1993) был составлен и литературно обработан У. Конкка. В опубликованных сказках отражены связи Финляндии с ее соседями: Россией и Швецией. У. Конкка внесла некоторые изменения в грамматические формы, так как они устарели и могут быть не понятны читателю, тем самым максимально приблизив текст сказок к литературному финскому языку.

То небольшое количество произведений для детей, изданных в 1990-е годы, обозначило линии развития детской литературы. Именно в этом заключается значение данного этапа в истории детской финноязычной литературы Карелии.

Время смены писательского поколения совпало с распадом СССР. Выпуск книг местных писателей на финском языке заметно сократился в сравнении с минувшим «золотым веком» национальной литературы¹¹³.

¹¹³ Машин А. Отвечать современности // Курьер Карелии. 2008. 30 окт. С. 7.

В этих условиях возросла роль переводной литературы. Основным местом ее публикации стал журнал „Kipinä“. Оригинальные произведения, написанные до 1990-х годов, составляли собственно литературу на финском языке.

Наиболее плодотворно развивалась проза. Мир окружающей нас природы – леса, реки, их обитатели – представляют богатую тему для нее. Рассказы расширяют кругозор детей, будоражат ум, приобщают их к мысли, что и в самой обыкновенной жизни имеются неразгаданные секреты природы, которые манят к себе людей. К сожалению, писатели не раскрывают весь свой потенциал в этой области.

Главными героями произведений детской литературы в основном являются сами дети, взрослые выступают в качестве наставников в воспитании норм морали, этики и эстетики, привитии навыков созидательного труда. Не всем писателям удается создать запоминающиеся образы детей, мало ярких характеров взрослых. В книгах не хватает занимательности, динамики, событий. Несмотря на то, что расширился тематический диапазон, остается почти не затронутой жизнь школы.

Часто произведения поверхностны, не раскрывают внутреннего мира героя, им не хватает национального колорита. Национальное самосознание отражает национальную принадлежность индивида, характеризует его как личность, включенную в систему внутриагентских связей и отношений¹¹⁴.

Как писал Б. Рифтин, «одним из основных факторов, формирующих национальную специфику того или иного литературного произведения, является язык»¹¹⁵. Чаще всего только по языку и именам можно увидеть национальное в детской финноязычной литературе.

Кадровая проблема является основной. Еще в начале 1990-х годов о ней говорил У. Руханен. По его мнению, сохранить финноязычную литературу можно только, вернув финский язык в школы¹¹⁶.

¹¹⁴ Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания (опыт разработки по материалам Карельской АССР): Автореф. канд. дис. М., 1978. С. 5.

¹¹⁵ Рифтин Б. О чертах национальной специфики китайских народных сказок: (по современным китайским публикациям) // О литературе для детей. Вып. 2. Л., 1957. С. 264.

¹¹⁶ Peltonen M. Urho Ruhanen: „Suomenkielinen kirjallisuus voi huonosti Karjalassa“ // Karjalan Sanomat. 1993. 4. marrask.

Уже не осталось в живых ни одного из писателей, произведения которых представлены выше: Т. Сумманен (1931–1988), Т. Викстрем (1932–1990), М. Мазаев (1926–2010). Не было ни одного молодого имени. Как отмечала Т. Курки, говоря в целом о финноязычной литературе на рубеже веков, «для молодого поколения авторов издание произведений на финском языке имеет иную культурную ценность и особое значение, отличное от целей и представлений предшествующих поколений писателей»¹¹⁷.

«От предшественников их отличает, в частности, урбанизированная среда, в которой живут их герои и они сами. Они осознают себя уже всецело городскими жителями и мало чем связаны с традиционной сельской этнокультурной средой – карельской или ингерманландской. Они родились, выросли и продолжают жить в русскоязычной городской среде, а это означает, что и понятие «национальная литература» воспринимается ими иначе, чем их предшественниками, непосредственными выходцами из крестьянской среды, впитавшими с детства и народный язык, и аграрную культуру»¹¹⁸, – отмечал Э. Г. Карху.

Подтверждением этих выводов является книга Илоны Вейкколайнен «*Satuja=Suarnua-vuarnua*» («Сказки», 2011). Это единственная книга, вышедшая на финском языке, за первое десятилетие XXI века. Конечно, выходили переводы произведений, но вот оригинальной детской прозы и поэзии не было.

И. Вейкколайнен знакома финноязычному читателю как корреспондент газеты «*Karjalan Sanomat*» («Новости Карелии»), в которую она пришла работать сразу же после окончания Карельского государственного педагогического университета в 2000 году. С 2004 года она ведет в ней детскую страничку „*Lasten maailma*“ («Детский мир»), а также пишет сказки на финском языке.

Свою первую сказку «*Joulujuttu*» («Рождественская сказка») И. Вейкколайнен написала на английском языке, когда еще училась в университете. Преподаватель Н. Королева заметила Илонин дар и порекомендовала ей писать и дальше. Эта сказка особенно любима автором, так как главной героиней является ее любимая кошка¹¹⁹.

¹¹⁷ Курки Т. Локальная, внелокальная или полилокальная литература? Финноязычная литература в Карелии во второй половине XX – начале XXI века // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века: Гуманитар. исследов. Вып. 3. Петрозаводск, 2009. С. 358.

¹¹⁸ Карху Э. Г. Общение культур и народов. Цит. соч. С. 85.

¹¹⁹ Ogneva O. „Kirjutan dai lauhtun“ // Oma Mua. 2012. 18. pakkask.

Через героев своих сказок И. Вейкколайнен рассказывает детям о таких неприглядных качествах личности как любопытство, гордыня, непослушание. Объясняет юным читателям, как правильно поступать в той или иной ситуации. Понимать, что если делаешь кому-то плохо, то в первую очередь делаешь хуже себе, наказание неизбежно. Ведь у сказки может быть и грустный конец.

Достоинством книги является и то, что она двуязычная. Елена Филиппова перевела все сказки на карельский язык. Иллюстрации к ним сделала сама И. Вейкколайнен. Данная книга предназначена для учеников начальной школы и полностью соответствует их возрастным особенностям. Они могут прочитать ее сами или с родителями (педагогом).

Остается надеяться, что примеру И. Вейкколайнен последуют и другие молодые кадры, которые будут полны творческой энергии и стремления идти вперед. А пока будущее финноязычной детской литературы Карелии выглядит проблематичным. Среди причин такой ситуации Э. Алто еще в начале 1990-х годов указывала следующие: малочисленность ингерманландцев, отсутствие чувства Родины, обучение финскому языку вне семьи (школа, университет)¹²⁰.

Если в первой половине XX века финны и финны-ингерманландцы по разным причинам прибывали в Карелию, то в конце XX – начале XXI века начался их массовый отъезд в Финляндию. Среди них были и начавшие свою деятельность в СССР литераторы Тойво Флинк (род. 1949), Арви Пертту (род. 1961), Элли Алто (род. 1936), Армас Мишин (род. 1935) и другие.

Ситуацию усугубил и демографический кризис. Данные социологических исследований показывают, что «при сохранении существующих тенденций финны как этническая группа могут исчезнуть с этнической карты Карелии уже через два поколения»¹²¹.

Хотя этнокультурный анализ, проведенный В. А. Кокко по девяти критериям в пяти традиционных регионах проживания ингерманландских финнов, показал, что Республика Карелия находится

¹²⁰ Алто Э. Ингерманландские писатели в СССР // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск, 1991. С. 21–22.

¹²¹ Бирин В. Основные тенденции развития брака и семьи у финнов Карелии во второй половине XX века // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века: Гуманитар. исследов. Вып. 3. Петрозаводск, 2009. С. 408.

на втором месте после Финляндии по наилучшим возможностям. Здесь финский язык поддерживается государством, его преподают в детских садах, школах, университетах, количество издаваемой периодики на финском языке превышает число говорящего на нем населения¹²².

Выступая на одном из семинаров в Финляндии, А. Пертту отметил, что литература Карелии, развивающаяся на финском языке, нуждается в культурном допинге. По его мнению, «остаться „в живых“ она может лишь, вернувшись к матушке-культуре, из которой она выделилась. Есть два предложения: или срочное увядание в русскоязычном окружении, или объединение с общефинской литературой»¹²³.

Новая языковая политика республики, изменение типа читателя и писателя, а также переоценка художественно-эстетических ценностей – все это привело к современной ситуации, сложившейся в детской литературе на финском языке.

* * *

Детская финноязычная литература имеет самую продолжительную историю существования из всех национальных литератур Карелии. Господство финского языка, творческие кадры позволили ей непрерывно развиваться, не имея каких-либо длительных перерывов. На протяжении всего XX века для детей выходили сборники рассказов и стихов, повести, пьесы, литературные хрестоматии, переводы произведений русской и советской классики.

Финноязычная детская литература от своего возникновения до наших дней прошла почти вековой путь. В ее становлении и развитии можно выделить три основных этапа. Хронологически первый начинается в 1920-м году с момента образования Карельской Трудовой Коммуны, когда происходит становление детской литературы на финском языке. Цели и задачи литературного творчества в это время определялись общими социально-политическими установками, направленными на утверждение идеалов новой жизни. Этим и руководствовались писатели при создании произведений для детей.

¹²² Подробнее см.: Кокко В. А. Ингерманландские финны: народ, живущий в диаспоре // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада: Четвертые Шёгреневские чтения: сб. ст. СПб., 2011. С. 128–136.

¹²³ Sipola S. Rajalla, takamailla vai risteyksessä? // *Hiidenkivi*. 2010. N:o 4. S. 41.

Большую роль в этот период сыграли финны-эмигранты и финны-ингерманландцы Ленинградской области. Внедрение финского языка во все сферы жизни в 1920–1930 годы способствовало расцвету национальной культуры. В частности, о вкладе финнов в развитие Карелии говорилось на межрегиональной научно-практической конференции «Российские финны: вчера, сегодня, завтра» 4–5 декабря 2009 года в Петрозаводске.

Второй этап в развитии детской литературы охватывает период 1950–1980-х годов. Детская проза этого периода развивалась в жанре рассказа и небольшой повести. Появились произведения с детективным сюжетом. Одним из основных направлений детской литературы в указанное время являлось изображение усиливающихся связей человека с природой, в основе которого – гуманное, бережное отношение к ней, так как человек является ее составной частью. На первый план в своем творчестве писатели выдвинули задачи эстетического воспитания.

Современный этап развития детской литературы начинается с 1990-х годов. В конце XX века прозаики писали сказки, повести, рассказы о животных и природе. Произведения крупных жанров (роман, поэма) так и не появились.

Национальная специфика любого народа связана с его историей, бытом, национальным характером. Действия почти всех произведений происходят только в пределах Карелии, причем локализуется оно весьма точно с указанием конкретного города, деревни.

Финноязычная литература, имея общие черты с литературами других прибалтийско-финских народов Карелии, отличается целым рядом специфически национальных черт, проявляющихся в поэтике и языке. Основной тематикой произведений являются семейные отношения, взаимоотношения взрослых и детей. Даже в первых рассказах и стихах 1930-х годов, наряду с изображением революционно-исторических событий, встречаются эти мотивы.

Проблема героя представлена частично. В центре повествования чаще всего ребенок – юный герой – со своими проблемами и переживаниями. Взрослые герои – это родители и соседи. Взаимоотношения взрослого с детьми в основном фиксируются на бесконфликтном общении родителей и детей.

Отрицательные и положительные герои классифицируются по разным критериям. При описании событий гражданской войны ос-

новополагающим является классовый признак. В произведениях на бытовую тематику – нравственный. Тема «природа и человек» появится несколько позднее и не у всех писателей.

Тема Великой Отечественной войны не нашла отражения в оригинальной детской финноязычной литературе. Можно предположить, что отсутствие этой темы связано с судьбой самого народа. Большинство финнов было репрессировано в 1930-х годах, а оставшиеся были эвакуированы из Ленинградской области и Карелии подальше от государственной границы в разные уголки СССР как неблагонадежные. К ним сохранялось недоверие, которое было вызвано политическими причинами. Однако, например, Т. Гуттари участвовал в строительстве оборонительных сооружений под Петрозаводском, У. Викстрем – находился в рядах действующей армии и т. п.

Рассказы и стихи о пионерии, пионерском движении также не нашли своего места в детской финноязычной литературе. Как и тема войны, она была компенсирована за счет переводов.

Хотя развитие детской литературы на финском языке на протяжении XX – начала XXI века шло непрерывно, оно было весьма неровным. Если в середине XX века в год выходило хотя бы по одной книге, то с 1990-х годов количество публикаций на финском языке в области детской литературы последовательно сокращалось. В итоге за первое десятилетие XXI века вышла только одна (!) авторская книга сказок. Спасением пока остается детский финноязычный журнал и издаваемая переводная литература, количество которой, по сравнению с предыдущими годами, сократилось в разы. Такая же ситуация наблюдается и в других финно-угорских литературах России, например в марийской¹²⁴.

Можно предположить, что есть несколько причин, помешавших развитию оригинальной детской литературы. В 1930-е годы часть наиболее опытных творческих сил (У. Руханен, Л. Хело) переключились на создание учебных книг и переводы произведений детской литературы. Целый ряд финнов-эмигрантов и финнов-ингерманландцев были репрессированы. Э. Г. Карху писал: «Гонения и мытарства ингерманландских финнов – лишь одна из страниц трагической истории XX столетия»¹²⁵. В конце XX – начале XXI века появится целый

¹²⁴ The Finno-Ugric World: Statistical Handbook. Syktyvkar, 2000. P. 25.

¹²⁵ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания. Петрозаводск, 1999. С. 246.

ряд публикаций-воспоминаний о жизни финнов-ингерманландцев¹²⁶. При изучении их национального самоопределения следует принимать во внимание судьбу народа. Несмотря на это, детская литература первого периода была периодом достижений.

Одной из причин недостаточного развития детской финноязычной литературы в 1950–1980 годы, несмотря на официальный статус финского литературного языка, является то, что она не выходила за пределы этнической среды.

Рост национального самосознания у карелов в конце 1980-х годов, появление письменного карельского языка позволило новому писательскому поколению реализовывать себя на литературной ниве на родном языке. Этим обусловлены успехи детской карелоязычной литературы конца XX – начала XXI века. Не появившись этой возможности, может быть, карелы и дальше писали бы по-фински.

Почти вся «взрослая» финноязычная литература 1940–1980 годов была создана северными карелами, выбравшими для своего творчества финский язык. В учебной литературе и книгах для чтения мы встречаемся с главами из романа Н. Яккола «Водораздел», поэзией Я. Ругоева, Н. Лайне. Для писавших на финском языке карелов первостепенную важность имели фольклорные и финские литературные традиции, все те художественные ценности, которые на этом языке созданы.

Конец XX начало XXI века ознаменовался неблагоприятными социально-политическими условиями, снижением статуса финского языка в республике, массовым выездом людей с «финскими корнями» в Финляндию. Итогом этого стало уменьшение количества, как читателей, так и писателей. Естественный уход старшего поколения и отъезд в Финляндию более молодого не позволил произойти смене писательского поколения.

Как отмечал Э. Г. Карху, «сама этническая среда в Карелии и Ингерманландии уже почти не питает литературный (финский) язык, а последний в свою очередь не имеет обратного влияния на этническую среду, не контактирует с нею сколько-нибудь ощутимо. <...> Если в 1920–1930-е годы внутри ингерманландской деревни-социума общались только на родном диалекте, а большинство жителей

¹²⁶ См.: Konkka U. Läpi sumuharson: Erään inkeriläisen vaelluksista // Punalippu. 1989. N:o 7. S. 3–43; N:o 8. S. 3–29; Konkka U. Epäluotettavia kansalaisia: Kuvaus // Neuvosto-Karjala. 1991. 31. tammik.; 2, 7, 9, 12. helmik.; Риехкалайнен Ю. Ингерманландские финны: история и судьба. Петрозаводск, 2009 и другие.

вообще не владело русским языком, то сейчас по существу уже не остается людей, для которых повседневным языком был бы или родной диалект, или литературный финский язык»¹²⁷.

В начале XXI века развитие детской литературы приостановилось. Площадкой для начинающих писателей и переводчиков остаются журналы „Carelia“, „Kipinä“ и газета „Karjalan Sanomat“. На страницах журнала „Kipinä“ в основном публиковались произведения писателей, уже ушедших из жизни и составляющих костяк финноязычной литературы. Из старшего поколения продолжает трудиться лишь А. Мишин. Появление первой книги И. Вейкколайнен вселяет надежду, что молодые авторы все же придут в литературу.

На современном этапе работа по созданию детской литературы на финском языке является самым узким местом за всю историю ее существования. В основном детскую литературу представляют переводы. Она стала журнальной, что более свойственно для периода зарождения литературной традиции.

¹²⁷ Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1994. С. 225.

Г Л А В А 2

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Истоки создания детской литературы

1920-е годы – эпоха строительства нового государства. Одной из главных задач являлась борьба с неграмотностью населения. Перед АКССР стоит проблема выбора языка обучения для карелов, составлявших 61 % населения, так как карельский язык, оставаясь главным средством общения, не имел своей письменности. Для решения этого вопроса было предложено три варианта: начать образовательный процесс на финском литературном языке, на русском литературном языке, или создать карельский литературный язык на латинской или кириллической основе.

По мнению М. Кангаспуру, в 1920-е годы русский язык был для карелов языком культуры¹²⁸. Одним из аргументов в пользу финского литературного языка было то, что он, так же как и карельский, относится к группе финно-угорских языков. При создании единого карельского литературного языка пришлось бы взять за основу одно из наречий (собственно карельское, людиковское или ливвиковское), но это не устроило бы представителей других наречий.

К тому же, как писал секретарь Карельского Обкома ВКП(б) Г. Ровио, «создание карельского литературного языка не только не находило сторонников, но, по крайней мере, публично в печати и на съездах и собраниях в Карелии никем не предлагалось»¹²⁹. По его мнению, «трудности создания и проведения нового языка затормозили и задержали бы всю культурную работу: развертывание школьной сети, политпросвет работу, издательскую и другие

¹²⁸ Кангаспуру М. Национальное и интернациональное в Республике Карелия // *Boundaries of Earth and Consciousness: Ingrian Finns, Karelians, Estonians, and St. Petersburg's Germans in an Age of Social Transformation*. Helsinki, 2002. P. 329.

¹²⁹ Ровио Г. Проблема языка в национальной политике // Карело-Мурманский край. 1931. № 1/2. С. 16.

деятельности»¹³⁰. На тот момент обучение карелов грамоте уже велось на русском и финском языках. Председатель ЦИКа КАССР А. Ф. Нуортева писал: «Опыт школьной работы показывает, что ребенок, попавший в школу, зная только местное карельское наречие, несравненно быстрее и легче схватывает литературный финский язык, чем русский»¹³¹.

Проблема языка вызвала активные дебаты и, в конечном итоге, было принято решение внедрить финский литературный язык. Хотя при КАППе уже с декабря 1927 года работала секция карельской литературы. Называя это беспрецедентным случаем, когда литературным языком республики стал язык соседнего государства, О. Юфа отмечала: «Финский не был языком местного населения, и позже это неоднократно вызывало нарекания, особенно начиная с тридцатых годов, когда этот вопрос получил политическую окраску»¹³².

Вопрос о карельском языке разделил и самих карелов. Олончане относились к финскому языку как к чужому, в то время как жители Калевальского района приветствовали его¹³³. Благодаря языковому родству финского и карельского крестьяне-карелы понимали его, но не умели читать на нем¹³⁴ и т. п.

Несмотря на языковые проблемы, среди населения находились люди, готовые вести просветительскую работу. Одним из таких просветителей был карел из Суйстамо Ийво Хяркёнен. Хяркёнен писал, что задумывается над возможностью развития литературы на карельском языке, но для этого нужен письменный карельский язык, которого в то время не существовало. Как мы видим, Хяркёнен был реалистом. Но все же он подчеркивал богатство карельского языка для поэзии. И именно И. Хяркёнен выпустил

¹³⁰ Ровио Г. Проблема языка в национальной политике // Карело-Мурманский край. 1931. № 1/2. С. 21.

¹³¹ Нуортева А. Проблема карельского языка в национальной политике // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 4.

¹³² Юфа О. Л. Дискуссия о языке в финноязычной литературной критике Карелии 1920–1930-х годов // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск, 1991. С. 6.

¹³³ Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta: Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä vuosina 1920–1939. Helsinki, 2000. S. 164.

¹³⁴ Karjalainen K. Kirje Paadenelta // Punainen Karjala. 1926. 5. kesäk.

на ливвиковском диалекте книжку стихов для детей „Aunuksen brihatsut“ («Олонецкие мальчишки», 1921)¹³⁵.

Просветители начала XX века Ийво Хяркёнен и Онни Окконен привлекли внимание своим творчеством на карельском языке. Как отмечала Э. Л. Алто, благодаря их усилиям был сделан «первый шаг на пути от устной традиции к письменной»¹³⁶.

В 1937 году Президиум ЦИК Карельской АССР принял решение о создании единого для всех групп карелов Советского Союза литературного языка на основе русской графики. В том же году была опубликована «Грамматика карельского языка» Д. В. Бубриха. Сектором культуры и быта Госплана республики было отмечено, что за 1938–1939 годы все карельские школы перешли на карельский язык обучения. Но уже 1 сентября 1940 года I съезд ЦК республики принял решение об отмене преподавания в школах на карельском языке¹³⁷.

С 1938 по 1940 год в республике на карельском языке издавался ежемесячный литературный журнал «Карелия», важнейшей задачей которого была борьба за создание и развитие карельского литературного языка и карельской литературы¹³⁸. В нем публиковались художественные произведения и записи карельского фольклора, а так же, как и в газете «Советской Карелия» («Советская Карелия») критические статьи. По мнению Л. Лехти, «Советской Карелия» – была первой карелоязычной газетой, редакция которой состояла из карелов, знающих финский язык. Публикации в газете были на кириллице¹³⁹.

С самого начала своего существования журнал «Карелия» был преимущественно переводным изданием¹⁴⁰. Произведения печатались на кириллице. Активное внедрение карельского языка на русской графике

¹³⁵ Мишин А. «Дать начало песнопенью...»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 152.

¹³⁶ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб., 1997. С. 12.

¹³⁷ Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 201.

¹³⁸ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб., 1997. С. 12.

¹³⁹ Lehti L. Enšimmäini karjalankielini lehti // Vienan Karjala. 2009. 11. pimiek.

¹⁴⁰ Подробнее о журнале «Карелия» см.: Алто Э. Л. Журнал «Карелия» // Советские финноязычные журналы 1920–1980. Петрозаводск, 1989. С. 83–87.

проявлялось и в публикации большого количества переводов. Они выходили как в указанных выше изданиях, так и отдельными книгами.

С 1940/1941 учебного года в карельских школах обучение стало вестись на финском языке. Однако в среднем звене школы нередко уроки велись на русском, так как большинство преподавателей-предметников были русскими. В Олонецком и Пряжинском районах обучение вообще шло на русском языке, так как ученики не знали латинского алфавита и не понимали финского языка¹⁴¹.

Финский солдат К. Каява в своем письме с фронта писал о впечатлениях после взятия деревни Мяндусельга. В деревне они увидели школу и агитпункт: «Это была обыкновенная средняя школа... По учебникам мы поняли, что обучение велось также и на финском языке. Еще в фойе нас приветствовала вывеска на финском языке ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ...». В здании агитпункта была библиотека. «Среди книг на русском языке были и карелоязычные издания. Язык был карельский, но буквы русские. Культурным изданием Карелии долгое время был журнал „Карелия“», — отмечал К. Каява¹⁴².

Во время Великой Отечественной войны большинство писателей находилось на фронте, до детской литературы никому не было дела. Территория Карелии была оккупирована. Финны организовали обучение детей на финском языке. Период существования литературы на карельском языке был весьма непродолжительным, а результаты его весьма скромны¹⁴³. Но этот процесс имел и свои объективные положительные стороны.

Было привлечено внимание к карельскому фольклору. В Союз писателей стали принимать сказителей. Так, в 1939 году членом Союза писателей стала М. А. Ремшу. В 1945 году вышла ее книга „Karjalais-suomalaisia kansansatuja“ («Карело-финские народные сказки»). В нее вошла 21 сказка на собственно карельском наречии

¹⁴¹ Hyytiä O. Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta 1940–1956 – Kansallinen tasavalta? Helsinki, 1999. S. 37.

¹⁴² Kajava K. Kun Mäntyselkällä vallattiin // TK-rintamakirjeenvaihtajat etulinjoilla 7, Stalinin kanavalle. Helsinki, 1942. S. 30–31.

¹⁴³ Библиографию детской литературы см.: Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова и Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963; Письменные языки мира: языки Российской Федерации: социолингвист. энцикл.: в 2-х кн. Кн. 2. М., 2003. С. 221–224; Karjalankieliset [ns. Bubrichinkarjala] julkaisut 1937–1940 // Kruhse P., Uitto A. Suomea rajan takana 1918–1944: suomenkielisen neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia. Jyväskylä, 2008. S. 315–330.

карельского языка. Такие сказки как „Repo ta kontie“ («Лиса и медведь»), „Repo ta kurki“ («Лиса и журавль»), „Köyhä ta pohatta velli“ («Богатый и бедный брат») прочно войдут в круг детского чтения.

Записи карельского фольклора знакомили юных читателей с духовным опытом народа, воспитывали вкус к устному поэтическому слову. Усилилось внимание к карельскому языку и культуре. Однако в условиях малого срока функционирования в качестве письменного и литературного языка карельский язык не успел закрепить и развить выработанные языковые нормы.

Период 1950–1970-х годов ознаменовался полным отсутствием литературы на карельском языке. Вся литература в Карелии издавалась на русском и финском языках. Это привело к такой ситуации, что карелы стали писать по-русски или по-фински. Так появились повести Э. Кононова (1930–1974) и П. Лукина (1922–1988).

Павел Осипович Лукин (Пааво Лукин) родился в деревне Габалова Сельга Пряжинского района. Учился в Ведлозерской средней школе и Петрозаводском учительском институте. Изначально заявил о себе как детский писатель. Он создавал произведения на финском и карельском (ливвиковское наречие) языках.

Литературная деятельность Лукина началась в 1930-е годы, когда журнал «Карелия» опубликовал его стихотворную сказку „Iše minä“ («Я сам»). В 1940 году газета „Totuus“ («Правда») напечатала его сказку „Vägevin“ («Самый сильный»). Повесть „APR“ («АПР») впервые была опубликована в журнале „Punalippu“ в 1972 году. Затем она вышла отдельной книгой и переиздавалась. В Союз писателей П. Лукин был принят в 1982 году¹⁴⁴.

Повесть «АПР» написана для школьников. Главным героем является пятиклассник Войтто Рантала. Повествование ведется от первого лица. Поскольку П. Лукин долгое время работал учителем и директором в сельских школах разных районов республики, то он хорошо знал школьную жизнь. Автор описывает обыкновенную школу в карельской деревне.

Девизом повести является карельская пословица „Hyväh sanah leppy lämpy, pahah sanah kadaigi katkieu“ («Хорошее слово ольху сгибает, плохое слово можжевельник ломает»). По мнению Т. Викстрем, «эта пословица иллюстрирует основы воспитания, которыми

¹⁴⁴ Подробнее см.: Писатели Карелии: биобиблиогр. словарь / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2006. С. 189–190; Oispuu J. Runoista romaaneihin: karjalaisuutta ja karjalankielistä kirjallisuutta Karjalassa. Tallinna, 2006. S. 78–79.

руководствуется педагог и писатель Пааво Лукин»¹⁴⁵. Именно такой подход к детям формирует хороший контакт с учениками.

Повествование начинается с радостного момента в жизни Войтто. В школу приходит новый учитель финского языка Виктор Викторович. Он лучше всех понимает главного героя. Войтто – фантазер, сочиняет стихи, однако это не мешает быть ему обыкновенным мальчиком и совершать различные проступки. Войтто скрывает от матери и одноклассников свои творческие способности.

П. Лукин описывает знакомые всем школьные порядки: за нарушение дисциплины на уроке учеников выгоняют из класса, вызывают на разговор с директором школы, учитель занимается пересадкой учеников в классе. На переменах мальчишки дерутся, разбивают окна, но все это они делают без злого умысла.

Повесть содержит и обучающие моменты, что лишний раз подтверждает факт работы автора учителем. Например, когда Войтто уходит с ребятами в лес за грибами, он оставляет матери записку, чтобы она не волновалась. Словарный запас детей разнообразится синонимами. Например, волнушка обозначается как *rousku*, *vahalaukku*, *karvalaukku*.

В повести встречаются фразеологические обороты. Например, „*se tuli kuin vasaran kumahdus pääkorraan*“ («это было как удар молотка по голове») используется для описания эффекта неожиданности и оживляет повествование. Чтобы передать волнение мальчика, автор пишет: „*Sydän nousi kurkkuun*“ («сердце поднялось в горло»).

Дети играют в войну. Подчеркивается мысль, что партизан никогда не выдаст врагу военную тайну. Героями для школьников являются участники гражданской войны. Лукин использует сравнения, понятные детям того времени, например, «как Чапаев».

Именно в повседневной жизни автор начинает вводить в текст повествования карельскую речь. Дети вне школы говорят по-карельски. Этот язык является для них родным и подтверждает тот факт, что обучение в школе карельскому языку не происходило. Автор предусмотрел, что юный читатель, не владеющий карельским языком, не сможет понять ряд диалогов на нем, для этого используются сноски с переводом на финский язык.

Классный руководитель Войтто Андрей Петрович Никулин участвовал в Великой Отечественной войне, оборонял Москву, воевал

¹⁴⁵ Vikström T. Paavo Lukinin APR // Punalippu. 1976. N:o 8. S. 94.

в Карелии и защищал Харьков. Находясь на фронте, он тоже писал стихи, которые были опубликованы во фронтовой газете.

Войтто сожалеет, что Андрей Петрович не был в Берлине, тогда бы он смог расписаться на стенах Рейхстага, как это сделали другие солдаты. На что Андрей Петрович говорит: «Не все солдаты могли закончить войну в Берлине. Фронтов было много и все нуждались в солдатах. Важно то, что мы победили, что ты, сын фронтовика, живешь и сочиняешь стихи»¹⁴⁶. Андрей Петрович дает Войтто советы, как лучше сочинять стихи. Не нужно пользоваться чужими рифмами, надо искать свои. Андрей Петрович не только учитель, классный руководитель, математик, поэт, но и хороший человек. Словами главного героя автор не раз повторяет: «у нас хороший учитель».

Отец Войтто, Рейно, погиб на фронте и поэтому общение с учителями-мужчинами становится важным для него. Они заменяют ему и другим мальчикам отцов. Однажды Войтто приснился отец, который говорил ему: «Ты действительно счастливый мальчик. И имя у тебя историческое: ты родился в День Победы, девятого мая...» (С. 41). Наверное, не случайно главного героя П. Лукин назвал Войтто. На русский язык оно переводится как «победа».

Отец Войтто совершил на фронте героический поступок, и об этом написала фронтовая газета. Желание узнать больше о своем отце приводит Войтто и его друзей Семена и Алексея в архив г. Петрозаводска. Однако среди газет они находят подшивку с военными стихами их учителя Андрея Петровича. Это становится секретом для мальчиков, который они решают доверить Виктору Викторовичу.

П. Лукин подводит юного читателя к объяснению названия повести. Мальчики организуют тайное общество и решают, как его назвать. В конце концов, рождается аббревиатура APR – Andrei Petrovitšin rintamagunot (фронтовые стихи Андрея Петровича). Виктор Викторович становится членом тайного общества.

Нельзя не вспомнить здесь повести для детей А. Алексина. В одной из них также существует секретная организация БОДОПИШ («Боевой домовый пионерский штаб»). В другой – таинственный ТСБ держит заинтригованным юного читателя до конца повествования. «Тайный Сигнал Барабанщика» на деле расшифровывается

¹⁴⁶ Lukin P. APR. Petroskoi, 1975. S. 36. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

как «твой старший брат». Остается только догадываться, что скрывается за аббревиатурами, придуманными писателем.

Также и П. Лукин, придумал игру с тремя загадочными буквами. Когда тайна раскрывается, ребята устраивают в школе конкурс, что значит APR? Предлагается много версий. Например: aina rojat gaatavat... (всегда мальчики трудятся), anna rojille rahaа (дайте мальчикам денег), avain rannaan reikään (ключ попал в дырку). Среди смешных идей вдруг появляется серьезная: aina puolustakaa rauhaа (всегда защищайте мир). П. Лукин делает вывод, что защита мира – это не тайна. Это обязанность каждого человека Советского Союза. Проводится и идея мира во всем мире.

Взаимоотношение учителя и учеников, доверие детей к взрослому, их совместная деятельность – вот главные составляющие произведения.

Образ карела-патриарха представлен в книге дедом Иваном Петровичем. Вот какой портрет рисует автор: «Большая седая борода напоминала ножницы для стрижки. <...> Такой другой бороды не было ни у кого в мире. Так же как и усов. Таких густых и совсем белоснежных. Вдобавок, у него была гладкая лысая голова...» (С. 37).

Дед Иван играл на кантеле и пел. Его даже записывали на магнитофон в Петрозаводске. В деревенском краеведческом музее хранилась книга, в которой было упоминание о деду Иване. Он являлся приверженцем старины, поэтому в народе его прозвали „elävä historia“ («живая история»). Дед говорил по-карельски и часто заканчивал мысль фразой: „muga velli“ («вот так вот»). Это было его любимое выражение, которое означало, что речь закончена.

Иван Петрович вяжет сети, плетет кошель. У деда Ивана образный карельский язык. Лукин доказывает это обилием в его речи поговорок и пословиц. Например, „Vieras tulou – viestin tuou“ («Гость пришел – весть принес»); „Mittuine pedäi, semmoine pediän vesagi“ («Какая сосна, такие и побеги»); „Kerran muidu nenäz vedeled – toizel kerdu omua neniä pideled“ («Один раз других за нос водишь – другой раз сам за нос будешь держаться»). Автор пишет, что «поговорка в народном языке больше, чем грибов в осеннем лесу» (С. 53).

П. Лукин прекрасно осознавал, что народный язык тесно связан с фольклором, поэтому он вставлял в литературный финский язык элементы карельского языка, пословицы и поговорки.

Основное население деревни – карелы, поэтому автор описывает их обычаи и традиции. Например, приставленная к двери дома палка выполняет роль замка и показывает гостю, что хозяев нет дома. Такой обычай существует и у других народов, в частности, у русских. Представлена национальная карельская еда: калитки, рыбник, чай с молоком.

Иван Петрович тоже воевал и рассказывал мальчикам, что в военное время героические поступки совершаются на каждом шагу, только они остаются незамеченными. Говорит он и о роли поэтического слова, что стихи дают солдатам силу перед сражением.

Окончание повести получает совершенно неожиданный поворот. Одноклассница Войтто Айно сообщает, что у деда Ивана есть кошель с буквами АП. Мальчики пытаются раздобыть его. В конце концов, им попадается этот кошель. На нем надпись «АП-35», что значит «Андрею Петровичу на 35-летие». Иван Петрович приготовил такой подарок учителю. Заканчивается повесть поговоркой Ивана Петровича об умении хранить тайны.

По мнению Ю. И. Дюжева, «герои повести П. Лукина через игру находят свое место в жизни, приобщаются к светлым идеалам фронтового поколения»¹⁴⁷. Повесть «АПР» охватывает события мирного времени и продолжает традиции советской литературы. Ю. И. Дюжев писал: «Несомненны заслуги советской детской литературы в создании полной и глубокой картины жизни пионерской организации. <...> В сокровищницу пионерской литературы вошли книги, написанные А. Гайдаром, Л. Кассилем, С. Михалковым, А. Мусатовым, М. Прилежаевой, Н. Носовым, В. Осеевой, Ю. Сотником»¹⁴⁸.

Первая книга П. Лукина на карельском языке „Tuhkimus“ («Золушка») вышла в 1981 году. Золушка – это не девочка, а мальчик Иван, который влюбился в дочь богача. Сказки детского писателя говорят о том, что самое дорогое в мире – это любовь к ближнему, окружающей нас природе, матери, отцу, ко всем людям. Книга начинается с рассказов о прежней жизни. Автор вводит юного читателя в атмосферу прошлого.

«Уже читая первые страницы, замечаешь то, что объединяет всю книгу: содержание основывается на народном фольклорном материале», – писал Р. Котты¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Дюжев Ю. Доверительное слово: о прозе // Детская литература. 1985. № 8. С. 12.

¹⁴⁸ Дюжев Ю. Летописцы страны Пионери. М., 1972. С. 95–96.

¹⁴⁹ Kotti R. Suarnat ei loppei sanondal // Punalippu. 1981. N:o 9. S. 111.

С детства П. Лукин слышал народную мудрость: сказки, песни, загадки. Взрослые коротали длинные зимние вечера на посиделках. Женщины и девушки чесали шерсть, пряли, вязали в одном углу избы, а в другом сидели мужики и парни. Они тоже имели свои занятия, например, вязали сети. Главным героем книги является мальчик Тимой.

Сказку «Золушка» рассказывает Тимою дед. Многое кажется мальчику знакомым и он говорит об этом деду. Но дед постоянно повторяет: «Это сказка». Сказка написана в прозе, однако в последующих книгах она будет представлена в стихах, так же как и сказка „Peigoi-poigu“ («Мальчик с пальчик»).

Цикл рассказов и стихов написан о жителях деревни Киндасово, которая славится в Карелии юмором. Ее жители часто попадают в смешные истории. У П. Лукина главным героем этих рассказов является мужик Леха.

Особенность поэтического слова проявляется в своеобразии рифм. Карельский поэт В. Брендоев отмечал: „Лукин рифмует слова *rukka* и *muokka*, *heis* и *mies*, *voidi* и *rodih*, *miesty* и *pystyh*, *lapsi* и *vägeväke*“¹⁵⁰. Наряду с рассказами и сказками, в книге есть стихи, которые взрослые могут прочитать детям. В раздел „*Rahvahan viizahuksii*“ («Народная мудрость») включены поговорки и загадки.

Так сложилось, что при жизни П. Лукина вышло только две его книги – одна на финском, другая на карельском языке. На фоне возникшей во второй половине 1980-х годов стремительной активизации национального самосознания народов как движущей силы этнического возрождения углубился интерес к языковому наследию. Тогда вновь заговорили о Лукине и вспомнили его творчество. Своими сказками в форме стихов, вышедшими в сборниках „*Mindäh kägöi kukkuu*“ («Почему кукушка кукует», 1990) и „*Iče minä*“ («Я сам», 1996), он ввел новый жанр в детскую литературу на карельском языке.

Эти произведения П. Лукина опираются на традиционную структуру карельской народной сказки. Ряд из них начинается словами «жили-были», а заканчивается фразой «тут и сказочке конец». Развернутая присказка есть в сказке „*Elo, nero da laškus*“ («Добро, мастерство и лень»).

Можно предположить, что реализм и народность позволили П. Лукину создать стихотворные сказки по известным сказочным

¹⁵⁰ Brendojev V. Pagin Tutkimukses // Punalippu. 1981. N:o 9. S. 112.

сюжетам. Он брал за образец художественных произведений литературные труды русских писателей. Так, например, в его творчестве появились сказки о попах и работниках. Опираясь на сюжет сказки П. Ершова «Конек-горбунок», Лукин создал произведение «Я сам», интересное по содержанию и национальное по характеру. Все эти произведения можно отнести к жанру литературно-художественной сказки, которыми писатель обогатил карелоязычную детскую литературу. Находчивость Ивана Тухкимуса, младшего брата, позволила наказывать воров. С подобной смекалкой карелов мы встречаемся и в произведениях П. Семенова. В частности, в его рассказе „Pöllätüs“ («Пугало») мужики наказывают несправедливого лесника.

Одной из особенностей карелоязычных произведений П. Лукина, которая проявляется и в творчестве других писателей рубежа XX–XXI веков, является упоминание Бога в детской литературе. Например, в сказке „Kielastus-suarnu“ («Ложь-сказка») автор пишет: „jumalat čotajjah tiähtii“ («боги считают звезды»), „jumalat hüllättih ruavot“ («боги оставили труды»), „jumaloil ei ole d’engua“ («У богов нет денег»).

Как видно из примеров, здесь идет обращение не к Богу, а к богам. По мнению фольклориста Л. И. Ивановой, «карельский народ подчас был очень далек от Бога, он поклонялся многочисленным духам и, поэтому, обращался к ним во множественном числе»¹⁵¹. Это свидетельствует о том, что у карелов больше было распространено язычество, чем христианство. Сказки карелов на религиозную тематику во второй половине XX века не носили антицерковного оттенка.

Стихотворение „Laškus“ («Лень») из книги «Я сам» написано в форме многократных повторений. Сюжет стихотворения прост, каждое четверостишие начинается с обращения: «Собирай, Лень...» и далее клубнику, клюкву, бруснику, грибы. Но все время у Лени находятся причины, чтобы ничего не делать. Когда собираешь клубнику, там червяки ползают; за клюквой надо идти на болото, а там можно ноги промочить; за грибами надо ходить по лесу и т. д. Стихотворение обращает читателя к проблеме лени.

Творчество П. Лукина включает в себя повесть, сказки, рассказы и стихотворения. Все они учат добру, народной мудрости и любви к родному краю. Если П. Лукин писал на финском и карельском язы-

¹⁵¹ Иванова Л. И. Библейская мудрость и ее отражение в южнокарельских пословицах о Боге // Православие в Карелии: Материалы III регион. науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов (16–17 окт. 2007 г.). Петрозаводск, 2008. С. 218.

ках, то Эрнест Кононов – карел из села Паданы – все свои произведения написал на русском. Его повесть для детей «Долгая дорога домой» (1976) рассказывает о том, как в суровые годы войны формировался характер подростка.

Повесть «Долгая дорога домой» автобиографична. Когда началась Великая Отечественная война, автору было одиннадцать лет. Э. Кононов эвакуировался с семьей в Архангельскую область. В 1944 году он оказался в действующей армии и был несколько месяцев сыном полка. Повесть Кононова построена не на драматических эпизодах, а на будничных военных обстоятельствах, раскрывающих личность подростка – 14-летнего Антона Готчиева.

Сохранив детские воспоминания, автор написал о реальных событиях. В частности, Кононов рассказывает о том, как архангельская деревня помогала фронту. Такая практика была распространена тогда по всему Советскому Союзу. Например, будучи ребенком и, находясь в эвакуации в Красноярском крае, А. А. Жданов вспоминал: «Вскоре нам объявили: завтра с утра вместо уроков мы всем классом пойдем помогать колхозникам убирать урожай. Наша задача – обломившиеся при жатве колоски собирать в принесенные с собой сумки и сыпать в мешки. Это будет наша помощь не только колхозникам, но и фронту»¹⁵².

Стоя на боевом посту, Тошка очень устает и начинает вспоминать жизнь в тылу. Как окончив 4-й класс, летом он помогал колхозу возить зерно с полей. Это оказывается тяжелым трудом для мальчика. Тогда его мысли были о фронте. Антон не находится на поле боя, но все-таки он сражается. Сражается с усталостью.

Аналогия уборки урожая и боя встречается и в творчестве других прозаиков. Например, комбайнер Иван Прокатов из повести вепсского писателя Анатолия Петухова «Сить – таинственная река» так говорит главному герою Василию Гусеву: «Уборка, брат, тот же фронт».

Тошка проявляет заботу о своих боевых друзьях. Собирая чернику на заминированной территории, он рискует жизнью. Здесь автор показывает беспечность ребенка. Риск не оправдан. Однако это безрассудство есть необходимость и страстное желание помочь товарищам.

¹⁵² Петрозаводск в Великой Отечественной войне: 1941 год. Статьи и воспоминания. Петрозаводск, 2012. С. 188.

Встреча героя повести со старшиной Смирновым учит его распознавать истинную ценность человека. В его характере есть и доброта, и грубость, чувство ответственности за солдат. Незнание воинской дисциплины: не поприветствовал генерала, не встал, когда входит старший по званию, отвечает не по уставу, приводит к конфликтам, но герой старается быть лучше и учится каждый день.

Автор не просто описывает события, свидетелем и участником которых был сам, а дает им оценку, анализирует свои действия и поведение товарищей. В канву повествования органично вплетаются рассказы о пребывании в эвакуации, о прощании с отцом, уходящим на фронт. Повестью о Готчиеве автор показывает, что люди, разные по возрасту, национальности, личной судьбе, представляют собой единый народ, вставший на защиту Родины.

В лирической повести „Долгая дорога домой“ объектом внимания Э. Кононова становится судьба современника тех лет, его мысли и чувства, представления о добре и зле, ответственности и долге. Личная судьба героя тесно связана с жизнью страны. Э. Кононову удалось показать, какая несокрушимая сила таится в народе, если даже дети готовы встать на защиту Родины. Здесь прослеживаются мотивы произведений А. Гайдара.

С 1987 года в «Летописи литературной жизни Карелии» появляется раздел «Детская литература на карельском языке». Благодаря произведениям В. Брендоева и П. Лукина, а также фольклорным текстам в обработке Р. Ремшуевой, И. Пекшуевой было привлечено внимание к детской литературе на карельском языке.

Владимира Брендоева (1931–1990) считают зачинателем поэзии на карельском языке. Еще в 1970-е годы в журнале „Punalippu“ печатались его стихи. Свою первую книгу „Anusrandaine“ («Край мой Олонецкий») он издал в 1980 году.

О плодотворном умении В. Брендоева выявлять в своем творчестве художественные достоинства ливвиковского наречия карельского языка писали М. Пахомова, Э. Алто, Э. Карху, А. Мишин; об этом же свидетельствуют и посмертно опубликованные поэтические сборники В. Брендоева „Sana, kultu muaman suus“ («Родное слово», 1991), „Runoja“ («Стихи», 1991), „Jättie hyvä jälgi muale“ («Добрый след на земле», 1999), „Kodoimual“ («На родине», 2006).

Книга «Родное слово» полностью посвящена детям, а в сборник «Стихи» наряду с лучшими произведениями предшествующих лет был включен цикл для детей „Runot lapsille“ («Стихи детям»).

В поэзии В. Брендоева представлены разные темы: праздники, природа, стихи-загадки, колыбельные, стихи о животных и другие. Произведения доступны детям, написаны простым языком.

Шуточное стихотворение „Lenan huoli“ («Забота Лены») затрагивает проблему внешности ребенка. Лена недовольна своей внешностью: сначала нос был коротким, потом вырос и стал слишком длинным. В. Брендоев пишет, что это пустые заботы, пройдет время, и девочка изменит свое мнение. Стихотворение Брендоева „Minun harmai kanaine...“ («Моя серая курочка...») переведено на вепсский язык и используется в учебниках и книгах для чтения на карельском и вепсском языках.

Поэтическое творчество Брендоева для детей включает в себя стихи, как для самых маленьких, так и для детей старшего школьного возраста. Например, прекрасные пейзажи родных мест овеяны глубоким лирическим чувством в стихотворении „Rakkahat rannat“ («Любимые берега»):

Rakkahat rannat, vedrehet vedyöt,
Kivizel ruoppahal kuuzi
da pedäi.
Yliči yöhyön valgiazen valvon,
Päiväzen nouzendua pienyössäh
palvan.
Päiväine pystih sugahih pitkih,
Kastiežen kyynalil kibriädy itköy.

Любимые берега, чистые воды,
На каменистом бугре лишь ель
да сосна.
Всю ночь белую не сплю,
Восходы солнца с детства
караулю.
Солнце выпускает щетины лучей
Плачут слезами рёсы.

(Перевод Э. Алто)

К началу 1990-х годов в детской литературе на карельском языке сложились определенные предпосылки к ее дальнейшему развитию. Приближалось то время, когда в литературу придут новые силы. Творчество П. Лукина, Э. Кононова и В. Брендоева подсказывало следующему поколению писателей, что должна появиться литература для детей на карельском языке.

Роль фольклорного наследия в современной литературной традиции

Традиционно переход к письменному слову, т. е. к литературе, связан с освоением фольклорной поэтики. На начальных этапах развития национальной литературы исследователи опираются и видят

ее истоки в устном народном творчестве. Действительно, фольклор питает литературу. Но для того, чтобы этот переход состоялся, необходимы определенные предпосылки.

По мнению В. Кожина, «Каждая литература... исходит из вековых и тысячелетних культурных традиций, которые не находили очевидного для всех воплощения, но тем не менее жили и развивались в самом бытии людей, в нравственном и эстетическом сознании»¹⁵³.

Впервые понятие «детский фольклор» появилось в 1920-е годы. С тех пор существует два подхода к объему и содержанию этого понятия. Ряд ученых (О. И. Капица, В. П. Аникин, М. Н. Мельников и другие) относят к детскому фольклору не только произведения устного народного творчества, бытующие в детской среде, но и колыбельные песни, пестушки и потешки. Первооткрыватель этого понятия Г. С. Виноградов, а также Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин, А. Ф. Белоусов исключают поэзию пестования из состава детского фольклора.

Как отмечала С. Лойтер, «обе эти позиции, точки зрения сосуществуют вне дискуссии, вне научной полемики, преимущественно на уровне констатации, а это свидетельствует об их теоретической неразработанности»¹⁵⁴.

Появлению литературы на карельском языке предшествовало развитое устное народное творчество. Собиратели фольклора не обходили вниманием и детский фольклор. На протяжении всего XX века в Карелии велась активная собирательская деятельность. Результатами данной работы стал выход сборников фольклорного материала.

Финский исследователь П. Виртаранта с 1951 года собирал детский фольклор в Северной Карелии. Он записывал детские песни и игры. Его информантами были Мари Кююрёнен из Вокнаволока, Анни Мелентьева из Аконлахти, Улла Муйстама из Кестеньги и многие другие. Все произведения вошли в сборник „*Vienalaisia lastenlauluja*“ («Детские песни беломорчан», 1973).

Устно-поэтическая традиция карельского населения Лоухского района представлена в книге Н. А. Лавонен «Песенный фольклор

¹⁵³ Кожин В. Современная жизнь традиций: Размышления об абхазской прозе // Дружба народов. 1977. № 4. С. 252.

¹⁵⁴ Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. С. 18.

кестеньгских карел» (1989). В нее вошли материалы полевых экспедиций 1970–1980-х годов. Детский фольклор представлен колыбельными и кумулятивными песнями, считалками, потешками. В книге Р. Зелинского «Карельские песни Калевальского края» (2008) мы также встречаемся с детскими и колыбельными песнями северных карелов.

Художественная литература и устное народное творчество на протяжении веков были тесно связаны. Сказки, песни, загадки, пословицы и поговорки обрабатываются под уклад жизни карельского народа с помощью художественно-стилевых и изобразительных средств, структурных и сюжетных изменений и поправок.

Так же как и в советской детской литературе, специфика фольклорных связей выразилась, прежде всего, в том, что: 1) во всех ее видах и жанрах необычайно широкое развитие получили разнообразные сказочные формы; 2) в центре творческих интересов писателей стоят жанры народной поэзии.

Центром фольклорных традиций в Карелии был и остается Калевальский район. Основанный в 1990-е годы в Калевале фонд Архиппы Перттунена выпустил серию книг на собственно карельском наречии. В основном это фольклорные материалы. Не обошел фонд вниманием и детей.

В 1994 году в поселке Калевала вышла книга „Kuulkua nyt lapsukaiset“ («Слушайте, детишки»), в которой были опубликованы оригинальные произведения фольклора, записанные от жителей Калевальского района: Ивана Кузьмина, Лемпи Люютинен, Ваппу Леттиевой и других. В книге содержатся игры, сказки, загадки, поговорки, колыбельные песни, предназначенные для детей.

В жанровом отношении в настоящее время выделяется сказка, пьеса-сказка. Обращение писателей к жанру сказки в первую очередь связано с характерной особенностью периода становления карелоязычной литературы, когда форму и содержание художественных текстов в наибольшей степени определяет устное народное творчество.

Рассказывание сказок тысячелетиями было способом вечернего времяпрепровождения. В них отражались знакомые карелам охота, рыбалка, земледелие. Появление в карельских сказках принцев и принцесс – это влияние западно-европейских сказок. Торговцы, солдаты, моряки, возвращаясь из путешествий, рассказывали о том, что видели и слышали. Так сказки переходили из народа в народ.

В 1996 году вышла книга „Priusan kolkkajaiset“ («Стук цепа») Лемпи Люютинен, в которую вошли фольклорные произведения (пословицы, загадки, песни) ее тети Анны Афанасьевны Салминен и матери Екатерины Афанасьевны Люютинен (1898–1984), записанные по памяти.

Л. Люютинен (наст. имя Любовь Германовна) родилась в деревне Контокки, а выросла в поселке Калевала. Вместе с Я. Ругоевым собирала карельский фольклор в 1979 году¹⁵⁵. Записанные образцы были опубликованы в 1980 году в журнале „Punalippi“, позднее ряд из них вошел в букварь севернокарельского наречия. Л. Люютинен, основываясь на традиции северных карелов, пишет сказки и стихи.

Рассказ для детей Л. Люютинен „Pieni kontienpentu Miša“ («Маленький медвежонок Миша») повествует о комичной ситуации. В деревню Хайколя приезжают геологи и берут к себе у лесника медвежонка. Миша очень любит овсяную кашу, суп, кисель, и особенно сахар, которым геологи его угощают. Кормит геологов местная жительница Нина. Однажды, пока она мыла посуду на озере, медвежонок забрался в кухню, перевернул чугунок с обедом и съел сахар. Нина расстроилась, что оставила геологов без еды, а они утешали ее и смеялись.

Современные литературные сказки сохраняют связь с фольклором, но уже имеют отличные характеристики. Сказки В. Каракиной учат детей видеть и понимать природу, ценить и любить ее красоту, прислушиваться к позывным из мира птиц и зверей. Сказки „Meščo ta kurki“ («Глухарь и журавль»), „Mistä päin tuuli?“ („Откуда дул ветер?“), „Repo lapsilikkana“ («Лиса-нянька») рисуют разнообразие и загадочность лесной жизни, призывают детей к наблюдательности, учат тревожиться и заботиться о судьбе живой природы.

Героем „Surullini starina“ («Грустная сказка») является лето, которое не хочет уходить, дать дорогу осени и зиме. Ему помогает ласточка, готовая сшить теплую одежду. Но ход времени не останавливать, и лету все равно придется уйти, и тогда опадет листва с деревьев, настанет осень. В описании этого круговорота природы звучит философская тема вечности жизни.

Глухарь и журавль из одноименной сказки В. Каракиной полетели осенью на юг, но глухарь не смог покинуть родную землю

¹⁵⁵ Guščina V. Vienen kylät ta niijen eläjät // Vienen Karjala. 2003. 28. elok.

и остался зимовать. С тех пор журавль, улетая на юг, поет грустную песню о родной земле и о друге, который остается зимовать. И опять в этом сказочном сюжете заложена мысль о важности вслушиваться в голоса живого, быть мудрее, сильнее, добрее.

Специфика фольклорных связей проявилась в заимствовании В. Каракиной из народной сказки для своих произведений ряда типов, созданных народом, наподобие тех, что встречаются в карельских сказках о животных. В произведениях писателя лиса – хитрая плутовка, волк – серый бок. Свои карельские названия получают медведь, волк, заяц, лиса: Kontie Pihkasilmä-Lynkkäpolvi, Hukka Harmuakylki, Jänis Viäräsilmä, Repo-kuoma. В них разработана извечная тема борьбы добра со злом.

Водным стихиям посвящены сказки „Veteheni“ («Водяной») и „Joven ta järven pakina“ («Разговор реки и озера»). В сюжете сказки «Водяной» (дед помогает водяному, за что тот обещает всегда наполнять его сети рыбой) использован мотив верований карелов в то, что водяной дает рыбу, а рыба для жителей деревни – это второй хлеб. Примечателен для сказки характерный для устного народного творчества троекратный повтор: три дня дед выполнял задание, три дня бушевала буря.

Современные писатели строят композицию произведения в виде короткого рассказа, где повествование ведется о каком-либо действии, событии или об отдельно взятом лице. Таковы, например, рассказы З. Дубининой, Э. Горшковой, Т. Щербаковой, которые можно отнести к несказочной прозе. Это произведения о природе, животном мире, в которых авторы наделили зверей или растения умением говорить.

Горшкова Элина Геннадьевна (род. 1974) уроженка деревни Тукса Олонецкого района, окончив Карельский государственный педагогический университет по специальности «учитель начальных классов» с правом преподавания карельского языка, работает в средней школе № 1 города Олонца.

Писать на карельском языке начала еще на 1 курсе университета. Проза Э. Горшковой привлекает необычностью сюжетов и выводов. В рассказе „Hukku“ («Волк») собака решает помочь старому волку найти хозяина в деревне. Хозяин находится, волк должен охранять сад. Однако, когда в сад залезает вор, волк лишь воет, лаять он не умеет. Вор крадет все яблоки, а волк уходит в лес. Автор делает вывод, что у каждого свое место в жизни.

В рассказе „Kukkazien pagin“ («Разговор цветов») проводится мысль о том, что каждый для чего-то нужен, независимо от того, какой он: колокольчик, приносящий людям радость; одуванчик, желтый как солнце; клевер, сладкий и медовый; тысячелистник, сильный и ароматный или подорожник, некрасивый, но помогающий людям.

Тема необходимости людям, животным и птицам прослеживается и в других рассказах Э. Горшковой. „Kivi järven rannal“ («Камень на берегу реки») не видит никакой пользы от своего существования. Хотя за него спрятался заяц, убегающий от волка; дедушка присел отдохнуть. Все благодарят его за помощь. Рассказ заканчивается словами озера: «и ты помогаешь животным и людям».

В рассказе „Kiärmöisieni“ («Мухомор») содержится природоведческая информация. Дед с внуком собирают грибы в лесу. Мальчик съедобные грибы собирает, а мухоморы – пинает. Дед объясняет ему, что мухоморы едят лоси. Каждый предмет, живой он или неживой, кому-то нужен и приносит пользу.

В 2000-е годы друг за другом вышли сборники фольклора для детей „Turu-turu-tuššii...“ («Туру-туру-тушшии...», 2005) и „Kolo-kolo kotasie“ («Коло-коло котасие», 2006). Их подготовили И. Семакова, Н. Антонова и Р. Ремшуева. В книги включены оригинальные фольклорные произведения, а также обработки детского фольклора. Книга «Коло-коло котасие» была удостоена 3 премии в номинации «Лучшая книга на финском, карельском или вепском языках 2006».

Сами названия сборников состоят из звукоподражательных слов и предназначены для знакомства детей с родной речью, краем, окружающим миром. Стихотворные произведения сопровождают все виды деятельности детей: пробуждение, умывание, прием пищи, бодрствование, укладывание на сон. Книги предназначены для детей дошкольного возраста и их родителей. По сути, они представляют собой поэтическое пособие для родителей.

В соавторстве с И. Семаковой в 2011 году вышла книга О. Мухоровой „L’ošan räivu“ («Лешин день»). Ольга Мухорова (наст. фам. Огнева) родилась в 1974 году в Петрозаводске. Детство провела в деревне Юргилица Пряжинского района, где и научилась карельскому языку. Бабушка, дедушка и мать Ольги привили ей любовь к нему. В благодарность за это она взяла в качестве псевдонима их фамилию. В 1996 году окончила факультет Прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского госуниверситета.

Во время учебы Ольга активно сотрудничала с редакцией карелоязычной газеты „Ома Муа“, а после окончания вуза пришла туда работать. С 1995 года на страницах газеты появились переводы рассказов Н. Носова, А. Платонова, Н. Лескова и других, выполненные О. Огневой (Покорной). С 1999 года О. Огнева работает в редакции национального вещания Государственной телерадиокомпании «Карелия».

Увлеченность фольклором, народными традициями, хорошее знание карельского языка позволили ей совместно с научным сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук Алексеем Конкка издать сборник «Праздники и будни: карельский народный календарь» (2010).

С. Лойтер писала: «Исследование связей, влияния детского фольклора на детскую литературу – это самостоятельный, большой и многоплановый разговор, соотносящийся с одной из фундаментальных проблем фольклористики – фольклоризма в литературе»¹⁵⁶.

В данной монографии сделана попытка анализа детских фольклорных книг, созданных на основе детского фольклора. Произведения фольклора, адресованные детям, условно можно разделить на три группы (классификация Ю. Г. Рочева): колыбельные песни; внеигровой фольклор и игровой фольклор¹⁵⁷.

Фольклорист В. Я. Евсеев писал: «Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов содержат значительное количество общих мотивов, по идейно-тематическому содержанию часто очень древних. Генетическая связь баек проявляется в сходстве художественной формы, поэтического языка, изобразительных средств»¹⁵⁸.

Колыбельные песни служат для успокоения, усыпления ребенка. Тематика колыбельных песен разнообразна, но следует отметить, что все колыбельные, вошедшие в сборники фольклора, были записаны непосредственно от информантов, которые в начале XX века исполнялись взрослыми и детьми. Пока родители были на работе, старшие дети нянчились с младшими.

В современном мире роль колыбельной практически утрачена. Однако карелоязычные писатели продолжают включать их в

¹⁵⁶ Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. С. 174.

¹⁵⁷ Фольклор // История Коми литературы: в 3-х т. Т. 1. Сыктывкар, 1979. С. 194.

¹⁵⁸ Евсеев В. Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 40.

свои произведения. Например, З. Дубинина в книге „Minun livvin linduzile“ («Моим ливвиковским птичкам», 2006) в рассказ „Sviižoin garbalot“ («Воздвиженская клюква») включила текст колыбельной песни. Девочка Лена поет ее кукле. В рассказе Т. Щербаковой „Tiähtitaivas“ («Звездное небо») из книги «Marjuškan ilot» («Марьюшкины радости», 2010) мама поет ее заболевшему сыну. Поэтический стиль в этой колыбельной выражается за счет повторения основного рефрена:

Nuku vai, kuldaine lapsi,
Bajuški, bajuški, bai¹⁵⁹.

Спи только, золотой ребенок,
Баюшки, баюшки, бай¹⁶⁰.

На детскую аудиторию рассчитана и положенная на музыку колыбельная „Magua pikkarazeni“ («Спи, малютка») Сантту Карху, которую он исполняет вместе с группой „Talvisovat“ («Зимние одежды»). Обращаясь к девочке, С. Карху называет ее принцессой. Такое обращение не является традиционным для карелов и свидетельствует о влиянии на автора западно-европейской мифологии.

В сказке Л. Люютинен „Pyhäveli“ («Любовник»), опубликованной в сборнике «Стук цепа», использована колыбельная, в контекст которой включен текст обращения жены к любовнику. Данный пример подчеркивает разнообразие тематики и способность женщин к импровизации у колыбели.

В данном варианте песни любовник представлен в образе мороза. Через каждую строку появляется рефрен „Tuutima-luulima lasta“ («Туутима-луулима ребенка»). В присутствии мужа жена сообщает любовнику время и место свидания, т. е. женщина обращается не к своему ребенку, а к любовнику. Колыбельная содержит бытовые детали, которые позволяют воссоздать картину семейной жизни.

Характерной чертой напевов-импровизаций является обилие специальных припевов типа aa-aa, baju-baju, l’uli-l’uli и т. д. Эти припевы чередуются с ласкательными эпитетами ребенку. Они слагаются из традиционных стихов-формул, каждый из которых имеет законченный образ, например, „kuldutütär“ («золотая дочь»),

¹⁵⁹ Ščerbakova T., Patrakka M. Marjuškan ilot: рассказы для детей на карел. и фин. яз. Петрозаводск, 2010. S. 19. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

¹⁶⁰ Здесь и далее без дополнительного указания подстрочный перевод с карельского Н. В. Чикиной.

„kuldukassaine“ («золотая косынька»), „muaman maksaine“ («мамина печеночка»)¹⁶¹.

В колыбельных „Baijutuspajo“ и „Pieni uni“ («Маленький сон») В. Брендоев использует традиционные для карелов метафоры, заключающиеся в ласковом обращении к ребенку: „liipoilinduženi“ («бабочка-птичка»), „piäsköi“ («ласточка»), „käbyženi“ («моя шишечка»). Такое обилие эпитетов говорит о сильном влиянии фольклора на его творчество.

Чаще всего вводная часть колыбельной песни, запев, состоит из указанных выше припевных слов. Поэтический стиль колыбельных песен выражается, главным образом, в повторе основного рефрена. Например,

Laulampa mie lapsellani, Pieksän kieltä pienelläni... ¹⁶²	Спою я своему ребенку, Языком потреплю перед маленьким...
<i>(Перевод В. Я. Евсеев)</i>	

Для севернокарельской колыбельной песни характерен восьмисложный четырехстопный хорей. С помощью повторения грамматических окончаний слов чаще всего рифмуются парные стихи. Например,

Laulampa mie lapsen virren, Pitemmän kuin pirtin hirren... ¹⁶³	Я спою детскую песню, Длиннее, чем бревно в избе...
<i>(Перевод В. Я. Евсеев)</i>	

В этой колыбельной песне конечная рифма парных стихов возникает благодаря использованию параллелизма. Нередко в колыбельных появляется мотив приглашения сна к ребенку, который чаще всего приходит в образе деда. Например:

Tule tänne uni-ukko, Tuo sie unta tullessasi... ¹⁶⁴	Приходи сюда, дедушка-сон, Приноси ты сон с собой...
---	---

¹⁶¹ См.: Пеллинен Н. А. Применение метода тематического описания лексики при анализе метафорических замен термина «ребенок» в карельской колыбельной песне // Методы и принципы современных гуманитарных исследований: сб. науч. работ аспирантов и молодых ученых. Петрозаводск, 2011. С. 41–47.

¹⁶² Suomen kansan vanhat runot. T. I. Osa 4. 2271.

¹⁶³ Ibid. 2281.

¹⁶⁴ Kuulkua nyt lapsukaiset / Toim. S. Staskoitt. Kalevala, 1994. S. 34. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

Припевные слова вместе с вставкой-обращением образуют зачин, который создавал условия для скорейшего засыпания ребенка. Обращение ко сну как к одушевленному существу является достаточно древним случаем использования эпифоры.

Uni hil'l'ah pertih astuu, Šurah-toizeh kaččeleh... ¹⁶⁵	Сон тихонько в избу шагает, В сторону-другую смотрит...
---	--

В колыбельной, опубликованной в сборнике «Песни народов Карело-Финской ССР» (1941) «Баю, баю...», присутствуют все перечисленные выше элементы:

Баитамма лапсутту-го Уйнуо, уйнуо, удрайне-го. Уйнуо, уйнуо, удрайне-го, Магуа, магуа, максайне-го. Тулоу уни уксен туаксе, Пиэнен лапсен пизлуксуйзих... ¹⁶⁶	Баюаем ребенка Спи, спи, родимый. Спи, спи, родимый, Засыпай, засыпай, печеночка. Придет сон за двери, В подушечку малыша...
---	---

Последние две строки являются традиционными для фольклорной колыбельной и часто используются авторами для придания колорита своим произведениям. Например, в колыбельной О. Мухоровой „Uni laskih“ («Сон опустился») мы встречаемся практически с такими же фразами: „Tuli uni ukxen tuakse,/ Pienen lapsen pieluksih...“ (С. 15) («Пришел сон за двери,/ В подушечку малыша»).

В колыбельной „Tule, unoi“ («Приди, сон») из сборника Н. Антоновой, наряду с приглашением сна, присутствует тема посещения ребенка Ангелом. Общеизвестна примета, если ребенок улыбается во сне, это его «Ангелы тешат».

В некоторых колыбельных дается указание, что укачивает ребенка мать с названием имени малыша. При этом в тексте сообщалось, что он находится под защитой. Использование карелами метафорических замен имени ребенка объясняется первобытными запретами произносить настоящее имя малыша, оберегаемого от «сглаза».

¹⁶⁵ Muhorova O. L'ošan päivy: pajozet pikkarazile lapsile / O. Muhorova, I. Semakova. Petroskoi, 2011. S. 15. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

¹⁶⁶ Песни народов Карело-Финской ССР: сб. карел., вепс. и рус. песен / Сост. В. П. Гудков, Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941. С. 30.

Песенка О. Мухоровой так и называется „Maman muru“ («Мамина крошка»). Каждая строка наполнена ласковым обращением к ребенку с использованием метафорической замены:

Maman muru pikkaraine,
Maman lindu armahaine,
Maman kuldu kassaine,
Maman kallis maksaine,
Maman pieni lapsuine. (С. 8)

Мамина крошка маленькая,
Мамина птичка дорогая,
Мамина золотая косынька,
Мамина дорогая печеночка,
Мамин маленький ребеночек.

Вторая часть колыбельной обычно посвящена ребенку. Предсказывается его будущее. Мечты матерей и бабушек о будущем ребенка не лишены мыслей о вознаграждении за их труды по воспитанию. Чаще всего это вознаграждение ожидается от девочек. В крестьянской семье на плечи женщины ложились все несложные, но бесконечные домашние работы, поэтому, укачивая дочь, мать надеется, что скоро из нее вырастет помощница. При этом не забывает исполнительница и о личном счастье дочери, чтобы та стала женой красивого парня.

Архаичный случай использования эпитеты имеется в стихах колыбельной песни В. Брендоева. Укачивающий обращается к самому ребенку, мальчику, чтобы из него вырос сеятель хлеба или кузнец. По мнению В. Я. Евсеева, «колыбельные песни, исполняемые перед люлькой ребенка, являются типичными трудовыми песнями»¹⁶⁷.

В колыбельной Пекки Вахроева „Kättytlapsien uinotuspajo“¹⁶⁸ также сохранились элементы архаики, но сама песня по сюжету уже отличается от древних. Усыпляя сына, ему рассказывается история о том, как его старший брат погиб на фронте. Укачивающий заканчивает колыбельную словами, что никогда не отпустит его на войну. В этом проявляется элемент защиты малыша.

К детскому неигровому фольклору можно отнести поэзию пестования, детские песенки и детские сказки. К поэзии пестования относятся потешки, пестушки и будильные попевки, т. е. те жанры детского фольклора, которые исполняются взрослыми для детей. Потешки распространены повсеместно, так как они являются активным средством народной педагогики.

¹⁶⁷ Евсеев В. Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 43.

¹⁶⁸ Vahrojev P. Kättytlapsien uinotuspajo: Runo // Carelia. 1997. N 7. S. 140; Oma Mua. 1997. 1. toukok.

Потешки состоят из коротких ритмичных стишков с шутливым содержанием. Основным ритмом потешек, как и колыбельных песен, является хорей. Тематика потешек близка детям и соответствует их возрастным особенностям. Исполняются они для детей до трех лет.

Исполнение потешек происходит с активным участием ребенка. Он сидит на коленях у исполнителя и его побуждают выполнять соответствующие движения руками, сопровождая их текстом. Когда потешки сопровождают «бодание» или щекотание ребенка, то оно имитируется движениями пальцев руки «бодящего». Все эти действия направлены на эмоциональное возбуждение ребенка.

Наиболее распространенным вариантом потешки является «варение каши» детям на ладошке. Эти потешки близки популярной русской «Сорока-ворона», очевидно, и созданы они на ее основе. Вся игра происходит на ладошке с пальцами рук. Смысл русской народной потешки в том, что последнему «пальцу» не достается каши, так как он дров не колот, воды не носил. Таким же целям отвечает потешка „Süötän kuašal“ («Ем кашу») из книги «Туру-туру-тушшии...», только кашу варит не сорока, а мама. Таким образом, посредством потешки в игровой форме идет не только развитие мелкой моторики рук, но осуществляется и овладение родным словом.

Карельская версия русского «Сорока-ворона» имеет несколько вариантов. Игра содержит два относительно самостоятельных элемента: игра с пальчиками малыша и щекотание подмышки. Играющий, перебирая пальцами, забирается вверх по руке малыша, а при слове «убежала», стремится просунуть пальцы малышу подмышку.

Потешка „Narakka huttuo keittäy“ («Сорока кашу варила»), из книги Р. Ремшуевой заканчивается так: „Lähtöy hiiri vettä eččimäh./ Lähtöy, lähtöy ta kainaloh juoksou“¹⁶⁹ («Отправилась мышка воду искать./ Шла, шла и подмышку убежала»). Здесь неожиданно появляется новый герой – мышка.

Потешка „Narakkazen huttu“ («Каша сороки»), представленная в книге Н. Антоновой «Туру-туру-тушшии...», заканчивается так: „Lähtöü kaivozeh vettä eččimäh, /Čur-čur-čur.../ Tiä löüdüi vettä!“¹⁷⁰ («Отправилась к колодцу воду искать, /Чур-чур-чур.../ Здесь нашла

¹⁶⁹ Kolo-kolo kotasie: Kirja lapsilla ja lapsien vanhemmilla. Petroskoi, 2006. S. 13.

¹⁷⁰ Turu-turu-tuššii... Petroskoi, 2005. S. 6. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

воду»). Как мы видим, обе эти потешки не содержат нравоучений, а направлены на развлечение ребенка.

К. Чуковский писал, «детские народные стишки, начиная от бабушкиных „Ладушек“ и кончая „Караваем“, чаще всего являются порождением игры»¹⁷¹. Потешки, колыбельные песни, четверостишия, загадки – все это представлено в сборниках детского фольклора. Любое из них можно проиграть, пропеть, станцевать.

В книге «Туру-туру-тушшии...» представлен один из вариантов известной потешки „Kakkaraine“ («Блинчик»):

Pastan, pastan kakkaraisen,
Siimaizen, suolainen,
Vezimuarjan magevuon,
Kangasmuarjan kaunehuon.
Tämä süli – tuatal,
Tämä süli – muamal,
Tämä süli – buabal,
Tämä süli – died’oil.
Dostalit sület içelleni! (С. 4)

Пеку, пеку блинчик,
Масляный, соленый,
Вкуса водянистой ягоды,
Красоты боровой ягоды.
Этот кусок – папе,
Этот кусок – маме,
Этот кусок – бабушке,
Этот кусок – дедушке.
Остальные кусочки мне самой!

В разных районах Карелии данную потешку исполняют по-разному, хотя смысл и ее содержание одинаково. Например, в Суоярвском районе такой вариант: „**Tapu, tapu kakkaraista/ siimaista suolaista/** mezimarjan magehutta...“. В Сямозерье: „Pastan, pastan kakkarastu/ Siimastu, suolastu,/ mandžoi marjan kaunehuttu,/ Tämä kakkaraini – moa mal...“¹⁷².

В отличие от потешек, пестушки связаны с верованиями и обрядами. По форме и содержанию они близки к заговорам и, видимо, от них происходят. Пестушки желают ребенку здоровья и хорошего роста. Одним из наиболее типичных случаев исполнения пестушки является мытье ребенка в бане. Это исполнение связано с заботой о здоровье ребенка, а также обрядом очищения. Считается, что вода смывает все дурное, в том числе и болезни.

Например, в рассказе „Кулу“ («Баня») Н. Синицкой описано ее посещение. В баню ходили по субботам. Мама собирала летом крапиву, заваривала ее в тазу и мыла Ире голову. Волосы росли красивыми и здоровыми. Далее автор включила в текст рассказа заговор.

¹⁷¹ Чуковский К. От двух до пяти. М., 1962. С. 353.

¹⁷² Karjalan kielen sanakirja. Viides osa. R-S. Helsinki, 1997. S. 364.

Мама мыла дочку и приговаривала: „Vezi-kuldaine kuningas, vezi-vedoine pruavednoi, kui sinä olet puhtas, mugai puhtasta oigei hengi In’a“¹⁷³ («Вода – золотой король, вода-водица праведная, как ты чиста, так и очисти праведную душу Иры»). В книге «Туру-туру-тушшии...» мы находим практически такой же фольклорный текст:

Vezi vedoine,	Вода водица,
Vezi pruazvednoi,	Вода праведная,
Peze pellasta,	Омой до бела,
Peze puhtasta	Омой дочиста
Oigiedu hengie ristikanzua,	Праведную душу крещеного,
Buaban bunukkastu.	Бабушкиного внука.
Vezi – alahpäi, lapsi – ülähpäi.	Вода – вниз, ребенок – вверх.
Amin’.	Аминь.

(С. 14)

Использование такого рода заговоров у карелов было обычным делом, и упоминание об этом в книгах молодых авторов Н. Синицкой и Н. Антоновой подчеркивает специфику фольклорных связей.

В бане нужно было соблюдать обычаи. Например, нельзя было шуметь, так как можно было разозлить хозяина бани – баеника. Про баеника детям рассказывали родители. В рассказе Н. Синицкой он представлен в образе старого деда, который живет в сенях за поленницей. Уходя из бани, по обычаю, для баеника оставляли воду и веник, чтобы он тоже мог помыться. Были у карелов и другие «хозяева», например, хлева, дома, воды, леса. В этом проявляются их верования¹⁷⁴.

Отличительными признаками детской сказки Э. Литвин считает «краткость объема, преобладание диалога, повторяющиеся разговорные песенные формулы, раскрытие не столько характера действующих лиц, сколько самого действия»¹⁷⁵.

Все эти признаки характерны и для карельской детской сказки. Излюбленными героями сказок являются животные и птицы. Особо следует выделить докучную сказку. Наиболее известные из них «Коло-коло-котасие» и «Кто съел масло?».

¹⁷³ Sinitskaja N. In’aine. Petroskoi, 2008. S. 20–22.

¹⁷⁴ См.: Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985.

¹⁷⁵ Литвин Э. С. К вопросу о детском фольклоре // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 3. М.; Л., 1958. С. 95.

Как отмечал А. И. Никифоров, сказочники рассказывают докучную сказку слушателю любого возраста. Сказывание ее обусловлено либо нежеланием рассказывать, либо, наоборот, сказочник «оттягивает это удовольствие для себя и слушателей»¹⁷⁶. Дети используют докучную сказку как игру-забаву, довольствуясь многократным проговариванием и звучанием слов.

Таким примером может служить „Härän starina“ («Сказка про быка») Р. Ремшуевой. По своей структуре она схожа с русской докучной сказкой «Про белого бычка». По типу – относится к вопросно-ответной бесконечной сказке. Полностью состоящая из диалогов, она представляет собой разговор бабушки с внуками. Внуки просят рассказать бабушку сказку, но все хотят разную. В итоге возникает спор:

– Sanonko härän starinan?	– Расскажу сказку про быка?
– Sano, sano rutompah.	– Рассказывай, скорей.
– Elä sano härästä.	– Не рассказывай про быка.
– Mie en tiijä semmoista... ¹⁷⁷	– Я не знаю такой.

Бабушка не знает, какую сказку рассказывать. В конце концов, дети просят рассказать сказку про царевича, девушку Настю и попа.

Собирание и исследование фольклора составляет основу творчества Р. Ремшуевой. Такая увлеченность фольклором во многом объясняется семейными традициями. Ее мать Александра Андреевна Ремшуева (Сантра Ремшуева) (1912–2010) была знатоком рун и традиций северных карелов, а бабушка Мари Кююренен (1883–1979) известна как хорошая рассказчица. Поэтому когда Р. Ремшуева обратилась к литературному творчеству, она смогла не только заимствовать из фольклора те или иные изобразительные средства, но и естественно переводить их в план индивидуального художественного творчества.

Детский неигровой, так же как и игровой фольклор карелов является ценным источником для изучения истории и народной культуры. К игровому фольклору относится фольклор, связанный с самостоятельными играми детей. Это приговорки, считалки, дразнилки, скороговорки.

¹⁷⁶ Никифоров А. И. Сказка и сказочник / Сост. Е. А. Костюхин. М., 2008. С. 123.

¹⁷⁷ Remsujeva R. Härän starina // Taival. 2006. S. 114.

«Детский фольклор связан с народной педагогикой. Все жанры, начиная с колыбельных песен и потешек, по-своему воспитывали, развивали и обучали детей», – отмечала Н. А. Лавонен¹⁷⁸.

О значении игры в жизни ребенка написано много. Через игру ребенок познает окружающий мир, развивается физически и духовно обогащается. Игра начинает сопровождать ребенка с первых дней его жизни. Взрослый, используя потешку, не только развивает движения малыша, но и вводит его в красочный мир народной поэзии, которая сопровождает обыденные моменты детской жизни: процесс умывания, ухода за ним.

Стихотворные произведения Н. Антоновой отличаются точностью обрисовки сюжета и сжатостью композиции. Несмотря на то, что автор сама еще молода, главной идеей ее творчества является воспитание подрастающего поколения.

Н. Антонова родилась в селе Ведлозеро Пряжинского района Карелии. Росла в большой семье, в которой говорили по-карельски. Заниматься творчеством начала в 1990-е годы. У нее есть два псевдонима Декойн Деля и Шаллун Анни. Пишет прозу и поэзию. Публиковалась в коллективных сборниках. Н. Антонова занимает и активную гражданскую позицию. С 2006 по 2011 год она возглавляла республиканскую общественную организацию „Nuori Karjala“. В настоящее время является членом ее правления, а также региональным координатором международного финно-угорского проекта «Языковое гнездо».

Поэт использует в своем творчестве различные компоненты устной народной традиции. Особенно это проявляется в стихотворениях, многие из которых являются переработкой текстов карельского детского фольклора. Подборка таких произведений была опубликована в журнале „Carelia“ («Карелия») в 2003 году. Н. Антонова пишет стихотворения непосредственно по сюжетам народных прибауток, считалок, потешек.

М. Китайник писал: «С тех пор как детский фольклор проник в книгу, целый ряд замечательных произведений для детей был создан на основании сознательного использования устного детского творчества»¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Лавонен Н. Фольклорное наследие кестеньгских карел // Песенный фольклор кестеньгских карел. Петрозаводск, 1989. С. 68.

¹⁷⁹ Китайник М. Детский фольклор и детская литература // Детская литература. 1940. № 5. С. 12.

В сборник «Туру-туру-тушшии...» Н. Антонова включила и свои авторские произведения. Данная книга освещает быт деревни, дети знакомятся с домашними животными. Шутливая форма изложения и яркие рисунки передают неповторимый деревенский колорит. Стихи, посвященные животным и птицам, просты и доступны детям. Язык детского стихотворения богат, звучен и красив. Так, стихотворение „Kottaraine“ («Скворец») целиком построено на звукоподражании. Птица легко персонифицируется по тем звукам, которые она издает.

Ритмика, музыкальность детского фольклора, богатство его хореической артикуляции, неразрывно связанной с игрой, пляской, активным действием, имела особое значение для различных жанров поэзии для детей¹⁸⁰. Эту особенность учитывает Н. Антонова в своих произведениях. Например, в стихотворении „Tüönämmö pläšniä“ («Спляшем») шаги ребенка совпадают с ритмом произведения: „Pläši, pläši, poigaine,/ Pläši, pläši, kuldaine./ Pläši, pläši, pläkütä,/ Pläkütä da präkütä...“ (С. 17) («Пляши, пляши, мальчик,/ пляши, пляши, дорогой./ Пляши, пляши, шлепай,/ Шлепай и топочи...»).

Стихотворение „Piäsközet“ («Ласточки») сопровождает процесс умывания и состоит из многократного повтора одной и той же фразы: «моем глаза». Такой способ оправдан, так как сама процедура включает соответствующие движения.

В произведениях фольклора, отобранных Р. Ремшуевой, также прослеживается роль народной педагогики. Потешки, используемые при формировании у дошкольников культурно-гигиенических навыков, объединены в рубрику „Nyt olemma puhtahat“ («Сейчас мы чистые»). Все эти приговорки сопровождают процесс умывания.

К игровым приговоркам близки считалки. Почти все подвижные игры начинаются с них. Считалкой распределяют роли, а также выбирают водящего. Это универсальное средство, к которому прибегают дети. Считалка – это один из жанров детского фольклора, который характеризуется коротким, ритмичным стишком. Традиционно считалка состоит из зачина, хода и выводящего слова. В этом проявляется их своеобразие. В зачине употребляются счетные слова.

В сборниках стихов для детей современные авторы обращаются к этому излюбленному жанру. Считалки встречаются у З. Дубининой, В. Вейкки, М. Пахомова. Проанализировав их, можно от-

¹⁸⁰ Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М., 1975. С. 52.

метить, что у большинства из них соблюден десятичный счет, от одного до десяти. Сюжетность присутствует практически в каждой считалке. Например, „Peitos“ («Прятки») В. Вейкки:

Üksi, kaksi, kolme, nelli,	Раз, два, три, четыре,
Minä ečin, peitos – velli.	Я ищу, прячется – брат.
Nelli, viizi, kuuzi, seiččie,	Четыре, пять, шесть, семь,
Peitos minä, velli – eččiü... ¹⁸¹	Прячусь я, брат – ищет...

Ряд считалок имеет особую композицию и одновременно является пальчиковой гимнастикой. За каждой единицей счета следует рифмованное словесное соответствие. Это „Pakkaine-akkaine“ («Мороз-бабушка»), „Sogeī Semoī“ («Слепой Семен») из книги «Туру-туру-тушшии...». В данных произведениях фольклора образовательные задачи сочетаются с занимательностью.

С. Лойтер писала: «язык детского фольклора в его жанровом многообразии обладает такими особенностями, которые существенно отличают его от фольклорного языка взрослых»¹⁸².

Некоторые считалки состоят из не имеющих смыслового значения слов и непонятных ни на каком языке. На эту особенность обращала внимание и Н. А. Лавонен. Она отмечала, что в некоторых жанрах детского фольклора «много алогизмов, бессмыслиц, непонятных, возможно, искаженных, иноязычных слов, не подлежащих (буквальному) переводу»¹⁸³. Например, считалка из книги «Слушайте, детишки»:

Ipetikka, topetikka,
Toopin, loopin,
Iteriina, Kateriina,
Sesteri von! (С. 27)

Как мы видим, считалка сохраняет необходимый для счета ритм и выводящее слово, однако смысл ее непонятен.

Рассмотренные выше колыбельные песни, внеигровой и игровой фольклор нашли отражение в творчестве современных авторов как старшего (З. Дубинина, Р. Ремшуева, В. Вейкки), так и более молодого (Н. Антонова, Н. Синицкая, С. Карху) поколения.

¹⁸¹ Veikki V. Eloksen dorogat: Vallitut runot. Petroskoi, 2003. S. 79.

¹⁸² Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. С. 69.

¹⁸³ Песенный фольклор кестеньгских карел. Петрозаводск, 1989. С. 4.

Сравнительно-сопоставительный анализ произведений показал, что устное народное творчество оказало большое влияние на современных писателей и на детскую карелоязычную литературу в целом. Поэты и прозаики не только включают некоторые жанры фольклора в свои произведения, но и создают их авторские варианты. Через первоначальные навыки игры со словом дети знакомятся с кругом национальной символики, ритма, получают представление о «картине мира».

Развитие детской литературы в конце XX – начале XXI века

В начале XXI века вновь возникли дискуссии по вопросу создания единого карельского языка. В него включились представители молодежных организаций Н. Антонова, А. Цыкарев, глава администрации Тверской области А. Головкин, читатели Н. Зайцев, М. Брендоева и другие.

Л. Маркианова в своем докладе на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, который проходил в городе Ханты-Мансийске в июне 2008 года, высказала сожаление о том, что до сих пор не создано единого карельского языка¹⁸⁴. Исследователь из Финляндии Р. Пюёли заключила, что «единый литературный язык у карелов уже есть – это русский язык»¹⁸⁵.

По данным переписи населения 2002 года, только 40 % карелов говорит или понимает родной язык¹⁸⁶. По мнению А. Цыкарева, члена общества „Nuori Karjala“ («Молодая Карелия»), старшее поколение носителей языка еще нужно учить читать по-карельски, так как южные карелы не умеют читать на латинице¹⁸⁷. Эта проблема, конечно же, не касается детей, так как они осваивают язык «с нуля». Однако следует учитывать, что художественные произведения создают, в основном, представители старшего поколения.

Несмотря на непрекращающиеся дискуссии, рождение детской карелоязычной литературы происходит одновременно с взрослой литературой. Она развивается на трех наречиях карельского языка: собственно карельском, ливвиковском и людиковском¹⁸⁸.

¹⁸⁴ Markianova L. Karjalan kielen kehitysnäkymät // Carelia. 2008. N:o 8. S. 141.

¹⁸⁵ Pyöli R. Yhtehine kirjukieli karjalazil jo on – ven'a // Oma Mua. 2009. 4. kevät.

¹⁸⁶ Pankratjeva J. Karjalan kieltä on opašettava // Vienan Karjala. 2008. 26. pimeik.

¹⁸⁷ Filippova J. Pitkäsego dorogu ozutah // Oma Mua. 2008. 3. talvik.

¹⁸⁸ См.: Чикина Н. В. Современное состояние литературы на карельском языке. Петрозаводск, 2011. 120 с.

В 1990-е годы стали творить для юных читателей преподаватели детских садов, школ, вузов, что было вызвано отсутствием необходимого литературного материала на карельском языке для работы с детьми и желанием поскорее заполнить эту нишу.

Появление прозы и поэзии для детей было необходимым для создания детской карелоязычной литературы, в которой особенно нуждалась школа. К тому же, большая часть писателей имеет педагогическое образование. Все это стимулировало карелов к созданию все новых произведений с надеждой, что они найдут своих читателей среди младшего читательского поколения.

Среди сочинителей и переводчиков на карельский язык литературных произведений следует назвать Т. В. Щербакову, А. П. Губареву, Л. Ф. Маркианову. Всего с 1990 года было издано около 20 художественных книг¹⁸⁹. Предназначенные для детей, они воспитывали любовь к родному краю, карельскому языку, природе. В 1995 году Институтом перевода Библии была опубликована на ливвиковском наречии „Biblii lapsile“ («Детская Библия») в переводе З. Дубининой.

Среди авторов, пишущих для детей, большую часть составляют женщины. Как педагоги, матери они взяли на себя ответственность воспитывать детей на своих произведениях. Среди таких писателей следует выделить О. Мишину, З. Дубинину и Т. Щербакову. Сходство судеб определило и их сходство в творчестве.

Зинаида Тимофеевна Дубинина родилась в 1934 году в деревне Лумбозеро Олонецкого района. Долгое время работала учителем в школах родной Олонии, ныне проживает в деревне Коткозеро. Свою творческую деятельность она начала в 1980-е годы. Пишет на ливвиковском наречии карельского языка прозу, поэзию, занимается переводами.

В книге „Silmükaivoine“ («Родничок», 1995) З. Дубининой содержатся стихи для всех возрастов, начиная с младшего дошкольного и заканчивая старшим школьным. Это определяется тематикой произведений. Книга состоит из нескольких разделов. Цикл стихотво-

¹⁸⁹ Библиографию детской литературы см.: Летопись литературной жизни Карелии (1987–1991) / Сост. Н. А. Прушинская, О. П. Кошкина, Э. П. Кемпинен. Петрозаводск, 1994; Летопись литературной жизни Карелии (1992–1996) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2010; Летопись литературной жизни Карелии (1997–2001) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2011; Чикина Н. Литература на карельском языке: история и современность. Hamburg, 2011. С. 165–214.

рений для самых маленьких состоит из произведений на тему «Игрушки». Цикл «Родная Карелия» включает стихи для детей школьного возраста и фольклор.

Ряд произведений адресован старшим школьникам и даже взрослым (например, „Kaivoine“ («Колодец»), „Karjalazen muaman lapsi...“ («Ребенок карелки»)). Они поднимают проблемы родного края, карельского языка и народа. О проблеме преподавания карельского языка в школах З. Дубинина пишет в стихотворении «Ребенок карелки...»:

Karjalazen muaman lapsi	Ребенок карелки
Ven'alazeh školah astuu,	В русскую школу шагает,
Ven'an sanoil meile vastuau...	Русскими словами нам отвечает...
Opastammo školas kaikkeh,	Мы учим в школе всему,
Emmo omah kieleh vaiku ¹⁹⁰ .	Только не родному языку.

Циклы, посвященные временам года: весна, лето, осень, зима – знакомят детей с сезонными изменениями в природе. Летом созревают ягоды, весной прилетают птицы, осенью начинается учебный год, описываются зимние забавы детей.

При работе с детьми З. Дубинина обращалась и уже к имеющемуся материалу на русском языке. Беря его за основу, она создавала обработки на карельском языке. Так, стихотворение „Ogurčaine“ является вариацией стихотворного текста к подвижной игре для младшего дошкольного возраста «Огуречик». Стихотворная сказка «Мужик и медведь» является вариантом русской народной сказки. В произведениях для старших школьников поэт обращается с призывом осмысления прошлого, истории народа. Ее творчество опирается на высокие гуманистические и гражданские начала.

Вторая книга З. Дубининой «Моим ливвиковским птичкам» была удостоена 3 премии в номинации «Лучшая книга на карельском, вепском и финском языках 2006». Основное содержание произведений в данном сборнике уже подчеркнуто его названием. По сравнению с первой книгой автор существенно расширила тематику и проблематику. В сборнике мы встречаемся как уже с известными стихами, так и с новыми произведениями. В творчестве З. Дубининой появились жанры рассказа, пьесы и сказки.

В художественных произведениях в образной форме иногда дается и школьный материал. Так, например, стихотворения

¹⁹⁰ Dubinina Z. Silmükaivoine: karjalazet runot lapsile. Petroskoi, 1995. S. 11.

„Kirjaimikko“ («Алфавит») и „Kuut“ («Месяцы»), написанные в игровой форме, облегчают детям запоминание букв и названий месяцев. Забавный сюжет пьесы „Kui Vas’ka oli tigrannu“ («Как Васька был тигром») рассказывает о случае с котенком.

Рассказ „Nelländele“ («Четвертый год») описывает комичный случай с мальчиком Витей. Дети осваивают родную речь и не всегда то, что говорят взрослые, им понятно. Если для взрослого четыре года – это определенный период жизни, то для четырехлетнего мальчика – это вся жизнь. С такими же философскими размышлениями мы сталкиваемся и в поэзии М. Пахомова¹⁹¹.

Рассказ „Meśan rahvas“ («Лесные жители») учит детей помогать взрослым. Через несложный сюжет З. Дубинина объясняет ребятам, что надо трудиться. В рассказе „Lapset räčil“ («Дети на печке») описываются традиции, в частности, бабушка объясняет, зачем ей нужен нательный крест.

В сказках и рассказах З. Дубининой часто встречаются упоминания о Боге. Например, в сказке „Tuulen kuldaine oksaine“ («Золотая веточка ветра») девочка Маша обращается к Богу с просьбой не дать умереть ее матери. От ветра она узнает, что у хозяина леса есть белый цветок, который помогает всем, девочка отправляется к нему. Как и в сказках П. Лукина, мы вновь сталкиваемся с тем, что у карелов больше преобладало язычество, хотя и сохранялась вера в Бога.

Ветер является мифологическим персонажем, который дает Маше веточку. Этот волшебный предмет не только оберегает ее от опасностей, но и позволяет понимать разговоры животных, деревьев и цветов. В лесу девочка помогает колокольчикам (поливает их), птице (сажает в гнездо птенца), кормит зайца. В сказке использован троекратный повтор.

Чтобы попасть в гости к хозяину леса, который живет на лужайке, надо пройти через высокий ельник, где живут лешие. Они пытаются погубить девочку, но веточка оберегает ее. Однако лешим удастся перехитрить Машу. Она пьет воду из ручья и засыпает. Ветер просит колокольчики и зайца разбудить девочку. Благодарные помощники делают это.

В отличие от финноязычного писателя М. Мазаева, который в своем рассказе «Тысяча плюс тысяча» достаточно подробно описывает мифологических персонажей, З. Дубинина лишь кратко огра-

¹⁹¹ См.: Чикина Н. Творчество Мийкула Пахомова // Lüüdilaine. 2007. С. 34.

ничивается описанием ветра. В его образе выступает очень красивая женщина в белой летящей одежде. Образы воздушных дев наиболее полно представлены в «Калевале», в то время как в фольклоре они меньше сохранились. Можно предположить, что на З. Дубинину большее влияние оказал эпос¹⁹². Завершается сказка поверьем о том, что иногда у Маши на крыльце можно встретить эту женщину. З. Дубинина пишет: «Говорят, ветер пришел к ним в гости»¹⁹³.

Современный образ хозяина леса – медведя – представлен в одноименной сказке „Mečänižändü“. Он следит за порядком, чтобы никто никого не обижал. А заканчивается сказка вопросом: как волку стать лучше? Детям предлагается найти ответ. Сказка рассчитана на работу взрослого с детьми.

Главный вывод, который можно сделать, проанализировав тематику сборника, родной край лучше всего. В рассказах преобладает описание повседневных забот деревенских жителей, сбор грибов и ягод. Обращается З. Дубинина и к проблемам взаимоотношений детей и родителей. Учителя Карелии высоко оценили ее творчество, так как оно направлено на работу с детьми. В частности, педагог-поэт Л. Туттуева отмечала, что стихи З. Дубининой учат дружбе¹⁹⁴.

Творчество поэта и прозаика Ольги Федоровны Мишиной (род. 1933) отличаются знанием специфики детской литературы. Долгие годы она трудилась учительницей в школе. Ею выпущено несколько сборников для детей школьного возраста.

В первую книгу О. Мишиной для детей „Ratoi“ («Колесо», 1996) вошли рассказы, стихи, посвященные детским играм и праздникам, загадки. Часть рассказов, опубликованных под заголовком „Kallehet kivet“ («Родные камни»), позднее войдут в повесть в новеллах «Настя» и будут переиздаваться, а в 2000 году выйдут на русском языке в сборнике «Одинаковые сны».

Повесть в новеллах «Настя» при всей автобиографичности не является воспоминаниями. В ней присутствуют художественное воплощение действительности, авторский вымысел, сюжет. Драма-

¹⁹² См.: Чикина Н. В. «Калевала» в творчестве З. Дубининой и М. Пахомова // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 67–73.

¹⁹³ Dubinina Z. Minun livvin linduzile. Petroskoi, 2006. S. 90.

¹⁹⁴ Tuttujeva L. Muailmu on täyzi hyvytty // Oma Mua. 2009. 4. kylmyk.

тическую судьбу карельского народа Ольга Мишина показывает на примере одной семьи.

Главная героиня повести Настя стала свидетелем репрессий в 1930–1940-х годах. Во время войны, потеряв родителей, попала в детдом, в послевоенные годы уже учительницей посещает родную деревню, так и не оправившуюся от многочисленных бед (войны, бесхозяйственности, безразличия властей)¹⁹⁵. Автор показывает жизнь такой, какая она есть.

Возвращение к детству в художественной системе повести в новеллах «Настя» О. Мишиной есть форма нравственного самоанализа, а в итоге демонстрация народной жизни, которая являлась самой опорой в эпоху детства. Возвращаясь в прошлое, автор стремится поразмышлять о детстве, о тяжелых послевоенных годах. Для нее это нравственная необходимость.

Детство для О. Мишиной – это не только время страданий, но и время приобретения духовных ценностей. Оставшись сиротой, девочка попадает в интернат. Разве такое изменение в судьбе не оставляет глубокий и горький след в душе? Но дети быстро забывают обиды и скорее чувствуют себя счастливыми. Конкретные воспоминания предстают в виде общего взгляда на судьбу человека и судьбу карельского народа. Однако обращение к данной теме О. Мишиной неслучайно. Душевные травмы с годами дают о себе знать. Отсюда и драматизм сиротского детства.

Действительные события отражены, как в зеркале, и легко узнаваемы во множестве послевоенных реалий: дети-сироты, голод, ожидание тех, кто не вернулся с войны. Атмосфера послевоенного времени передается путем личного отношения и личностного переживания прошлого. О. Мишина в лице героини Насти высказывает дорогие ей мысли. Погружение в прошлое – это своего рода сожаление об утраченной поре детства. Ольга Мишина рисует нам свой поэтический образ детства, пытаясь увидеть в нем свои истоки. Настя, героиня повести, говорит с нами через пятьдесят лет после событий. О. Мишина хотела сохранить и передать именно детское восприятие войны.

Проблема личности самого творца становится одной из решающих, когда речь идет о художнике, в произведениях которого велик

¹⁹⁵ Мишин А. «Дать начало песнопенью...»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 155.

автобиографический элемент и который к тому же выступает и как проповедник определенных нравственных принципов¹⁹⁶. Автобиографический элемент занимает большое место в повести в новеллах «Настя», которые выстраиваются в одну сюжетную линию. Каждая из новелл описывает все новые и новые подробности, которые сохранила детская память.

Обращает на себя внимание национально-этническая определенность повести. Конфликт маленького человека с государством, распорядительной властью, мелкие бытовые, но судьбоносные столкновения героини с действительностью пересекаются со старыми семейно-родовыми иерархическими установками.

Здесь представлен образ маленького героя из народа, прошедшего тяжелую школу жизни, но не сломленного, не задавленного. Такой тип героев был характерен для русской литературы дореволюционного периода.

Уже следующий сборник стихов О. Мишиной „Piäsköin korgevus“ («Ласточкина высота») на Республиканском конкурсе «Книга года Республики Карелия-2002» был удостоен 2-й премии в номинации «Лучшая книга для детей».

Одно из самых глубоких чувств поэзии О. Мишиной – чувство родины. Родина для нее – это деревенька, где она родилась и выросла, люди, что живут вокруг, и безымянная лесная речушка, и юная березка, нежно шепчущая что-то родное. Это знакомое оживает в ее стихах новыми гранями и воспринимается как вновь открытое, первозданное, присущее только этому поэту. Стихи и рассказы О. Мишиной адресованы детям дошкольного и младшего школьного возраста и посвящены фауне и флоре родного края. Юный читатель узнает новое о птицах, животных, цветах, деревьях, камнях.

Радостным приятием жизни отмечены стихи: „Kuldukukat“ («Золотые цветы»), „Piäsköin korgevus“ («Ласточкина высота»), „Sikourei“ («Цикорий»), „Kimaleh“ («Пчела»), „Tikku mečas“ («Дятел в лесу»). Не может не запомниться детям образ цветущего цикория: во время дождя он словно закрывает свои синие глаза. Почему у кукушки нет гнезда, можно узнать из одноименного произведения.

В стихотворении „Kartohkaine kazvau muas“ («Картофель растет в земле») автор доходчиво объясняет, где непосредственно рас-

¹⁹⁶ Бурсов Б. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1967. С. 309.

тет картофель. Для этого используется своеобразное сравнение: как лампочки на люстре. Не забывает О. Мишина и о детской безопасности. В стихотворении „Jogi talvel“ («Река зимой») содержится предостережение об опасности, которая исходит от тонкого льда на водоеме.

Надежда на подрастающее поколение, вера в него слышится в стихотворении «Ласточкина высота»:

...Tulou aigu – kazvetah	...Срок настанет, подрастут
Piäsköin poijil siivizet,	Крылья молодые.
Taivahassah nostetah,	Их поднимут, вознесут,
Puhtahah da sinizeh ¹⁹⁷ .	В выси голубые ¹⁹⁸ .

В номинации «Лучшая книга для детей-2005» „Ruskei zor’aine“ («Алая зорька») была удостоена 3-й премии. Главная тема сборника – природа. О. Мишина продолжает знакомить детей с родной природой, крылатыми друзьями, животным миром, словом, с теми, кто нас окружает.

В этом сборнике автор расширила тематику своих стихов. Описаны игры детей, появились стихотворения, посвященные не только празднованию Нового года, но и, например, 300-летию Петрозаводска. Автор знакомит ребят с особенностями растений. В частности, с тем, что на морозе клюква становится мягче. О. Мишина отходит от простого описания природы, а больше обращает внимание на занятия детей. В отличие от предыдущего сборника О. Мишина разнообразит количество синонимов в своих стихах. Например, птицу-скворца она обозначает двумя словами: skvorču и kottaraine.

В сборники прозы и поэзии для взрослых О. Мишина включает и произведения для детей, хотя и не выделяет их в отдельный раздел. С такого рода произведениями мы встречаемся практически в каждом сборнике. Например, в книгу „Syväin lendäy kodihpäi“ («Душа летит к родному дому», 2007) включены детские стихи «Золотые цветы», «Петрозаводск» и другие, публиковавшиеся ранее. Наряду с уже знакомыми, встречаемся и с новыми поэтическими произведениями автора. Тематика остается прежней – природа, животные.

¹⁹⁷ Mišina O. Piäsköin korgevus: runot lapsile. Petroskoi, 2002. S. 6.

¹⁹⁸ Мишина О. Городская фамилия=Linnalaine familii: рассказы и стихи для детей. Петрозаводск, 2008. С. 122.

В сборник «Городская фамилия» (2008) вошли избранные стихи и рассказы для детей. Достоинством книги является то, что в ней опубликованы произведения на карельском языке с переводом на русский. Это дает возможность читать произведения и детям, не владеющим карельским языком. В своих рассказах О. Мишина не только пишет о сельской жизни, природе и радостных мгновениях, она поднимает и серьезные проблемы взаимоотношений.

Рассказ «Туфли» начинается с радостной подготовки к празднику. Праздник Пасхи совпадает с приходом весны, а приход весны – это уже праздник. К тому же приближается окончание войны. Ко всем этим радостным событиям присоединяется еще одно – Настя получает сообщение о приезде отца. Девочка бежит на встречу с ним. Завершается рассказ сообщением о том, что это был обман и над ней просто подшутили, ведь было 1 апреля. Этот день запомнился Насте на всю жизнь. Дети, в силу своих возрастных особенностей, еще не понимают всех чувств, которые могут проявляться в той или иной ситуации. Поэтому часто поступки детей неоправданно жестоки, как и в рассказе О. Мишиной. Шутка уже не несет радости, а только горечь. Сюжет произведения очень поучителен.

В рассказе «На чьем языке разговаривать» автор проводит идею о сохранении родного языка, который является любимым и самым близким. Все творчество О. Мишиной направлено на подтверждение этой мысли.

Ряд стихов для детей написал Вася Вейкки (наст. имя Василий Иванов). Его юмористическое стихотворение „Sanažet“ («Словечки») написано пятистопным хореем. Из него дети узнают о животных. В стихотворении использована традиционная методика ознакомления дошкольников с животным миром. Каждая строка начинается обозначением действия знакомого детям: собака лает, петух поет, кошка мяукает и т. д. Стихотворение „Aberi“ («Букварь») облегчает детям знакомство с алфавитом. „Viizas kaži“ («Умная кошка») дает ребятам первые представления о жизни и повадках животных.

Из пьесы В. Вейкки „Ken andoi kažile silmät da hännän“ («Кто кошке глаза и хвост дал», 2006) ребенок узнает о Юмале (Боге). Картина мира, представленная автором, совпадает с мировоззрением карельского народа, в фольклоре которого можно встретить, например, пословицу „Jumal elättiä kuren dai täin, dai viel harmuan harakan“ («Бог дает жизнь бедному и вшивому, да еще серой сороке»).

Довольно часто встречаются два перевода слова „Jumal“ – Бог и Юмал. С нашей точки зрения, в функциональном аспекте между Богом и Юмалом принципиальных различий нет. Поскольку восприятие Бога приближено к христианской традиции, то рассматривать оба эти слова можно как синонимы. Во втором случае используется метод калькированного перевода. Для карелоязычного читателя это понятно: Юмал – значит «Бог».

Отличительной чертой художественной литературы для детей младшего школьного возраста является легкий и веселый юмор. В поэзии более остро воспринимается звукоподражательность, игра слов. Названия стихов настраивают ребенка на оптимистическое восприятие события, самого произведения¹⁹⁹.

Интересные творческие находки есть в произведениях Марии Брендовой. Указывая на отличительные черты птиц, автор пишет о том, кто чем живет в одноименном стихотворении „Ken kui eläu?“:

Eläu varoi varrastellen,	Живет ворона воровством,
Kägöi vuozii kielastellen,	Кукушка обманом,
Hakkaraine – hačatellen,	Сорока – стрекотанием,
Joučen – jārvil joikutellen... ²⁰⁰	Лебедь – на озере криком...

В данном стихотворении юный читатель знакомится не только с птицами, но и с их особенностями. Рифма в стихотворении образуется за счет использования падежного окончания.

Незатейливый сюжет с кумулятивной цепочкой использован в стихотворении „Kenekse sinä roitos kazvahuu?“ («Кем ты вырастешь?»). По дороге в школу дети разговаривают о том, кто кем станет:

Üksi sanoi – opastajakse,	Один сказал – учителем,
Toine sanoi – müöjäkse,	Второй сказал – продавцом,
Kolmas sanoi – lendäjäkse,	Третий сказал – летчиком,
Nelläs sanoi – lüpsäjäkse... ²⁰¹	Четвертая сказала – дояркой...

В знакомой для детей ситуации приводится ряд профессий. В спор вступает мальчик Мийкул и говорит, что надо закончить школу

¹⁹⁹ Бурков Л. Современная детская литература: развитие жанровой системы // Время пить херши. ...: Сб. произведений литераторов респ. Вып. 20. Йошкар-Ола, 2007. С. 344.

²⁰⁰ Brendojeva M. *Ken kui eläu?: Runo // Anuksen simūkaivozet: V. Brendojevan mustokse-kilbah tarittu runokogomus*. Anus, 2004. S. 14.

²⁰¹ Brendojeva M. *Kenekse sinä roitos kazvahuu?: Runo // Ibid.*

сначала. Итог стихотворения подводит Маша: «Надо не опаздывать на уроки, чтобы дальше учиться». Диалоговая форма произведения делает его интересным и легким для запоминания. Сюжет привлекателен для детей.

М. Брендоева не ограничивается стихами, пишет она и загадки, основными героями которых являются животные: лиса, медведь, заяц, волк. По их отличительным чертам детям легко найти отгадку. Вот, например, загадка про зайца:

Silmät püöriet,
Korvat suuret,
Kezäl harmai,
Talvel valgei²⁰².

Глаза круглые,
Уши длинные,
Летом серый,
Зимой белый.

Другая представительница Олонецкого района – Любовь Михайловна Туттуева (род. 1963) – уроженка деревни Кунилица. Закончив Петрозаводское педагогическое училище № 2, работает в Туксинском детском саду «Журавлик». Писать первые стихи начала еще в школе, а на карельском языке пишет с 2000 года. Ее успешная творческая деятельность была отмечена литературной премией В. Е. Брендоева в 2003 году²⁰³. В основном стихи Туттуевой предназначены для дошкольников. Преобладают темы о временах года и животных. Сборник Л. Туттуевой „Iloine“ («Радость») был удостоен 3-й премии в номинации «Лучшая книга на карельском, вепском и финском языках-2007».

Язык стихов прост. Рифма часто образуется за счет деминутивного суффикса – *ine*. Например, в стихотворениях об овце („Anna villua...“), петухе („Kukoï“). Незамысловатые сюжеты позволяют сделать вывод о том, что они отвечают возрастным требованиям дошкольников.

Поэт-людик Мийкул Пахомов (род. 1967) в свой первый сборник „Tuohuz ikkunas“ («Свеча в окне», 1993) включил ряд стихов для детей. Основная их тематика – природа. В стихотворении „Vaaged griba“ («Белый гриб») рассказывается, как городской мальчик Мишши пошел в лес с отцом, нашел белый гриб и удивился: «Кто этот гном?» В этом сравнении гриба с гномом чувствуется влияние на автора западно-европейской мифологии.

²⁰² Brendojeva M. Ar baitukset // Anuksen simukaivozet: V. Brendojevan mustokse-kilbah tarittu runokogomus. Anus, 2004. S. 15.

²⁰³ Kai, mi armas on süväimel. Anus, 2006. S. 16.

Прекрасные пейзажи зимнего леса представлены в стихотворении „Tauven suarn“ («Зимняя сказка»). Здесь М. Пахомов остается приверженцем прибалтийско-финской традиции, в которой человек и природа едины. Автор проводит ассоциацию человека с объектами природы: бабушка – сосна, сестра – осина.

Täga nukkub pedai-buab –
Pakaane se peitti.
Toine sizar om huab –
Lumišliäpän heitti²⁰⁴.

Здесь спит сосна-бабушка –
Мороз ее укрыл.
Вторая сестра осина –
Снежную шляпу надела.

Внутренней чистотой и цельностью, точностью наблюдений отличаются стихи уроженки деревни Вокнаволок Калевальского района Валентины Ивановны Каракиной, которая приобщилась к творчеству уже в зрелом возрасте. Будучи филологом, она долгое время работала в школе и петрозаводском педагогическом училище № 1. Затем ее пригласили в карелоязычную газету „Oma Mua“, где В. Каракина начала с переводов статей на карельский язык, а затем стала писать сказки и стихотворения для детей и публиковать их в детском журнале „Kipinä“.

Цикл стихотворений в сборнике „Rohkie tijani“ («Смелая синичка», 2005) весело и занимательно знакомит юных читателей с обитателями леса – с зайцем: „Pitkäkorva, ristisuu,/ Lyhythäntä jänis...“ («Длинное ухо, рот крестом,/ Короткохвостый заяц...»); – с белочкой:

Oravaini, oravaini,
Mečan paras hyppijäini.
Eläy kuusen latvassa
Lämpimässä pesässä²⁰⁵.

Белочка, белочка,
Лучший лесной прыгунок.
Живет на верхушке ели
В теплом гнезде.

Особняком среди изданий, написанных на латинице, стоит книга Александра Савельева „Минä мустан“ («Помню», 2002). В нее вошли стихи для детей о животных: «Кажы», «Кондий», «Ребой», «Янйой», «Поччи», «Кукой» на кириллице. Вот как звучит отрывок из его стихотворения о собаке «Койру»²⁰⁶:

²⁰⁴ Pahomov M. Tuohuz ikkunas: runokird'. Petroskoi, 1993. S. 61.

²⁰⁵ Karakina V. Rohkie tijani. Petroskoi, 2005. S. 30.

²⁰⁶ Савельев А. Минä мустан. Пряжа, 2002. С. 32.

Кембо пихал, иккун уалэ
Уризов да вингуу,
Вайку вериён пихал авуат,
Пертих пиэддй тунгоу?

Кто на дворе, под окном
Рычит и скулит,
Только дверь на улицу откроешь,
Голову в избу пихает?

Есть у Савельева и стихотворение для детей на русском языке «Уелки». Оно написано очень эмоционально и ярко.

Художественное воплощение темы природы находит свое отражение и в карелоязычной прозе. Прозаики-карелы изображают в своих произведениях образы из животного мира, птиц, которые являются своего рода зеркалом гуманистического самосознания. Современные писатели-карелы ставят задачу воспитания человека, поэтому истории о животных, птицах, включенные в произведения, мыслятся не только как познавательные, поучительные – они формируют эстетические и этические чувства юного читателя.

Тамара Васильевна Щербакowa (род. 1944) родом из деревни Тукса Олонецкого района, с детства говорит на родном языке. После окончания школы и педагогического института 35 лет учила детей математике, русскому и карельскому языкам, писала для них сказки и рассказы²⁰⁷. Все ее творчество посвящено им. Ведь они являются самыми внимательными читателями.

Ее первый сборник „Pajun kukkazet – keviän viestit“ («Ивовые цветочки – вестники весны») вышел в 1999 году. Сборник включает рассказы, сказки и стихи. Сказка Т. Щербаковой «Ивовые веточки – вестники весны» построен в форме диалога главного героя – мальчика – с Морозом, который показан с характерным признаком – белой бородой. В рассказе используется традиционное карельское обращение *Kuldaine Pakkaine* (золотой/дорогой Мороз). Вот Дед Мороз разукрасил окна узорами и не позволяет кататься на санках малышу, но вынужденное сидение дома не вечно. Благодаря сюжету произведения, дети узнают о взаимосвязях в природе, и каким образом ветки ивы извещают о приходе весны.

Сюжет этой сказки перекликается с рассказом „Virboi nedäli“ («Вербная неделя»), который знакомит детей с христианским праздником Вербное воскресенье. Повествование начинается с разговора

²⁰⁷ Ščerbakova T. Kui minä algain opastua lapsil karjalan kiieldy // Lyydi. 2011. S. 27–29.

птиц о приходе весны, которые радуются солнцу и теплу. Символом оживающей природы становится цветущая верба.

Сказка „Tippaine da Kelloine“ («Капелька и Колокольчик») начинается с обращения мальчика к Богу: „Anna minule, Jumalaine, ozua, piästä opastumah!“²⁰⁸ («Дай мне, Боженька, счастья, попасть учиться!»).

Золотоволосый, так зовут мальчика, живет с бабушкой. У них есть курочка. Она снесла яички, из которых вылупились цыплята: Капелька и Колокольчик. С этого момента жизнь бабушки и внука улучшается. Мальчик говорит: «Я знал, у нас будет счастье. Сейчас мы продадим лук и купим рюкзак, книги и все что надо. Я начну ходить в школу. Там мне будет хорошо и весело» (С. 12). Цепочка «курочка – яичко – счастье» восходит к русской народной сказке «Курочка Ряба», в которой также все надежды возлагались на птицу.

Сказка „Koiran da kukin eloksenmuutos“ («Перемена в жизни собаки и петуха») наиболее приближена к карельской народной. Она начинается с традиционного зачина „elettih-oldih“ («жили-были»). В сказке встречаются карельские имена и герои: Оути, Мийкул, лесная знахарка в образе красивой женщины. Заканчивается сюжет словами: «А собака и петух до сих пор в лесу живут» (С. 24). Главный смысл сказки – дружба зверей.

Все сказки Т. Щербаковой можно отнести к жанру литературной педагогической. Она использует традиционные зачины, концовки, отдельные ситуации сказочных сюжетов, но «педагогическая целеустановка так трансформирует все эти элементы, что они формируются в особые поэтические организмы, имеющие свою специфику, жанрово отличную от всех других видов и фольклорной и литературной сказки»²⁰⁹.

Во второй книге „Enne Rastavua“ («До Рождества», 2000) Т. Щербакова представила рассказы и сказки для детей начальной школы. Все произведения этого сборника следует рассматривать как тексты для чтения, образцы карельской речи. Среди наиболее удачных рассказы „Suajusšlöröi“ («Черепаха») и „Maman nimipäivü“ («Мамины именины»).

В рассказе «Черепаха» дети знакомятся с особенностями жизни южных животных. Дядя Вася привозит детям черепах. Ребятам с

²⁰⁸ Ščerbakova T. Pajun kukkazet – keviän viestit. Petroskoi, 1999. S. 9. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

²⁰⁹ Никифоров А. И. Сказка и сказочник / Сост. Е. А. Костюхин. М., 2008. С. 101.

ними весело, но однажды они находят их безжизненными. Решив, что черепахи умерли, дети их хоронят. Только весной на уроке биологии ученики узнают, что черепахи, как и другие животные, например, медведи, впадают в зимнюю спячку. В рассказе проводится мысль о том, что, взяв в дом животное, нужно не только кормить его, но и знать его особенности, ответственно к нему относиться. Рассказ «Мамины именины» учит детей, как по-разному можно поздравить дорогого человека: написать поздравление, подарить цветы, сочинить стихотворение.

Современная жизнь изменила уклад карелов. С 1990-х годов началась активная миграция населения по территории России. Это было вызвано различными причинами, в том числе, общественно-политическими и экономическими. В города и села Карелии стали приезжать представители разных национальностей. Несмотря на то, что Карелия всегда была многонациональной республикой, представители южных республик России здесь встречались не так часто. Тенденции современной миграции населения отражены в рассказе Т. Щербаковой „*Vuottamatoi oza*“ («Неожиданное счастье»).

Повествование начинается с того, что в деревню приезжают «чужие». Естественная оппозиция – «свой-чужие», присущая родовому сознанию, архетипична по своей сути, но композиция произведения строится на противопоставлении по национальному признаку: в деревне живут карелы и к ним приехали, как пишет автор: «не карелы и не русские». Появление такого противопоставления является новым в карелоязычной литературе, к тому же детской.

Признаки этнической группы, которые отличают ее от остальных этнических групп, лежат в основе формирования этнического самосознания, так как, ориентируясь на них, человек с ранних лет учится отделять «своих» от «чужих»²¹⁰. Рассказ Т. Щербаковой, написанный для детей, тем самым способствует формированию этого самосознания.

В образе «чужих» предстает молодая женщина Адели и девочка Марьяна. Для усиления акцента «чужого» Т. Щербакова использует некарельское описание внешности и владение героинями «чужим» языком. Образ местной жительницы бабы Мати противопоставлен

²¹⁰ Мяки С. А. Изучение национального языка как фактор формирования этнического самосознания // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апр. 2008 г.). Петрозаводск, 2008. С. 160.

ему. Баба Матя одинока и «чужие» остаются жить у нее. Спустя какое-то время, эти люди становятся для нее родными – «своими». В их лице она обретает семью. Баба Матя ходит в церковь и благодарит Бога, что дал ей семью, а также желает большого счастья и крепкого здоровья Адели и Марьяне.

Обращение Т. Щербаковой к такой серьезной проблематике как этническая терпимость говорит о глубоких религиозных чувствах автора. По данным опроса, проведенного в 2005 году Всероссийским центром изучения общественного мнения, после двух войн в Чечне у населения России сложился устойчивый негативный образ «кавказца»²¹¹. «С ростом женского экстремизма и непосредственного женского участия в событиях террористического характера, негативную реакцию начинают вызывать жительницы Кавказа», – писала Е. А. Нальчикова²¹².

Социологические исследования в Карелии показали, что 30 % взрослых и 25 % молодежи испытывают неприязнь или раздражение по отношению к представителям некоторых национальностей. По мнению В. Бирина, в первую очередь, это относится к народам Северного Кавказа и Средней Азии²¹³.

Современная ситуация и опыт работы в школе побудили Т. Щербакову написать такое произведение. Воспитание дружбы, этнической терпимости – вот главная задача, к которой стремится автор. Ведь и «чужие» могут стать «своими».

Третья книга Т. Щербаковой „Armahile bunukoile“ («Любимым внукам», 2002) состоит из рассказов для детей младшего и среднего школьного возраста. Заметно выросло мастерство автора. Т. Щербакова использует различные языковые средства, которые будут расширять кругозор детей. Например, она пишет: „...kazvoi äijü si-endü da gribua“. Автор не просто констатирует, что выросло много грибов, но и уточняет «выросло много пластинчатых и губчатых грибов». Такая языковая особенность существует в языке южных карелов. Дети найдут информацию о том, как животные заботятся о

²¹¹ Межнациональные отношения в России: [электронный ресурс]. Режим доступа к сайту: www.wciom.ru

²¹² Нальчикова Е. А. Женские черты «лица кавказской национальности» // IX конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 469.

²¹³ Турчинская Н. Любовь по национальному признаку // Мой Петрозаводск. 2011. 6 июня. С. 6.

своих детенышах: кошка кормит своих котят, лижет их, учит ловить мышей и есть рыбу.

В четвертом сборнике Т. Щербаковой „Kašo da vardoiče“ («Спаси и сохрани», 2006) представлены рассказы и сказки. Расширилась тематика. Если ранее главными темами были дети, природа, животные и деревенская жизнь, то здесь мы встречаемся с рассказами о войне, жизни других народов.

Сказка „Suvaišus ilon da küünälienke“ («Любовь с радостью и слезами») вводит юного читателя в мир северных народов. Переданы характерные особенности жителей-саамов: живут в чумах, верят в силу шамана. Бабушка-саами рассказывает сказки, поет песни. Дух тундры Оахха следит за всем и всеми. В саамско-русском словаре под редакцией Р. Д. Куруч (М., 1985) мы встречаемся со словом „oahka“ – бабушка и „aak“ (oahkэ) – самка (дикого оленя или лося). Можно предположить, что дух тундры – женского рода.

Сюжет сказки начинается с рождения в чуме девочки Айлы, которой шаман предсказывает большую любовь с женихом-воином издалека. Родители хотят помешать этой встрече и отдают дочь на воспитание одинокой бабушке-саами.

Несмотря на это, знакомство будущих жениха и невесты состоялось. Когда Стейнар делает Айле предложение стать его женой, автор пишет: «щеки Айлы покраснелись как бруснички». Т. Щербакова передает чувство смущения, стеснения девушки красным цветом, который считается цветом любви, чувств.

Зло в сказке олицетворяет колдунья Оадзе. С целью занять место девушки, помешать ее счастью, она превращает ее в важенку. Бабушка-саами – положительная героиня – вешает важенке на шею свой оберег, чтобы Оахха заботилась о ней. Стейнару плохо жилось с Оадзе, он удивлялся такой перемене жены. Отправился Стейнар снова счастья искать и нашел его в своей Айле, которая все это время была важенкой.

Данную сказку можно отнести к волшебным, так как в ней присутствуют чудесные превращения, предметы-помощники, злые и добрые силы. Сюжет произведения несколько перекликается с карельской сказкой «Голубая важенка», где жену царевича Сюоятар превращает в олениху и отпускает бегать по свету, а ее место занимает дочь Сюоятар. Подмена и превращение осуществляется в бане, которая в карельской мифологической прозе считается сакральным местом.

Т. Щербакова в своих произведениях использует эпитеты, сравнения, типа «слезы как горошины», «глаза синие как небо», традиционные обращения карелов: *tuarjaine* (ягодка), *armahaine linduine* (любимая птичка), *kuldaine* (золотой) и другие.

В рассказ „*Kotkan ojakivikkö*“ («Каменистый ручей орла») включено предание о названии места. Там, где пролилась кровь орла, выросла яблоня и на ней красные яблоки.

В сборнике два рассказа о событиях Великой Отечественной войны. Бабушка из рассказа „*Buabo mustelou*“ («Бабушка вспоминает») объясняет внуку, что такое «победа». Она может быть малой – не хотелось, но мальчик дочитал до конца рассказ – и большой. Бабушка объясняет, что такое «День Победы» и что этот праздник значит для граждан России.

Она вспоминает военные годы и рассказывает внуку о воевавшем дедушке. История войны показана на примере конкретной семьи. В рассказе „*Juakoin pereh*“ («Семья Якова») проводится мысль о том, что если бы не было войн в мире, то все жили бы долго и счастливо. К сожалению, Якову пришлось воевать с Германией, а его внукам в Афганистане и Чечне. Обращение Т. Щербаковой к военной тематике способствует воспитанию патриотических чувств у школьников.

От сборника к сборнику росло писательское мастерство Т. Щербаковой. Рассказы из ее пятой книги «Марьюшкины радости» были переведены на финский язык М. Патракка. Героями всех произведений этого сборника являются деревенские дети. Автор вспоминает в своих рассказах о ценности ручного труда, о появлении в деревне велосипеда. Описывает зимние забавы детей: катание на коньках и лыжах, игру «10 палочек». Рассказы Т. Щербаковой учат дружбе, доброму отношению к животным.

Деревенские дети рано приобщаются к труду. Это явление находит отражение в книге: девочки пасут коров и овец, вместе с мальчиками ходят собирать грибы и ягоды. В рассказе „*Lambahan kaksozet*“ («Близнецы овцы») объясняется роль овцы в хозяйственной жизни человека. Овец стригут, затем чешут чесалками шерсть, потом прядут пряжу и в итоге, бабушка вяжет внучке носки. Описание полного процесса создания изделия предстает как сложный процесс, так как современные дети с ним не знакомы.

Интересным является и включение в произведения различных фольклорных элементов. Например, в рассказе „*Mandzoiheiny da*

Jumalanlehmäine“ («Земляника и божья коровка») мы встречаемся с вариантом всем известной песенки про божью коровку:

Lennä, lennä, lehmäine,
Suuren kiven juuril.
Sinul muamas keittäy sie
Magien mandžoi puuron (С. 30).

Лети, лети, коровка,
К подножью большого камня.
Твоя мама варит там
Сладкую земляничную кашу.

Выделяется из сборника рассказ „Lautasuaren meren rannal“ («На берегу моря Лаутасаари»). Это своеобразная исповедь, философское размышление о красоте и равновесии в природе. Несмотря на все пережитое за этот день, самым ярким впечатлением для Т. Щербаковой осталась «красота природы и очарование морского берега».

В помощь родителям и воспитателям детских садов был выпущен сборник стихов и рассказов Т. Щербаковой „An’oile da Ven’oile vunukkazil armahil“ («Анечке и Венечке – любимым внукам», 2010). Стихи данного сборника распределены по тематическим разделам: в семье, природа, игрушки. На вепсский язык они переведены Л. Алексеевой.

Произведения Т. Щербаковой близки и понятны детям, так как героями их являются либо малыши, ровесники читателя, либо домашние или дикие животные и птицы: петух, собака, лиса, медведь. Занимательность, наглядность, поучительность – черты, характерные для прозы Т. Щербаковой.

Большой интерес читательской аудитории вызвал сборник рассказов Натальи Сеницкой „In’aine“ («Иришка»). Он включает в себя 21 рассказ и написан от лица девочки. Произведения являются автобиографичными, автор «вспоминает радостные мгновения своего детства и впечатления своей старшей дочери»²¹⁴. Данная книга получила высокую оценку и была удостоена 2-й премии в номинации «Лучшая книга на карельском, вепсском и финском языках 2008».

Прозаический сборник Н. Сеницкой адресован детям младшего школьного возраста. Одной из его ведущих тем является счастливое детство. В своих произведениях автор рассказывает об интеллектуальном и духовном развитии ребенка, о познании им окружающего

²¹⁴ Tolstyh M. Lastenkirjailijoita on Karjalassa vähän: loruja ja tarinoita sisältävien kirjojen tekijät ovat tavallisesti karjalaisia // Karjalan Sanomat. 2008. 3. syysk. S. 14.

мира, о приобщении к труду. Прозаик рисует яркие бытовые картины, лаконично увязывая это с действиями ребенка. Язык рассказов прост и доступен детям. Они короткие по объему, легко читаются.

Н. Синицкая тесно связывает разные поколения людей: родителей с детьми, дедушек и бабушек с внуками. Автор обладает умением составлять короткие диалоги, вывести и подчеркнуть в них главное.

В центре повествования – современная карельская семья: мама, папа, бабушка, дедушка и двое детей (мальчик и девочка). Н. Синицкая единственная из молодых авторов обращается к теме семьи и семейных традиций, описывая жизненный цикл: рождение, детство, смерть.

В рассказе „Lapsukkaine“ («Ребенок») затронуты вопросы полового воспитания детей. Мама Иры беременна. Ира думает, что у мамы большой живот, так как она любит есть пирожки, приготовленные бабушкой. В рассказе мама объясняет девочке, что у нее будет ребенок и как он появится на свет. Однако Ире это удивительно, как это может быть ребенок в животе?

Девочка вспоминает рассказы других детей. Соседский мальчик Миша сказал, что его нашли на капустном поле; Катю купили в детском магазине. Ира так и остается с вопросом: откуда берутся дети? В рассказе поднята проблема того, как ответить ребенку на этот сложный вопрос, который у взрослых всегда вызывает смущение. Чаще всего слышны шуточные ответы, приведенные в рассказе. Однако версия о том, что ребенка нашли «в капусте», видимо, связана еще и с тем, что раньше женщины трудились до самого момента родов. Считалось даже, что тяжелая работа полезна и у многих роды случались прямо в поле²¹⁵.

Н. Синицкая в рассказах использует такой прием как сновидения: „Unì“ («Сон») – связан с предстоящим рождением брата; „Toine ilmu“ («Тот свет») – предсказывает смерть старушки Пелагеи; „Раһа unì“ («Плохой сон») – впечатления ребенка после посещения заброшенной деревни. Основой всех снов являются пережитые за день эмоции. Взрослые часто не задумываются над тем, как отражаются на ребенке события каждого дня, как на детей влияет настроение близких.

²¹⁵ Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 97.

С появлением малыша, Ире не хватает внимания родителей. Они заняты ее братом: мама его кормит, стирает пеленки; папа гордится им; бабушка моет его в бане; дедушка сидит у его кровати. Переданы переживания ребенка, которые выливаются в мысль уйти из дома, чтобы родители стали искать Иру. Бабушка успокаивает девочку, объясняя, что Павлик маленький, но скоро он вырастет и все изменится.

Хранителем семейных традиций в рассказах является бабушка. Она проводит с внучкой больше всего времени и оказывает на нее самое большое влияние. Основы воспитания и народная мудрость переданы через ее образ. Несмотря на то, что современная семья не является патриархальной, главой, в данном случае, представлена бабушка.

В рассказе „Kalmoil“ («На кладбище») описан обряд посещения кладбища. Бабушка с Ирой подходят к могиле, и бабушка поднимает подгнившие доски, тем самым приветствует умерших родственников. Находясь в другом мире, они все видят и все про всех знают.

Философским содержанием наполнен рассказ „Toine ilmu“ («Тот свет»). Ира с бабушкой ходят в гости к старушке Пелагее. Она живет одна, старая и бессильная часто поговаривает о «том свете». Ира удивляется, почему старушка хочет на «тот свет»? Там лучше? Потом бабушка объясняет Ире, что на «тот свет» Бог забирает тех, кто умер. В рассказе высказано мнение о том, что человек умирает, когда устает и не хочет жить.

В рассказе „Unohdettu kylä“ («Забытая деревня») автор поднимает проблемы заброшенных деревень, в которых когда-то кипела жизнь, а теперь порой и домов не осталось. Героини посещают деревню, где родилась и провела свое детство бабушка.

Знакомство с окружающим миром идет в повседневной жизни ребенка. О разнице в понятиях «дым – пар» можно узнать из одноименного рассказа. Детские страхи описаны в рассказе „Varavo“ («Страх»). Девочка боится, не умрет ли бабушка во сне.

Карельское содержание в книге подчеркивается не только описанием быта и традиций данного народа, но и обращениями: „kuldaine“ («золотая»), „miguine“ («крошечка»), именами Иня, Паля, Палага.

В своем творчестве Н. Синицкая проявляет собственное мировоззрение, индивидуальный почерк. Создавая произведения для детей, писательница постоянно помнит, что они должны быть короткими

и образными, доступными детям, а сюжеты – интересными и увлекательными.

Этим же принципам отвечает книга рассказов и сказок Илья Мошникова „Midä mielel, sidä kielel...” («Что на уме, то и на языке...»). Все они были написаны, когда автор еще учился в школе, поэтому его произведения просты и несколько наивны. С тех пор Илья уехал из родного Коткозера, окончил факультет Прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского госуниверситета, в настоящее время живет и учится в Финляндии.

В семье Мошниковых говорят по-карельски. В предисловии к книге Илья написал, что «только от семьи сегодня зависит сохранение языка: если в семье говорят на родном языке, то и дети начинают говорить на нем»²¹⁶. Это высказывание лишний раз подтверждает, что семья является ключевым фактором формирования этнической культурной идентичности.

Как и у любого карела, у Мошникова сформировано уважительное отношение к лесу. Герои его рассказов и сказок либо живут в лесу, либо ходят за грибами и ягодами, ищут в нем убежища. В рассказе «Меӡӡу» («Лес») сконцентрирована вся информация о лесе. И. Мошников написал его «живым языком», отметив все особенности. Например, у каждой семьи были свои любимые грибные и ягодные места, куда из года в год ходили собирать урожай.

Лес для него живое существо. Он радуется приходу гостей и всегда готов поделиться с ними своими богатствами. Однако следует соблюдать правила поведения в лесу. Например, нельзя громко разговаривать, иначе хозяин леса рассердится и может сделать что-нибудь плохое. В этом рассказе собраны верования и приметы карелов о лесе. Ведь он кормит, поит, одевает. С такими мотивами мы встречаемся и у других авторов, например, в сказках В. Каракиной. Книга И. Мошникова представляет интересное чтение для детей начальной школы, так как его произведения коротки и написаны доступным языком.

Проза и поэзия для детей начала ХХI века отражает несколько тем, главной из которых является природа. Писатели-карелы воспринимают ее как живую и призывают к воспитанию бережного отношения к ней. Природа рассматривается поэтами и прозаиками в социально-философском и нравственно-этическом аспектах. Это

²¹⁶ Mošnikov I. Midä mielel, sidä kielel... Petroskoi, 2011. S. 3.

реализуется в их наблюдениях, пронизанных ощущением красоты и гармонии окружающего мира. Система этических представлений основана на «естественном», «природном» укладе жизни.

* * *

Развитие детской литературы на карельском языке предстает как сложный процесс. В 1920–1940-х годах она была преимущественно переводной. В 1940–1980-е годы П. Лукин и В. Брендоев создали предпосылки для развития литературы на карельском языке. 1990-е годы стали периодом рождения и становления карелоязычной детской литературы.

Такой малый срок в развитии литературы характеризуется определенными недостатками, которые проявляются в идейно-тематической и жанровой специфике. Современные писатели не затрагивают такие темы как школьная жизнь, досуг детей, не оценивают поступки и желания детей, не пишут о детской дружбе, проблемах, с которыми сталкивается ребенок, находясь в социуме, об истории края.

Поэты не всегда учитывают особенности детского восприятия. Некоторые стихи плохо рифмованы и длинны, что не соответствует возрастным особенностям детей, хотя еще К. Чуковский в своей книге «От двух до пяти» (М., 1962) сформулировал «Заповеди для детских поэтов».

Не всегда отвечают требованиям детской литературы и прозаические произведения. По мнению А. Машина, «авторы вовсе не озабочены вопросом жанровой принадлежности своих произведений, выстраиванием сюжета, фабулы...»²¹⁷. С этим высказыванием нельзя не согласиться, так как следует отличать художественную литературу от образцов родной речи.

Рассказы, стихотворения, авторские произведения на основе устного народного творчества – вот что стало достижениями молодой карелоязычной литературы. Воспитание любви к родному краю, изучение повадок зверей и птиц, особенностей родной природы. Писатели учат детей любить труд, уважать обычаи и традиции своих предков.

Детская карелоязычная литература конца XX начала XXI века выявила ряд авторов, успешно пишущих для детей. Одной из

²¹⁷ Машин А. Отвечать современности // Курьер Карелии. 2008. 30 окт. С. 7.

причин расцвета их творчества стало то, что все они с детства говорили по-карельски и сохранили в себе народное мировосприятие. В 1990-е годы начали писать произведения для детей З. Дубинина, О. Мишина, Т. Щербакова и другие. Свою лепту в современную карелоязычную литературу внесли Н. Антонова и Н. Синицкая.

Дети дошкольного и младшего школьного возраста любят читать интересные, веселые по содержанию художественные произведения. Таковы, например, короткие рассказы Н. Синицкой, стихотворения М. Брендоевой, Л. Туттуевой.

Современная детская карелоязычная литература имеет бесспорные достижения. В жанровом отношении она прошла путь от рассказа до повести. В поэзии главным остается стихотворение. Первые попытки делаются в области драматургии. Однако все же мало еще писателей, всецело посвятивших свое творчество верному служению – детству.

Наряду с оригинальными произведениями поэзии, прозы и драматургии, стала развиваться переводная и учебная литература²¹⁸. Традиция перевода началась с самого зарождения карельской детской художественной литературы и продолжается по сей день. Большинство переводов на карельский язык было сделано в 1930-е годы. Следует отметить, что почти вся литература на карельском языке первой половины XX века была переводной.

На карельский язык переводились произведения русской классики, советской и зарубежной литературы. Основная их часть публиковалась в журнале «Карелия», учебной литературе, выходила отдельными изданиями.

Период 1940–1980 годов характеризуется отсутствием переводов для детей. Это обусловлено теми же причинами, что и у взрослой литературы. С воссозданием письменности на карельском языке в 1990-е годы переводческая деятельность возобновилась.

Следует отметить, что карелоязычные писатели из мировых языков на хорошем уровне знают только русский. Подтверждением этому является тот факт, что писатели-карелы переводят на родной язык произведения мировой литературы с русского, который не всегда является языком оригинала.

²¹⁸ См.: Чикина Н. Детская национальная литература Карелии: история и современность. Hamburg, 2012. С. 162–172.

Переводы русской классики на карельский язык имеют большое значение, так как при этом строй литературного русского языка, его интонации усваиваются литературным карельским языком.

Нужно признать, что карелоязычная детская литература на современном этапе развития еще отстает от требований и нужд своего читателя. Нужны новые произведения, способные заинтересовать ребенка. Дети должны читать и фантастику, и приключения, и историю, т. е. самые увлекательные прозаические, поэтические и драматические произведения. Очень важно раскрывать и нравственную сторону жизни, помогать детям разрешить ту или иную проблему. Необходимо создание и выпуск тематических сборников и альманахов, в которых раскрываются особенности языка, обычаи и традиции карельского народа, нравственная и эстетическая сторона жизни.

К IX Международному конгрессу финно-угорских писателей, который прошел в 2006 году в г. Петрозаводске, был выпущен альманах „Taival“ («Путь»). Это первый альманах на карельском языке за всю историю создания карелоязычной литературы. В него включены произведения прозы, поэзии, переводы на карельский язык, произведения для детей, критическая статья. Среди авторов, опубликовавших свои произведения для ребят, как известные – В. Вейкки, О. Мишина, Р. Ремшуева, так и начинающие – Л. Туттуева, А. Тимонен. В последующих альманахах круг пишущих для детей расширился. К нему добавились Г. Леттиева, И. Мошников, Т. Щербакова, М. Левкина, О. Гоккоева.

По своему идейному содержанию сборники стихов современных поэтов сконцентрированы на родном крае, тематика их не отличается разнообразием. Патриотическая и военная проблематика практически не представлена. Исключением являются главы в повести П. Лукина «АПР» и рассказы Т. Щербаковой. В современной литературе преобладают произведения на бытовую тематику и по фольклорным мотивам.

По мнению А. Мишина, «литература должна быть профессиональной, созвучной растущим требованиям современности, что планка требований к произведениям должна расти, а не снижаться. Это относится, в том числе к многочисленной группе литераторов, которые пишут на карельском языке»²¹⁹.

²¹⁹ Мишин А. Армас Мишин: «Из окон всех стран видна родина» / Бесед. А. Машин // Курьер Карелии. 2008. 10 июля. С. 5.

В свое время Э. Г. Карху написал о Н. Яккола, Я. Ругоеве, П. Пертту, О. Степанове, что «они осознавали себя зачинателями и участниками местного литературного движения, представителями именно карельской национальной литературы, которая еще только складывалась, пребывая на сравнительно ранней стадии развития»²²⁰. То же самое сегодня можно сказать и о современных писателях – создателях детской карелоязычной литературы. Мы являемся невольными свидетелями становления литературного процесса. Как писала Л. Громова, «на наших глазах восстанавливается связь времен, утраченная преемственность в развитии карельского литературного языка, происходит возвращение к истокам»²²¹.

²²⁰ Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1994. С. 218–219.

²²¹ Громова Л. Развитие литературного карельского языка на основе тверского говора: история и современность // INF. 2006. № 7. С. 41.

Г Л А В А 3

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Обращение к изучению детской литературы на вепсском языке обусловлено тем, что, несмотря на раздел «Вепсская литература» в третьем томе «Истории литературы Карелии» (2000), данной проблематике не было уделено должного внимания.

Венгерский ученый П. Домокош в своей классификации уральских литератур отнес вепсскую литературу, наряду с ингерманландской, к седьмой группе. По его мнению, об этих литературах «можно говорить только в прошедшем времени». К тому же «смысл их литературы и фольклора можно понять только в связях с советской национальной политикой»²²².

Отчасти с этим высказыванием можно согласиться. Когда П. Домокош писал свою работу, он, вероятно, и предположить не мог, что вепсская литература найдет в себе силы возродиться. Подъем национального самосознания способствовал активизации писательства среди населения, владеющего вепсским языком. Возможность отображать свою жизнь, современный взгляд на общественное переустройство страны, возобновление письменности на вепсском языке во многом способствовали развитию литературы на нем.

Современный литературный процесс протекает в достаточно благоприятный период для развития вепсоязычной литературы, несмотря на то, что происходит не только переустройство общества, но и изменяются нравственно-эстетические ценности.

История создания детской литературы на вепсском языке начинается с 1924 года, когда в связи с территориальным расширением границ Карельской Трудовой Коммуны, в ее состав влилось вепское население. По всей стране велась ликвидация неграмотности.

²²² Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / Пер. с венг. Йошкар-Ола, 1993. С. 44–45.

Как и у карелов, у вепсов была предпринята попытка создать литературный язык. В феврале 1931 года был утвержден вепсский алфавит. Издательства Москвы и Ленинграда активно выпускают учебную литературу для вепсов. Об этом свидетельствуют учебники, изданные в те годы.

Следует отметить, что учебная литература 1930-х годов удовлетворяла теоретическим и методическим нуждам того времени. Для обучения детей вепсов были изданы учебники по следующим дисциплинам: по вепсскому языку, арифметике, географии, естествознанию²²³. Основная часть учебников предназначалась учащимся начальных школ, т. е. для 1–4 классов. Все учебники издавались на латинице, что в дальнейшем упростило выбор графики в конце XX века.

Как отмечала сотрудник отдела национальной и краеведческой литературы Национальной библиотеки Республики Карелия И. И. Засекова, «основная часть фонда на национальных языках Карелии представлена изданиями 20–30-х годов XX века, когда происходил активный процесс создания карельской и вепсской письменности»²²⁴.

Собственно художественных книг для детей на вепском языке не было. Нам удалось обнаружить лишь одну переводную книгу Н. Григорьева «Полтора разговора» (1937). Зато выпускались книги для чтения. Остановимся подробнее на них.

В 1932 году печатается первая вепсская азбука и книга для чтения, которую составили начинающие исследователи Григорий Богданов (карел), Матвей Хямляйнен (финн) и студент Алексей Михкиев²²⁵. Можно предположить, что книга сыграла большую роль в распространении грамотности среди населения, в донесении печатного слова до сознания всех вепсов.

И. А. Спиридонова отмечала, что «азбука <...> формирует не только будущих писателей, но <...> и будущих читателей. Открывая

²²³ Библиографию учебной литературы см.: Письменные языки мира: языки Российской Федерации: социолингвист. энцикл.: в 2-х кн. Кн. 2. М., 2003. С. 110–111.

²²⁴ Засекова И. И. Библиотечные информационные ресурсы на вепском языке // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апр. 2008 г.). Петрозаводск, 2008. С. 185.

²²⁵ Полную версию книги см.: <http://fulr.karelia.ru/cgi-bin/flib/azbuka.cgi>

ее, ребенок проделывает огромный духовный путь от первых букв до первых художественных произведений на родном языке»²²⁶.

После появления этого учебного пособия, вышли и другие книги для чтения: Ф. Андреев, Н. Богданов „Lugend knig“ (1933), И. Андреева „Lugend knig“ (1936), Ф. Андреев „Lugend knig“ (1937) и другие. Рассмотрим, что предлагали составители данных книг для чтения в начальной школе.

«Книга для чтения» 1933 года представляла из себя политизированное издание. Из произведений художественной литературы можно отметить лишь пермскую сказку. Остальное же место в книге занимали «Законы октябрят», знакомство детей со школой, события революции 1917 года в России, рассказы о В. Ленине и И. Сталине.

Авторами книги для чтения 1936 года (часть 2) были Н. Богданов и М. Логинов. Основной костяк произведений составляют переводы русской литературы. Среди авторов: А. Кольцов, Л. Толстой, Н. Некрасов, Д. Бедный и другие. В книге представлены и очерки о работе МТС, Турксибе, челюскинцах, Н. Мичурине, В. Ленине и И. Сталине. В данном учебном издании больше литературы, чем в предыдущем. К недостаткам книги можно отнести то, что перед произведением не указан его автор, это ведет к путанице и необходимости постоянно обращаться к оглавлению.

Анализируя книги для чтения, можно выделить основные темы учебной литературы тех лет: «Жизнь и революционная деятельность Ленина и Сталина», «Наша великая Родина», «На страже мира», «Преобразователи природы», «Люди русской науки».

В учебной литературе 1920–1930-х годов доминирующим был иллюстративный принцип, сводивший литературу к дополнительному чтению по обществоведческим дисциплинам. К тому же, этот период можно считать «переводным» в зарождающейся вепсской литературе. Вепских писателей не было, но были владеющие языком грамотные люди, которые переводили и создавали книги для чтения. В 1937 году использование вепсской письменности было запрещено. Издание книг на вепском языке прекратилось.

Во время оккупации Карелии в 1941–1944 годах школьное образование вепсов велось на финском языке. Отражению этих событий посвящен ряд воспоминаний вепсов, живших в то время на оккупированной территории. В начале XXI века об этом написали Раиса

²²⁶ История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 418.

Лардо («У чужого порога», 2000), Рюрик Лонин («Детство, опаленное войной», 2004).

Как известно, детская литература является частью общей художественной литературы, но на вепском языке она тоже не развивалась. Писатели-вепсы реализовывали свои творческие способности на русском языке. Так, широкую известность получили повести для детей и юношества вологжанина Анатолия Петухова.

Специфику детской литературы определяют возрастные особенности детей, психология и педагогика. Раздел «Детская литература на вепском языке» появился в «Летописи литературной жизни Карелии» в 1988 году. Спустя пятьдесят лет, именно с публикаций произведений фольклора начинается вепсоязычная детская литература²²⁷.

Ее становление, как и у карелов, тесно связано с вопросами национального самосознания, восстановлением письменности и развитием литературной традиции. Современный вепский язык, начиная с 1980-х годов, развивается большей частью на средневепском наречии. Он близок к людиковскому и ливвиковскому наречиям карельского языка. К этому времени количество населения, говорящего по-вепски, сократилось.

Вепская детская литература возникла из потребностей просвещения. Если в 1920-е годы на первое место выходила ликвидация неграмотности, то в 1990-е годы просветительство заключалось в ознакомлении подрастающего поколения с языком, традициями вепского народа. В этот период писатели в своем творчестве обращаются к фольклору, к национальным традициям.

Национальное своеобразие в поэзии самым тесным образом связано с народным творчеством, с исторически сложившимися приемами создания образа, с художественными возможностями языка²²⁸. На рубеже XXI века перед пишущими на вепском языке авторами открылись новые возможности для органического слияния творчества с важнейшими проблемами жизни народа, выражения народ-

²²⁷ Библиографию детской литературы см.: Летопись литературной жизни Карелии (1987–1991) / Сост. Н. А. Прушинская, О. П. Кошкина, Э. П. Кемпинен. Петрозаводск, 1994; Летопись литературной жизни Карелии (1992–1996) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2010; Летопись литературной жизни Карелии (1997–2001) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2011.

²²⁸ Хурмеваара А. О национальной специфике литературы // Карельская литература. Сб. критич. ст. Петрозаводск, 1959. С. 136.

ных устремлений и чаяний, представлений о прекрасном. В известной степени литература на вепском языке, так же как и на карельском²²⁹, в этот исторический период переживала тот этап ускоренного развития, через который прошли младописьменные литературы Советского Союза в 1920–1930-е годы.

В начале 1990-х годов в литературу пришли люди, хорошо знающие вепский язык. Среди первых авторов-вепсов И. А. Спиридонова называла Н. Абрамова и Р. Лонина²³⁰. Рюрик Петрович Лонин (1930–2009) наиболее известен как создатель музея традиционной культуры вепского народа. Его деятельность охватывала музейное дело, фольклор и литературу. За вклад в изучение народной культуры Русского Севера он был удостоен медали им. Т. Г. Рябинина²³¹.

Р. Лонин родился в деревне Каскесручей Шелтозерского района Карельской АССР. С 1957 года жил в селе Шелтозеро Прионежского района. На протяжении многих лет он собирал фольклор вепсов. Результатом его работы стал выход нескольких книг, в которых он с большой любовью писал о малой Родине. Своими фольклорными книгами он завоевал любовь и признание простых людей Шелтозера – своих читателей. По мнению Н. Зайцевой, Р. Лонин достоин звания «Герой вепского народа»²³².

Большой интерес представляет творчество Р. Лони́на для детей. В 1987–1989 годах он преподавал вепский язык в Шелтозерской средней школе. В книгу „Minun rahvhan fol’klor“ («Фольклор моего народа», 2000), наряду с фольклорными жанрами для взрослых, он включил и произведения для детей. Это сказки, рассказы, стихи, песни, дразнилки, загадки, пословицы и поговорки. Все они были собраны им в разных уголках земли вепсов.

Собственно художественные произведения начинают появляться в его творчестве на уровне малых жанров. Первое стихотворение Р. Лони́на для детей „Kron’a“ («Ворон») было опубликовано в 1992 году в журнале „Kipinä“ и газете „Oma Mua“.

Тема детства и детей занимает особое место в публикациях Р. Лони́на. Вепским детям он посвятил стихотворение „Miide

²²⁹ Чикина Н. В. Проблема национального художественного самосознания // Вестник Поморского университета. 2006. № 8. С. 206.

²³⁰ История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 393.

²³¹ Лопаткин М. Гимн русскому крестьянину / Бесед. А. Цыганков // Карелия. 1995. 26 сент. С. 3.

²³² Kokorina J. Vepsän kul’turan kaičii // Verez tullei. 2011. S. 87–89.

lapsed“ («Наши дети»). Каждое четверостишие начинается именно с этой фразы «наши дети».

Miide lapsed nygunized
Nyvin elgetaze kirdj
Kāzis kehub opemine
Kaikea nygui om hiil...²³³

Наши дети теперешние
Хорошо понимают грамоту,
В руках горит учеба,
Все теперь у них есть...²³⁴

Кроме того, Р. Лонин в соавторстве с Н. Зайцевой перевел на вепсский язык евангельские истории «Иисус – детям». Такое внимание к ребятам объясняется тем, что Р. Лонин возлагал большие надежды на будущее поколение, которое продолжит традиции вепсов и не даст забыть им родной вепсский язык.

Первым писателем-вепсом, принятым в Союз писателей, был Николай Абрамов. Он известен в основном как поэт и переводчик для взрослых. Однако его творчество для детей тоже представляет большой интерес. Еще в своей первой книге „Koume-kümne koume“ («Тридцать три», 1994) в разделе „Kaivoine“ («Родничок») он опубликовал детские стихи, главной темой которых стало начало учебного года, животные, природа.

В стихотворении „Školha“ («В школу») Н. Абрамов описывает первое школьное утро, естественное нетерпение детворы перед началом учебного года:

Tatam läksi bolha,
Mecha māni dedam.
Minä astun školha,
Minä – ājan tedan...²³⁵

Мой папа ушел за брусникой,
В лес ушел мой дед.
Я шагаю в школу,
Я – много знаю...

Тема детской поэзии – первый день в школе – популярна. Н. Абрамов отходит от сложившейся в русской литературе традиции, где чаще всего стихотворение начинается с пейзажа. По мнению И. Свирской, «пейзаж не связан с настроением ребенка»²³⁶. Своей

²³³ Lonin R. Miide lapsed: Runo // Neuvosto-Karjala. 1988. 24. kesäk.

²³⁴ Здесь и далее без дополнительного указания подстрочный перевод с вепсского Н. В. Чикиной.

²³⁵ Abramov N. Koume-kümne koume: Runokirj. Petroskoi, 1994. S. 40.

²³⁶ Свирская И. О школьной теме в поэзии для детей // О литературе для детей. Вып. 2. Л., 1957. С. 296.

поэзией Н. Абрамов подтверждает это высказывание. В его стихотворении на настроение ребенка влияет то, что он умеет говорить и читать по-вепски.

В дальнейшем в школьном учебнике по вепсскому языку для 2 класса появится еще одно произведение Н. Абрамова о школе. Это веселый рассказ о том, чем деревенские школьники занимаются на уроке вепсского языка в сентябре:

Zirkložehe kacub Ol'a,
Johor nukkub, pästi pän.
Saubas sil'mäd ištub Kol'a,
Keza-aigad muštleb hän...²³⁷

В зеркало смотрит Оля,
Егор спит, опустив голову.
Закрыв глаза сидит Коля,
Летнее время вспоминает он...

Так же как и Р. Лонин, Н. Абрамов уделяет большое внимание детям. Главный редактор газеты „Kodima“ Н. Фомин назвал Н. Абрамова основоположником поэтического вепсского языка²³⁸.

В 1994 году вышел сборник песен для детей „Soitoinen“ («Дудочка»), основанный на произведениях устного народного творчества. В книге представлены излюбленные детьми жанры фольклора: колыбельные, игровые и хороводные песни, считалки, дразнилки. В сборник вошли как авторские песни, так и народные, в обработке Л. Мелентьевой. Часть песен была записана от Р. Лони́на.

Наиболее полно представлены колыбельные песни. Олитературные их формы перешли в репертуар вепсского детского хора села Шелтозеро. Самой яркой колыбельной сборника является песня „Baju, baju“ («Баю, баю»), само название которой уже содержит убаюкивающее слово.

Baju, baju, bajuški.
Armaz minun lapseine,
Pikaraine prihäine,
Hüvän radan radoižen...²³⁹

Баю, баю, баюшки.
Дорогое мое дитятко,
Маленький мальчик,
Хорошую делаю работушку...

²³⁷ Kukojeva N. A., Ginijatullina M. B. Vepsän kel': 2 klass. Petroskoi, 2009. S. 27.

²³⁸ Фомин Н. Н. Роль газеты Kodima в становлении литературного вепсского языка // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия. Петрозаводск, 2004. С. 156.

²³⁹ Melentjeva L. Soitoinen: Vepsän randan lapsiden pajod. Petroskoi, 1994. S. 9. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

В тексте колыбельной „Kätterajo“ содержатся слова, направленные на усыпляющие действия с повторением одного и того же рефрена:

Saupta, saupta sil'mäine.
Saupta, saupta toine.
Ala kule korvaine.
Ala kule toine (С. 11).

Закрой, закрой глазик.
Закрой, закрой другой.
Не слушай ушко.
Не слушай другое.

Как видно из приведенных выше примеров, поэтический язык колыбельных изобилует деминутивными формами слов. Особенно это свойственно именам существительным, которые часто имеют при себе уменьшительно-ласкательные суффиксы, а также именам прилагательным. В частности, заметно частое использование уменьшительно-ласкательного суффикса *-ine* вепсского языка.

Колыбельные песни бытовали в Карелии в нескольких разновидностях. Иногда они носят лирический характер, иногда эпический (распетые напевы рун, баллад, напевы, основанные на «говорке», чередуемом с возгласами)²⁴⁰. По содержанию и целям вепсские колыбельные имеют схожие черты с карельскими. Существенным отличием является более сильная аллитерация.

Впервые вепсские колыбельные песни были опубликованы в сборнике «Песни народов Карело-Финской ССР» в 1941 году. Музыкальная запись вепсских песен была произведена весной 1937 года в Ленинграде от приехавшего на декаду карельского искусства вепсского колхозного хора. Как отмечали составители сборника, «собираание вепсского фольклора только начинается. Между тем, уже первые записи показали, что вепсские песни представляют исключительный интерес в художественном и научном отношениях»²⁴¹.

Уже тогда они сочетали в себе народную традицию и современные сюжетные тенденции. В колыбельной «Баю, баю...» укачивающая мальчика женщина сообщает ему о местонахождении матери:

²⁴⁰ Карельские народные песни. М., 1962. С. 19.

²⁴¹ Песни народов Карело-Финской ССР: сб. карел., вепс. и рус. песен / Сост. В. П. Гудков, Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941. С. 6.

Баю, баю Пешад, баю
 Баю, баю Пешенькад
 Жаланныяд Пешенькад
 Эйля мамадайж кодиш;
 Мамайж колхозас раддаб,
 Мамайж суурил радэйжил...

Баю, баю, баю Петю
 Баю, баю Петеньку
 Петя мой желанненький
 Нету дома маменьки;
 Во колхозе мать у нас,
 На работе мать сейчас...²⁴²

По мнению эстонского исследователя Х. Тампере, «новые взгляды в деле воспитания ... отвергали целесообразность укачивания ребенка в колыбели. В связи с этим стали естественным образом исчезать и колыбельные песни»²⁴³.

А. Л. Налепин писал: «Для отечественной науки и литературы фольклор всегда представлял не только научный и эстетический интерес, но прежде всего ставил проблему отражения в фольклоре национального самосознания, что всегда важно для *этнической самодентификации*»²⁴⁴.

Главным героем игровых песен сборника «Дудочка» является кошка. Основной прием – это многократное повторение одних и тех же слов. Песни для самых маленьких включают в себя многократное повторение простых слогов типа: ёйра, ёйра; кот, кот.

Считалка „Üks’, kaks’, koume, nel’l’...“ («Один, два, три, четыре...») не только помогает выбрать водящего, но и рассказывает о расписании дня школьника:

Üks’, kaks’, koume, nel’l’,
 Olem kodiš: sizar i vel’l’.
 Pühkim, pezem, puhtastam,
 Mamale mö abutam (С. 23).

Один, два, три, четыре,
 Мы дома: сестра и брат.
 Подметаем, моем, чистим,
 Маме помогаем.

Опора на вепсский фольклор при создании детской художественной литературы была вызвана жизненной необходимостью. В то же время произведения устного народного творчества легко доступны детям и захватывают воображение юного читателя. С точки

²⁴² Песни народов Карело-Финской ССР: сб. карел., вепс. и рус. песен / Сост. В. П. Гудков, Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941. С. 83.

²⁴³ Tampere H. Eesti rahvalaule viisidega, III. Tallinn, 1958. S. 152.

²⁴⁴ Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М., 2009. С. 11.

зрения языка, формы, педагогической ценности, это был богатый материал для детского чтения. Завершают книгу переводы финских народных песен на вепсский язык, сделанные М. Муллонен и Н. Зайцевой.

В коллективном сборнике рассказов и стихов „Kodirandaine“ («Родной край», 1996) был опубликован цикл стихов для детей Алевтины Ивановны Андреевой (1938–2001). Она родилась в селе Шелтозеро Прионежского района. В большой семье Логачевых было десять детей, пятеро из которых умерло во время Великой Отечественной войны. Мать А. Андреевой – Анастасия Логачева – была известным человеком в родном селе. Она знала много вепсских сказок, древних обычаев, обрядов и традиций, и передала их всем дочерям, но больше всего младшей Алевтине. В семье Логачевых говорили по-вепски, но А. Андреева знала и финский язык, так как в годы оккупации ходила в финский детский садик²⁴⁵.

В 2003 году в ее авторском сборнике „Koivuine“ («Березонька») был выделен раздел „Runod lapsile“ («Стихи детям»), главная тема которого – природа родного края. Именно любовь к своей малой родине, односельчанам и вепсскому языку привела А. Андрееву в ряды писателей. Жители села Шелтозеро с благодарностью вспоминают «родную дочь»²⁴⁶.

Говоря о стихах А. Андреевой для детей, надо сразу же отметить ее верность вепсской народной поэзии, которая характеризуется наличием различных народных сравнений и метафор, делающих произведения для малышей более интересными и забавными. В стихотворении „Edenoi“ («Улитка») она использует различные детские названия моллюска: kiloi-kaloi, čirvoi-karvoi, lizoi-lazoi, rogoi. Все это расширяет словарный запас ребенка:

Kiloi-kaloi – lehtisel
Čirvoi-karvoi – heinäizel
Lizoi-lazoi – senel
Rogoi – senel penel...²⁴⁷

Килой-калой на листочке,
Чирвой-карвой на травинке,
Лизой-лазой – на грибе,
Рогой – на грибочке...

(Перевод Н. Зайцевой)

²⁴⁵ Савкина С. Сохраним память // Kodima. 2008. № 12 (talvik.).

²⁴⁶ Smolina L. „Kodimal om minun südäin...“ // Verez tullei. 2011. S. 78–82.

²⁴⁷ Andrejeva A. Koivuine. Petroskoi, 2003. S. 56. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

В стихотворении-побудке „Nouze, laps“ («Вставай, дитя») автор сравнивает ребенка со спящим стогом сена, спящей копной, поросеночком. Как пишет Н. Г. Зайцева, «А. Андреева как знаток и ценитель фольклора умеет заинтересовать детей рифмованными загадками, считалками, поговорками, которые все шире используются детьми в своих забавах»²⁴⁸. Вот одна из таких считалок:

Jäniš hahkoi, heinād ratkoi,
Laučale pani, irdale māni,
Ken sen heinān otab,
Se vāndon jātab.
Lāhte poiš!

Серый зайчик сено рвал,
На лавку клал, на улицу ушел,
Кто то сено возьмет,
Тот из игры уйдет.
Вон из игры!²⁴⁹

Характерной особенностью детской поэзии А. Андреевой является использование автором суффикса –ine. В вепсском языке он может иметь разные значения: уменьшительно-ласкательный, служить признаком уважительности, быть составной частью корня слова. В произведениях поэта встречаются слова с суффиксами первого и третьего значения. Они придают стихотворениям особый колорит. Языковеды отмечают меткий язык стихов А. Андреевой. Благодаря ее исторической памяти многие слова и фразеологические обороты впервые стали известны ученым. Например, в стихотворении „Mustikaine“ («Черничка») появилось слово «бобренок»:

Mustikaine, mustikaine,
Sinä ilomarjaine!
Oled maged-magedaine,
Oled lahed-lahedaine,
Oled redumajagaine... (С. 66)

Черничка, черничка,
Ты ягодка веселья!
Ты сладкая-сладенькая,
Ты свежая-свеженькая,
Ты, как грязнуля-бобренок...

(Перевод Н. Зайцевой)

По мнению А. Л. Налепина, «обращение литературы к фольклору всегда зависит от конкретных исторических условий. Активное освоение литературой фольклорного наследия происходит обычно в годы наивысшего социально-общественного подъема, на стыке слома общественно-политических систем, когда возникает повы-

²⁴⁸ История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 428.

²⁴⁹ Зайцева Н. Алевтина Андреева: Услышь меня, Онего...: Вепсская литература: в начале пути // Kodima. 1999. № 9 (reduk.).

шенный интерес общества именно к народной культуре, и народ как ее носитель начинает осознаваться новой творческой силой истории»²⁵⁰. Творчество Р. Лонина, Н. Абрамова, А. Андреевой, Н. Зайцевой стало развиваться именно в один из таких периодов, а именно в 1990-е годы XX века.

Признанием существования вепсской литературы послужило участие вепсов в крупных международных научных литературных мероприятиях. В частности, в 2002 году в городе Кухмо (Финляндия) прошел I съезд вепсских писателей. На нем присутствовали представители Карелии, Финляндии, Вологодской и Ленинградской областей. Карелию на этом съезде представляли Н. Зайцева, Н. Фомин, О. Мошников, Н. Абрамов, Р. Лонин.

Писатели-вепсы стали постоянными участниками Международного конгресса финно-угорских писателей. В 2008 году темой конгресса было будущее финно-угорских литератур. От Карелии выступили О. Мошников и О. Жукова.

Вепсоязычная литература молода и положительным является то, что в нее пришло молодое поколение писателей. Среди представителей молодежи особо выделяется творчество Ольги Жуковой (род. 1978 г.). Она родилась в деревне Курба Подпорожского района Ленинградской области. После окончания Петрозаводского государственного университета осталась там работать в качестве преподавателя вепсского языка. В 2009 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Языковые особенности вепсских обрядовых причитаний».

В детстве Оля любила читать сказки, а позднее стала и сама их писать²⁵¹. В журнале „Kiriinä“ № 4/1994 была опубликована сказка Оли Ершовой (ныне Жуковой) „Kuspäi neglikol ota neglad?“ («Откуда у ежа иголки»). Позднее О. Жукова станет постоянным автором журнала. На страницах „Kiriinä“ она публикует свои оригинальные произведения, а также переводы на вепсский язык. Рассказ «Kut mō kuzen valičim» («Как мы выбирали елку») повествует о подготовке к празднованию Нового года. Герои рассказа – папа и сын – отправляются в лес за елкой. Когда они выбирают нужную, они просят у

²⁵⁰ Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М., 2009. С. 281.

²⁵¹ Nuori Karjala. Petroskoi, 2006. S. 77.

нее прощения за то, что срубят ее: „Kuzine, prosti, ala kurktu meiden päle!“²⁵² («Елочка, прости, не сердись на нас!»).

Здесь мы сталкиваемся с мифологическими представлениями вепсов о том, что ель – живое существо. Как и сосна, это дерево считалось у вепсов священным, и рубить ее было нельзя. И. Ю. Винокурова писала: «Ель у вепсов считалась оберегом, поскольку расположение иголок на концах веток напоминало крест»²⁵³.

В сборнике „Nuori Karjala“ («Молодая Карелия», 2006) было опубликовано две сказки О. Жуковой: „Jäpuraz“ («Сосулька») и „Kuna jokseb ojaïne?“ («Куда бежит ручеек?»). В 2011 году она составит сборник вепсских сказок „Iče kulin, iče nägin=Сам слышал, сам видел“, в который войдут одиннадцать народных произведений.

Стихотворение О. Жуковой (Ершовой) „Kodiživatoiden pagin“ («Разговор домашних животных») было переведено на эстонский язык и опубликовано в сборнике финно-угорской литературы „Kuut õõ“ («Горячая ночь», 2006). Все это говорит об особом поэтическом даре автора. В 2011 году оно войдет в ее книгу „Mäthudel“ («На пригорке»). О. Жукова пишет стихи о животных, растениях, временах года. Характерной особенностью ее поэзии, как и у А. Андреевой, является использование уменьшительно-ласкательного суффикса – *ïne*. Практически в каждом стихотворении встречаются слова с ним. Например, *päiväïne, vihmaïne, bolaine*. Вот как звучит стихотворение про цыпленка:

Tipi-tipi, cīpuine,
Penikaine, pakuine,
Pehmed sinä tukuine,
Kanan-maman poigaine²⁵⁴.

Цып-цып, цыпленок,
маленький, желтенький,
мягкий ты комочек,
Курицы-мамы сыночек.

Участие женщин-вепсянок оставило заметный след в становлении и развитии культуры Карелии. Вепское национальное движение затронуло образование, национальную политику. В 1989 году было организовано «Общество вепсской культуры», которое возглавила этнолог, кандидат исторических наук З. И. Строгальщикова²⁵⁵.

²⁵² Žukova O. Kut mõ kuzen valičim: Kedomus // Kipinä. 2009. N:o 1. S. 18.

²⁵³ Винокурова И. Ю. Мифология и верования // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 435.

²⁵⁴ Žukova O. Mäthudel. Petroskoi, 2011. S. 4.

²⁵⁵ Mašin A. Maailman tunnetuin vepsäläinen // Carelia. 2008. N:o 12. S. 131–134.

С этого момента Общество стало курировать все вопросы, связанные с вепсами, как на территории Карелии, так и в Ленинградской и Вологодской областях, где проживают вепсы.

Результатом многолетнего сотрудничества «Общества вепсской культуры» и Международного института перевода Библии (Швеция) и его финно-угорского отделения (Финляндия) стало издание Библии на вепском языке. Первым приступил к переводу библейских текстов Р. Лонин. В 1991 году появились его рассказы для детей о жизни Иисуса „Iisusan elo“.

В 1996 году вышла „Lapsiden Biblii“ («Детская Библия»). В ней были представлены сюжеты Старого и Нового Завета. По мнению Н. Зайцевой, «переводы таких философских текстов, каковым является Библия, позволили поднять со дна памяти и ввести в активный запас весь словарный фонд вепского языка, помогли вспомнить уже, казалось, совсем забытые слова, дали возможность совершенно другими глазами взглянуть на родной язык»²⁵⁶. «Появление Библии на вепском языке стало большим шагом в становлении литературного языка», – отмечала С. Егорова²⁵⁷.

Среди женщин-литераторов следует выделить Нину Григорьевну Зайцеву (род. 1946). Она родилась в деревне Марково Бабаевского района Вологодской области. Еще в студенческие годы ею была написана научная статья о влиянии русского языка на вепский. После окончания Вологодского педагогического института (1969) она пришла на работу в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР (ныне Карельский научный центр Российской академии наук).

Работая в секторе языкознания, в 1975 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Именное словоизменение в вепском языке (история и функционирование форм слова)», в 2002 году – докторскую диссертацию на тему «Вепский глагол». С 1997 года – заведующая сектором языкознания. Совместно с М. И. Муллонен разработала основы воссоздания вепской письменности, которые были утверждены в 1989 году. С появлением письменности у вепсов открылись новые перспективы перехода от устного народного творчества к собственно литературе. В третьем томе «Истории литературы Карелии» Н. Г. Зайцева написала главу о вепской литературе 1990-х годов.

²⁵⁶ История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 432.

²⁵⁷ Егорова С. Шаг в мировую литературу // Карелия. 1996. 4 окт. С. 9.

Свою творческую деятельность она начала как редактор газеты „Kodima“ («Родная земля»), выходящей в Карелии на вепсском языке. Работая в газете, Н. Зайцева сама много переводила, писала стихи и небольшие рассказы для учебников, выступала за возрождение вепсского языка. В 2008 году главный редактор газеты М. Б. Гиниятуллина так писала о Н. Зайцевой: «Она является автором и соавтором практически всех учебников для школ по вепсскому языку, переводчиком Библии для детей, Нового Завета [„Uz’Zavet“, 2006. – Н. В. Ч.] на вепсском языке, редактором всех книг, вышедших на вепсском языке»²⁵⁸.

Большое значение для карелов и финнов представляет эпос «Калевала». Общеизвестно, что руны «Калевалы» были записаны Элиасом Леннротом в Северной Карелии. Эпос является уникальным образцом поэтического слога и литературным памятником карельской поэзии, основой которого является карельский язык. Значительным событием явилось появление вепсской версии.

В 2003 году Н. Зайцева перевела «Калевалу» на вепсский язык. По мнению А. Мишина, тем самым она внесла большой вклад в развитие вепсского литературного языка²⁵⁹. После перевода «Калевалы» Н. Зайцева приступила к написанию вепсского эпоса. Итогом ее работы стало появление сразу двух версий „Virantanaz“ («Вирантаназ», 2012) для взрослых и детей. Вепсы называют Н. Зайцеву «вепсской матерью». Такое высокое звание она получила заслуженно.

Свое поэтическое творчество Н. Зайцева представила в сборниках „Izo Lizoi“ («Милая Лиза», 2005) и „Vauktan unen süles“ («В объятиях бессонницы», 2008). Об успехе на литературном поприще говорит и тот факт, что при подведении итогов республиканского конкурса «Книга года» ее «Милая Лиза» была удостоена третьей премии в номинации «Лучшая книга для детей 2005»²⁶⁰. Н. Зайцева была принята в Союз писателей в 2009 году.

Ее творческое наследие изучено мало. С самого начала Н. Зайцева доказала, что она наблюдательный поэт, пишущий для детей и о детях. Свой первый сборник она полностью посвятила девочке Лизе.

²⁵⁸ Гиниятуллина М. Б. Газете Kodima – 15 лет // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апр. 2008 г.). Петрозаводск, 2008. С. 184.

²⁵⁹ Mišin A. Kalevala vepsän kielellä // Carelia. 2004. N:o 11. S. 131.

²⁶⁰ Abramov N. Kaiked hüväd, izo Lizoi! // Kodima. 2006. № 1 (viluk.).

Читатель сразу же знакомится с юной героиней и понимает, что она еще очень мала, так как даже не умеет говорить. Но время идет и Лиза растет. Первым сложным препятствием для нее являются ступеньки „Pordhaižed“:

Seižun pordhaižel,
Ani korktaižel.
Kacun ülähän,
Lugen pordahad...²⁶¹

Стою на ступеньках,
На очень высоких.
Смотрю наверх,
Считаю ступени...

В жизни девочки появляются первые игрушки. Стихотворение „Mäčut“ («Мяч») по сюжету схоже с известным одноименным стихотворением А. Барто. В стихотворении „Laukas“ («В магазине») Лиза выбирает себе зайчика. Н. Зайцева здесь продолжает традиции карелоязычной детской литературы, где почти у каждого поэта есть стихотворение о зайце²⁶². Выбор поэтов в данном случае сложно объяснить, так как для большинства детей любимой игрушкой является медведь.

Ряд стихотворений описывает детские занятия: игры детей со снегом, рисование, купание в реке. В произведениях мы видим ребенка-современника. Например, плавают дети в очках и ластах. Не забывает поэт познакомить детей и с природой. На ее «лесных» уроках читатель встретится с медведем, лисой, сорокой. Узнает о таких годах как черника, поленика, земляника, брусника.

Очень часто в стихотворениях рифма осуществляется за счет повтора предложений типа *minun sizar Lizoī, minun sizar izo*. С одной стороны, это облегчает детям запоминание стихотворений, с другой – может служить показателем творческой молодости поэта.

Говоря об образности поэтической речи, следует обратить внимание на такие ее компоненты, как сравнение и эпитет. Например, снег у Н. Зайцевой блестящий, как серебряные деньги. Не обошла вниманием Н. Зайцева и колыбельную, излюбленный жанр вепсов. В стихотворении „Maman kättepajo“ («Колыбельная матери») использован типичный для прибалтийско-финских колыбельных припев *tuuti, tuuti*:

²⁶¹ Zaiceva N. Izo Lizoī. Petroskoi, 2005. S. 4. В дальнейшем ссылки на эту книгу с указанием страницы даются в тексте главы.

²⁶² Подробнее об этом см.: Chikina N. Karjalankielinen lastenrunous Karjalan tasavallassa // Kirändüs/kiil veidembüsen. Võro, 2009. S. 71–76.

Tutuine-tutoi,
Bajuine-bajoi.
Magada, kuldoi,
Pajatan pajoid... (С. 12)

Тутуйне-тутуй,
Баюйне-баёй.
Спи, золотая,
Пою песню...

Данный зачин начинается песню и в несколько измененном виде заканчивает ее. На этом примере мы видим использование автором деминутивных суффиксов, традиционных ласковых обращений к ребенку.

По мнению А. Мишина, Н. Зайцева первая из вепских поэтов, которая заговорила о семье. У нее есть стихи о матери, бабушке, дочери. Прежде вепсоязычные поэты писали о малой родине, родной природе, языке и проблемах народа. В своих произведениях для детей Н. Зайцева затрагивает наиболее знакомые и понятные детям темы. Ее стихи в своем развитии обусловлены качественно новыми социальными, идейными и эстетическими факторами.

В книге «В объятиях бессонницы» Н. Зайцева выделила раздел „Runod lapsile“ («Стихи детям»). Стихотворение „Ilosine kirjamišt“ («Веселый алфавит») в забавной форме облегчает детям запоминание названия букв. Короткие четверостишия дают первые представления о животных (кошке, овечке, курочке, петушке).

По мнению Н. Зайцевой, «несмотря на многочисленные предсказания о скорой ассимиляции языков, находящихся под угрозой исчезновения (относительно вепского языка подобные прогнозы существовали уже в XIX веке, но появление его новописьменных традиций и литературы является не мифом, а реальностью начала нового столетия)»²⁶³.

Активная творческая позиция Н. Зайцевой привела к тому, что она стала героиней произведений других авторов, например Л. Харитоновой „Voilahtan tütär“ («Дочь Войлахты»). В стихотворении О. Мошникова «Корешки» показан весь жизненный путь Н. Зайцевой. Здесь мы встречаемся с мифологическим образом «дерево-человек». О. Мошников сравнивает Н. Зайцеву с сосной. В детстве – это была девочка-сосенка. Поэт пишет: «Вровень с крошкой-сосенкой/ Девочка была...». Потом девочка выросла, защитила дис-

²⁶³ Зайцева Н. Новописьменные языки, диалекты, литературы // *Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus. Pars II.* Joshkar-Ola, 2005. S. 59.

сертации, занялась переводами, вышла на мировой уровень и стала «человеком-сосенкой».

Само название стихотворения указывает на связь со своими корнями. Любое дерево держится ими за землю, так и человек должен придерживаться своих «корней». Завершается произведение выводом:

Восприятье детское,
Выплеснув в стишки:
Держат Древо вепское
Эти корешки!²⁶⁴

Наряду с другими авторами, Н. Г. Зайцева приняла активное участие в создании учебной литературы, сама написала и перевела целый ряд художественных произведений, отвечающих обучающим целям. В отличие от 1920–1930 годов, создание учебной литературы на рубеже XX–XXI веков будет концентрироваться в Петрозаводске, где на тот момент проживали основные силы творческой интеллигенции. С введением в 1990-е годы преподавания вепского языка в школах и вузах Карелии, встал вопрос о создании учебников. Этого требовал образовательный процесс, и они появились.

В 1991 году выходят сразу два букваря: один на кириллице (Р. Ф. Максимовой и Э. В. Коттиной), второй на латинице (Н. Г. Зайцевой и М. И. Муллонен). Было принято решение вести обучение вепскому языку на латинской графической основе. В последующие годы появятся учебники по вепскому языку, словари, разговорник.

Сразу же за букварем Н. Зайцева и М. Муллонен готовят книгу для чтения для второго класса „Lugem i pagizem vepsäks“ (1991). В нее вошли произведения Н. Абрамова, А. Андреевой, А. Петухова, произведения фольклора и переводы рассказов Н. Носова, В. Сутеева и В. Осеевой.

Творческий дуэт Н. Зайцевой и М. Муллонен создаст в 1994 году книгу для чтения „Ičemoi lugemišt“, адресованную школьникам 3–4 классов. В отличие от предыдущей книги, в этом учебнике было расширено количество авторов, а также разнообразилась тематика произведений. Здесь мы встречаемся с переводами на вепский язык произведений карельских (В. Брендоев), советских (Н. Носов, В. Сутеев, Е. Чарушин) и финских (С. Топелиус) авторов. Также представлен вепский фольклор, стихи и рассказы на вепском

²⁶⁴ Мошников О. Корешки // Kodima. 2006. № 5 (semendk.).

языке Н. Абрамова, В. Ершова, А. Петухова. Школьников знакомят с финно-угорским фольклором, в частности, с карельским, эстонским, саамским.

Книга для внеклассного чтения „Meiden sana“ («Родное слово», 1998) состояла из пяти разделов: времена года (четыре) и дополнительное чтение. Авторы книги А. Коттина, А. Максимов и Н. Зайцева включили в нее произведения русской и советской классики, фольклор, вепсскую литературу. Стихи А. Андреевой, Н. Абрамова, С. Есенина, рассказы В. Осеевой и В. Бианки делают внеклассное чтение интересным и познавательным.

Под редакцией Н. Зайцевой вышла книга для чтения на вепсском языке „Ičemoi londuz“ (2000) И. Бродского, в которой содержались рассказы о родной природе. В 2004 году было издано учебно-наглядное пособие Е. Кочериной „Opendam vepsän kel’ t“ («Учимся говорить по-вепски»).

Формирование единой идеологии литературы оказывает прямое воздействие на структуру книгоиздания. Это проявляется в отношении нового и переиздаваемого, отечественного и зарубежного, приоритетных языков, тем, жанров, авторских имен. Школа всегда выполняет функции идеологического центра²⁶⁵.

В основном вся детская литература была сосредоточена в учебной литературе. Из 28 книг, выпущенных издательством «Периодика» за 2004–2006 годы²⁶⁶, на долю учебной литературы на вепсском языке выпало издание 1 книги, на карельском – 3, на финском – 0.

С учебной литературой тесно связана и переводная. Как мы видели на примере книг для чтения на карельском и финском языках, основная часть русской и советской классики входила в учебники в виде переводов. Частично этот вопрос уже был освещен выше. В книгах для чтения на вепсском языке мы встречаемся с таким же подходом.

Проанализировать количество переводов детской литературы на вепсский язык, вышедших отдельными изданиями, не представляется возможным из-за их малого количества. С 1991 года вышло только пять книг: В. Лукконен «Неудачная рыбалка» (1992), «Калевала» (2003), Н. Силакова «Настоящие друзья» (2006) и «Белая ночь» (2009), Т. Щербакова «Анечке и Венечке – любимым внукам» (2010).

²⁶⁵ Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 138.

²⁶⁶ Подробнее список книг см. INF № 7. Петрозаводск, 2006. С. 36–37.

На страницах периодической печати для детей публиковались переводы произведений советских авторов Е. Чарушина, Н. Носова, В. Бианки, карельских писателей В. Фирсова (сказки), В. Брендоева (стихи). В отличие от карелоязычной и финноязычной литератур, практически нет переводов русской классики. Одним из исключений является перевод седьмой главы поэмы «Евгений Онегин» А. Пушкина, появившийся в 1999 году (пер. Н. Абрамов).

По мнению Н. Г. Зайцевой, переводить известные произведения не стоит пока «не стабилизируются нормы орфографии, не будут разработаны основы литературного стиля»²⁶⁷. Вместо них она предлагает переводить произведения фольклора.

В настоящее время все силы писателей направлены на создание оригинальных произведений на вепсском языке. По мнению венгерского ученого Л. Керестеша, «самое важное то, чтобы писалось как можно больше произведений на искусственно созданном и отрегулированном литературном языке»²⁶⁸.

Тем не менее, развитие переводной литературы на вепсском языке необходимо. Это позволит знакомить юных читателей с произведениями русской и советской классики на родном языке. Посредством перевода будет развиваться вепсский литературный язык. К тому же, «переводы давали и дают возможность для некоторой модернизации языка. Средством для этого является развитие лексики»²⁶⁹. Все это необходимо для молодой вепсской литературы. В настоящее время репертуар для чтения у вепсских детей явно недостаточный.

Не менее важным является наличие спроса на художественную литературу, т. е. помимо писателей, нужны и читатели. Проблеме взаимосвязи писателя и читателя был посвящен IX Международный конгресс финно-угорских писателей, который прошел в 2006 году в Петрозаводске. Тема конгресса была «Писатель – литература – читатель». Участники конгресса отмечали, что во всем финно-угорском мире отмечается снижение интереса к книге. Так, к

²⁶⁷ Зайцева Н. Г. «Калевала» и вепсский язык: некоторые проблемы семантики и грамматики в контексте перевода // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 369.

²⁶⁸ Керестеш Л. Вопросы литературных языков финно-угорских народов в плане новейших переводов Библии // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Orationes plenariae. Piliscsaba, 2010. S. 169.

²⁶⁹ Ibid. S. 175.

литературе на вепсском языке проявляют интерес специалисты, студенты и школьники, т. е. ограниченный круг читателей. К нему еще добавляются представители других финно-угорских республик и стран, но процент их незначительный.

Как показал статистический анализ, сделанный учителем финно-угорской школы им. Э. Леннрота в Петрозаводске Н. Петровой, количество желающих изучать вепсский язык из года в год сокращается. Если в 1994 году в первый класс пришло 15 учеников, то в 2011 – один. А с 2005 по 2012 годы выпускников в девятом и одиннадцатом классах со знанием вепсского языка вообще не было²⁷⁰. Можно сделать вывод, что родители не заинтересованы в изучении детьми вепсского языка, отдавая большее предпочтение финскому и карельскому.

Учебный процесс тесно связан с литературой. В настоящее время литература на национальных языках (финском, карельском, вепсском) не в состоянии конкурировать с литературой на русском языке. М. Славова выделяет несколько основных факторов, воздействующих на создание, распространение и рецепцию художественного продукта, называемого «детская книга»: 1) создатели (писатели и иллюстраторы); 2) издатели и распространители; 3) посредники между ними и потребителями (библиотекари, учителя, родители); 4) потребители (дети)²⁷¹.

На каждом из этапов должно учитываться то, что потребителями являются дети. Писатели и иллюстраторы, создавая книгу, учитывают особенности детской психологии, издатели – особенности детского восприятия. Самая сложная задача у посредников, так как именно им придется знакомить ребенка с книгой.

Например, «Калевала» на вепсском языке, так же как и „Vepsläžed sarnad“ («Вепсские сказки», 2006) были сразу же включены педагогами в учебный процесс. Учитель вепсского языка Н. А. Кукоева отмечала: «Особое внимание обучающихся уделяется изучению всемирно известного эпоса „Калевала“ и знакомству с жизнью и деятельностью Элиаса Леннрота, чтению рун на вепсском языке, а также сказок, записанных им во время экспедиции к вепсам

²⁷⁰ Petrova N. Suomalaiz-ugrilaine škol i vepsän kelen opendammine // Verez tullei. 2011. S. 85–86.

²⁷¹ Славова М. Детская книга – в пути или в тупике? // VI World Congress for Central and East European Studies. Abstracts 29 July-3 August 2000 Tampere, Finland. Tampere, 2000. S. 397.

в 1842 году»²⁷². Так же как и в 1930-е годы преподавание литературы включено в обучение языку. Необходимо развитие более тесных контактов между авторами детских книг и учителями, а также библиотекарями, так как последние могут решительным образом повлиять на литературную социализацию детей.

Период конца XX начала XXI века в учебной и переводной литературе, так же как и во всей детской литературе на вепском языке, можно назвать периодом становления. Шло активное развитие вновь принятых языковых норм. Вепские писатели призывали юных читателей любить свой родной язык, край, знать его историю, помогать взрослым и ценить дружбу.

За два десятилетия существования детской литературы на вепском языке у нее сложилась своя традиция, корнями уходящая в устное творчество народа. К 2010 году была заложена основа для создания детской литературы на вепском языке. В области детской поэзии и прозы продолжают трудиться Н. Абрамов, Н. Зайцева, О. Жукова.

* * *

Развитие детской литературы на вепском языке происходило неравномерно. В 1920-е годы основная задача, которую решала литература, заключалась в просветительстве. Основной целью литературы конца XX – начала XXI века стало сохранение вепского языка.

В зависимости от этого определялась тематика произведений. На современном этапе в детской литературе преобладают традиционные ценности, эстетика народа, обращение писателей к фольклорно-художественной традиции. Так, в вепсоязычной детской литературе не нашли место события коллективизации, борьбы с «кулаками», изображение героя, борющегося за мир и независимость страны, прекрасное будущее.

В литературных героях легко отыскать черты современника. Школа, родной край и его природа – вот основные темы, над которыми работают писатели. Это лишний раз объясняет, что сюжеты

²⁷² Кукоева Н. А. О преподавании вепского языка в МОУ «Средняя общеобразовательная финно-угорская школа им. Элиаса Леннрота» г. Петрозаводска // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апр. 2008 г.). Петрозаводск, 2008. С. 176.

детских произведений были направлены на созидательность, вопросы политической истории не являлись для них основными.

Как в тематическом, так и в жанровом отношении вепсская детская литература еще довольно ограничена. Наиболее плодотворно развивается поэзия. Нет исторических и научно-фантастических повестей, нет романов. Нет драматических произведений. Среди жанров выделяются стихотворение и рассказ. Нет изданий, предназначенных для детей в возрасте до 5–6 лет и направленных на развитие навыков чтения и счета, логического мышления, внимания, познания окружающего мира.

Несмотря на то, что вепсская детская литература еще так молода, она является составной частью литератур финно-угорских народов. Стихи, проза, переводы Библии, публицистика, учебные пособия для школ и вузов, книги для чтения – сегодня это уже совершенно реальные шаги на пути становления вепсской литературы, испытывающей несомненное влияние устного народного творчества²⁷³.

В 2011 году был выпущен первый альманах на вепском языке „Verez tullei“ («Свежий ветер»). В него включены произведения прозы, поэзии, переводы на вепсский язык, произведения для детей, критические статьи. Среди авторов, опубликовавших свои рассказы и стихи для ребят, уже хорошо известные Н. Абрамов, Н. Зайцева, О. Жукова.

Вепсская детская литература переживает сейчас период своего становления, но о ней уже и теперь можно с полной уверенностью сказать, что она вносит свой вклад в развитие детской литературы Карелии.

²⁷³ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск, 1999. С. 27–28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение детской национальной литературы Карелии имеет большое значение, так как с ним связано формирование традиций художественной словесности на финском, карельском и вепсском языках. В ходе работы были проанализированы явления, тенденции и закономерности художественного процесса в детской национальной литературе, создаваемой на финском, карельском и вепсском языках во всем богатстве тематики, проблематики, мотивов, художественных форм и стиля.

Очевидно различие в уровнях финноязычной, карелоязычной и вепсоязычной литератур. Если литературный язык карелов и вепсов только формируется, то финский литературный язык насчитывает вековую историю. Следует учитывать и тот факт, что вторым литературным языком в Карелии, наряду с русским, всегда был финский. Поэтому литература на нем развивалась на протяжении всего XX века, не имея в своем развитии каких-либо длительных перерывов.

Благодаря писателям-просветителям литература на карельском языке получила свое развитие еще в начале XX века, но так как их было мало и профессионально они этим не занимались, отсутствовал круг читателей, процесс развития литературного языка застыл. Вновь к созданию литературы на карельском языке обратились после образования Карельской Трудовой Коммуны в 1920 году, но период этот был недолгим – всего 20 лет.

Влияние русского и финского языков приводило к тому, что литература на карельском языке существовала то на кириллической графической основе, то на латинской. Все это тормозило формирование единого литературного языка. После длительного перерыва в 50 лет развитие карелоязычной литературы возобновилось.

В начале XXI века литература на карельском языке в Республике Карелия существует на всех трех наречиях: ливвиковском, людиковском и собственно карельском. В основу положена латинская графическая основа. Все три существующих наречия получили возможность формировать литературу на них во всем своем своеобразии.

Главной задачей карелоязычной литературы остается создание единой литературной формы. К сожалению, до сих пор вместо объединения предпринимаются попытки развивать указанные выше три наречия карельского языка. Это представляет дополнительные трудности для детской литературы, так как усложняется процесс создания художественной, переводной и учебной литературы. Надо учитывать тот факт, что период объединения диалектов при формировании литературного языка пережили многие национальные литературы.

Детская литература на финском, карельском и вепском языках развивалась с учетом национальных традиций каждого народа, формировалась посредством взаимодействия условий и влияний. В этом проявилась ее специфика.

Общим для всех литератур является обращение в большей или меньшей степени к устному народному творчеству, так как фольклор является проявлением народного духа, носителем эстетической нормы, побуждает желание творить и воссоздавать знакомые образы. Национальная специфика проявляется в художественных средствах, таких как метафора, сравнение, гипербола, эпитет. Их мы находим в произведениях П. Пелля, М. Пахомова, Р. Ремшуевой и других. В последние двадцать лет такое же активное обращение к фольклору отмечается и в волжско-финских, и пермских детских литературах.

По мнению немецкого исследователя У. Карс, «ретроспективное осмысление старых ценностей и норм, передаваемых в фольклорных текстах, может помочь молодым людям в поисках своих культурных корней и тем самым способствовать формированию национальной идентичности»²⁷⁴.

За весь период развития детской национальной литературы Карелии основным жанром в поэзии остается стихотворение, в прозе – рассказ и повесть. Такие крупные жанры как поэма и роман так и не появились. Делаются попытки в области драматургии. Развитие детской национальной литературы – это поиск новых нравственных, морально-духовных, эстетических форм, внутренних и внешних отношений между людьми.

Изучая современные произведения национальных авторов, можно отметить некоторые недостатки в психологической оценке

²⁷⁴ Kahrs U., Schötschel M. Literatursoziologische Entwicklungen bei Wolgafinnen und Permiern (1985–2008). Hamburg, 2011. S. 221.

характеров детей. Писатели забывают, что современные дети отличаются от своих сверстников периода СССР не только интересами, развитием, но, прежде всего, свободой мышления, т. е. внутренней, духовной свободой. Они не застали октябрятских звездочек, пионерских отрядов и комсомольских собраний. Сейчас перед детьми нужно ставить задачу освоения культуры чтения.

Для привлечения внимания детей к литературе на национальных языках ежегодно проводятся республиканские и школьные конкурсы среди учащихся на лучшее художественное произведение на финском, карельском и вепском языках.

В 1997 году была утверждена ежегодная стипендия имени карельского писателя Яакко Ругоева, которая выплачивается одаренным в области литературы студентам, пишущим на национальных языках. В разные годы ее удостоились: Е. Богданов, Т. Титова, К. Коротких, Ю. Еремкина, М. Бондаренко и другие.

Произведения детской национальной литературы помогают сохранению и развитию культуры финнов, карелов и вепсов, укреплению этнического самосознания. При изучении творческих индивидуальностей писателей, создающих произведения для детей, определились взаимосвязи традиций и новаторства как звеньев единого процесса преемственности в развитии детской литературы. Творчество молодых авторов (до 35 лет) отличается по тематике и проблематике от творчества представителей старшего поколения независимо от языка повествования. Писательский стаж современных авторов мал, но именно они своими произведениями вносят существенный вклад в развитие детской литературы на финском, карельском и вепском языках.

Развитие детской финноязычной литературы Карелии совпадает с общим ходом развития советской детской литературы, однако в ней прослеживается некоторое отставание во времени длиною приблизительно в десять лет. Кроме того, наблюдаются схожие тенденции с детскими литературами других республик России, например, волжско-финскими и пермскими, в которых также до 1980-х годов встречалось мало характерных национальных черт²⁷⁵.

Основной тематикой произведений для детей на финском языке в 1930-е годы стали социальные изменения в стране, индустриализа-

²⁷⁵ См.: Kahrs U., Schötschel M. Literatursoziologische Entwicklungen bei Wolgafinnen und Permiern (1985–2008). Hamburg, 2011. 261 s.

ция республики и коллективизация в деревне. В период 1950–1980-х годов – доброжелательное отношение к ребенку не только в семье, но и в окружающем мире. Продолжалась разработка тем: природа и человек, взаимоотношения взрослого и ребенка.

Явление билингвизма, характерное для произведений финноязычных авторов второй половины XX века, обусловлено обстоятельствами некоторых особенностей культурного и языкового развития и двуязычия в развитии литературы. В то же время этот период ознаменовался полным отсутствием литературы на карельском и вепском языках. Писатели-карелы выбирали в качестве языка творчества русский или финский. Так появились две повести для детей карелов Э. Кононова и П. Лукина.

Снижение статуса финского языка в республике привело к тому, что с 1991 года начался спад в развитии детской финноязычной литературы. Улучшению ситуации могла бы способствовать более серьезная финансовая поддержка со стороны государства в виде премий или семинаров для авторов детских книг. Спасением пока остается только журнал для детей „Kipinä“, в котором публикуются произведения на финском языке, и издаваемая переводная и учебная литература, количество которой, по сравнению с предыдущими годами, сократилось в разы.

Рост национального самосознания, появление письменности на карельском и вепском языках способствовали развитию детской литературы на них. В 1990-е годы начали писать произведения для детей на карельском языке: З. Дубинина, О. Мишина, Т. Щербакова, Н. Антонова, Н. Синицкая, на вепском – Н. Зайцева, Н. Абрамов, О. Жукова и другие.

Национальное своеобразие детской литературы Карелии определяется отражением национальной действительности, условиями жизни конкретного народа, в поэтике художественных произведений, в творческом использовании писателями тем, сюжетов, средств выражения из жизни народа и фольклора.

В новой социокультурной ситуации детская книга ищет новые эстетические критерии, новый художественный облик. Если в начале XX века главной целью была ликвидация неграмотности населения, то в 1940–1980-е годы создание образа счастливого детства в счастливой стране занимает ведущие позиции. Распад Советского Союза разрушил не только экономические связи, но и культурные. Изменились общество и его ценности, а вместе с ними и детская литература.

Несмотря на это, нельзя преувеличивать художественную ценность первых произведений детской национальной литературы. Это, как правило, цепь эпизодов, связанных между собой не столько развитием характеров действующих лиц, сколько разворачиванием сюжета. Поступки героев, обстоятельства, в которых они пребывают, часто изображены посредством описаний.

Некоторые произведения для детей не имеют логической последовательности в сюжете, в системе образов, некоторые авторы недостаточно пользуются богатыми художественно-изобразительными средствами родного языка, что затрудняет восприятие детьми литературы. Следует учитывать, что к каждому юному читателю не поставишь педагога, чтобы разъяснить какое-то неясное жизненное явление, сложную жизненную ситуацию.

В детской национальной литературе сохраняются опыт и традиции писателей, творивших ранее. Особенно это заметно в финноязычной литературе. Отход от доктрины социалистического реализма привел к новой тематической ориентации, которая выразилась, в первую очередь, в обращении к устному народному творчеству. Современных писателей с предшествующим поколением объединяют общие особенности образного видения мира, национально-самобытные черты художественного мышления.

В республике ведется систематическая переводческая деятельность, играющая большую роль не только в развитии литературы, но и в формировании самих языков. Наибольшее количество переводов детской литературы сделано на финский и карельский языки.

На протяжении всего XX века создавалась учебная литература на финском языке, а в 1920–1930-е годы – на карельском и вепском. Книги для чтения на вепском языке начала XX века выполняли универсальную функцию. Они одновременно являлись учебниками для чтения в школе и пособиями по обществоведению, т. е. выполняли просветительно-педагогические задачи и были практически единственной формой литературного творчества.

В начале XXI века книги для чтения на карельском и вепском языках включали в себя как оригинальную, так и переводную литературу. Хрестоматий на финском языке не выходило. В настоящее время сложно сказать, какие произведения современных писателей войдут в круг детского чтения. К тому же в образовательную программу детская национальная литература не входит. Индекс попу-

лярности книг в детско-юношеских библиотеках говорит о том, что художественная литература на языках очень редко запрашивается.

Знакомство детей с литературой Карелии в школах и детских садах не осуществляется или осуществляется частично в рамках регионального компонента. К тому же преподаватели школ часто знакомят учеников не с литературой Карелии, а с произведениями скандинавских писателей, таких как А. Линдгрэн, Т. Янсон, Г.-Х. Андерсен. Причиной этого является незнание преподавателями литературы Карелии, отсутствие критики на нее, недостаточное количество данной литературы в школах, незнание национальных языков, как учителями, так и детьми. Все это приводит к тому, что литература на национальных языках остается не изученной.

На протяжении всего периода создания детской национальной литературы большую роль играла журналистика. Именно на страницах национальных газет и журналов были опубликованы произведения детской литературы, в дальнейшем вышедшие отдельными книгами.

Первым детским журналом в Карелии стал журнал «Kipinä». Спустя годы он продолжает оставаться площадкой для начинающих писателей и интересным чтением для детей. Журналы „Carelia“ и „Kipinä“, возникшие в 1990-е годы газеты „Oma Mua“, „Vienan Karjala“ и „Kodima“ способствовали развитию детской литературы на финском, карельском и вепском языках.

Большую роль в создании национальной периодической печати сыграли кадры. В 1920-х годах – это финские эмигранты и финны-ингерманландцы Ленинградской области. В 1980-е годы – их потомки и карелы, владеющие финским языком. С 1990-х годов в процесс создания национальной периодической печати на карельском и вепском языках включилось новое поколение карелов и вепсы. Чаще всего журналисты становились участниками литературного процесса, выступая переводчиками, редакторами книг и авторами оригинальных произведений.

Журналисты национальных редакций, осознавая свою важную миссию в связи с изменившейся языковой и политической ситуациями в 1990-е годы, продолжают способствовать развитию детской литературы на страницах журналов и газет. Тот ускоренный процесс, который произошел за двадцать лет в развитии детской литературы на карельском и вепском языках, оказал существенное влияние на образ жизни этих народов и их культуру, так как произошла замена устной формы речи письменной.

Детская национальная литература Карелии, впитав в себя лучшие достижения предшествующих лет, продолжает развиваться. Достигнутые ею результаты уже стали составной частью многонациональной культуры: «Книжный фонд на национальных языках – карельском, вепсском, финском – представляет собой уникальную часть информационных ресурсов, являющуюся национальным достоянием Республики Карелия и России»²⁷⁶.

²⁷⁶ Засекова И. И. Библиотечные информационные ресурсы на вепсском языке // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апр. 2008 г.). Петрозаводск, 2008. С. 185.

Содержание

Введение.....	3
ГЛАВА 1. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ	10
Становление финноязычной литературы 1920–1940 годов	10
Развитие литературы в 1950–1980 годах	24
Особенности развития литературы в конце XX – начале XXI века	45
ГЛАВА 2. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	62
Истоки создания детской литературы.....	62
Роль фольклорного наследия в современной литературной традиции	75
Развитие детской литературы в конце XX – начале XXI века	93
ГЛАВА 3. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ВЕПСКОМ ЯЗЫКЕ	119
Заключение.....	142

Научное издание

Н. В. Чикина

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАРЕЛИИ
на финском, карельском и вепсском языках

*Рекомендовано к печати сектором литературы и фольклора
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Редактор М. А. Радостина
Оригинал-макет М. И. Федорова

Сдано в печать 29.12.2012. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 7,80. Усл. печ. л. 8,60. Тираж 200.
Изд. № 342. Заказ № 107

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50